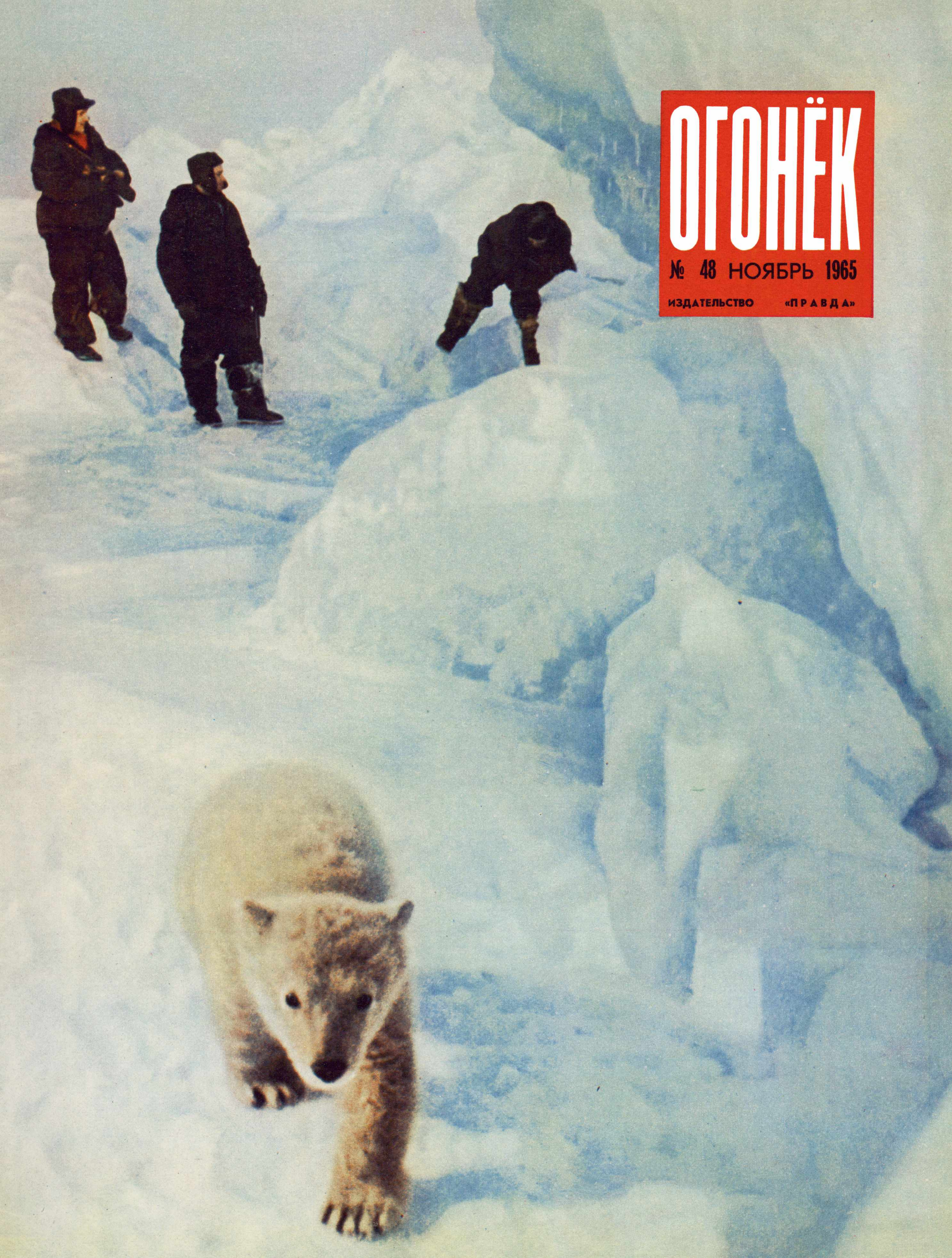
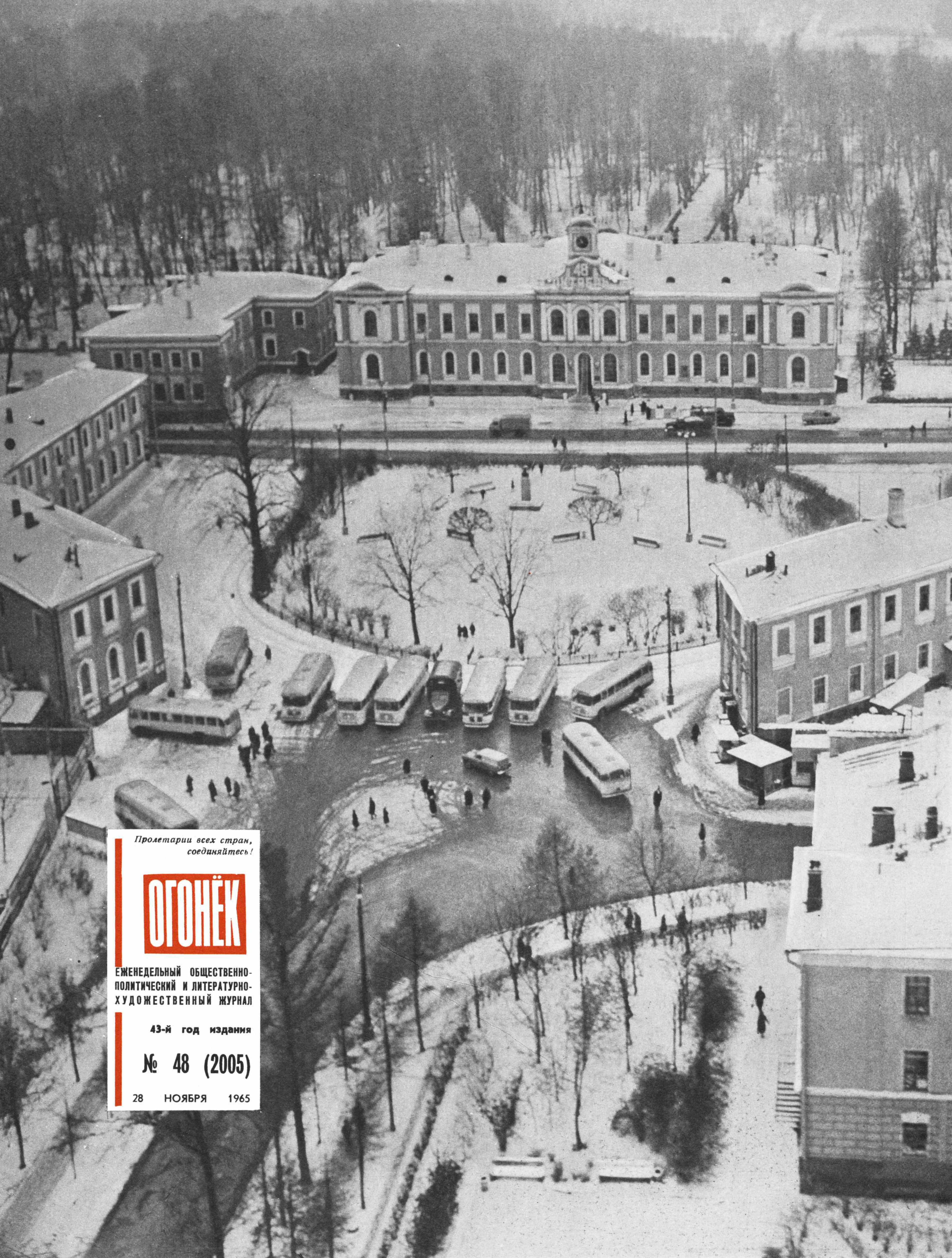

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
43-й год издания
№ 48 (2005)
28 НОЯБРЯ 1965

ПЕРВЫЙ ВЕК ТИМИРЯЗЕВКИ

Н. БЫКОВ

Фото И. Тункеля.

Жабна — река старая, настолько старая, что затерялась она в архивных дебрях да в оврагах, заросших бузиной и лопухами, а название ее давно забыто: старожилы с ее берегов переселены, а новоселы и не подозревают, что ручей в Тимирязевском лесу — это настоящая река. Да и сейчас не иссякают родники древней речушки. Стояла когда-то на лесных берегах ее деревенька Семчино, и принадлежала она князьям Шуйским. Минули долгие и медленные, как облака над зеленым выгоном, десятилетия. Жабна стала называться Жабенкой, Семчино — Петровским, а разросшееся крепостное село — вотчиной Кирилла Нарышкина, деда Петра I. Прошло еще почти столетие, и Петровское стало Петровско-Разумовским, потому что получил богатейшее подмосковное владение фельдмаршал и Академии наук президент граф Кирилл Разумовский. И поныне далеко на подступах к Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева улицы напоминают о минувшем: Петровско-Разумовский проезд, Петровско-Разумовская аллея, Нарышкинская аллея. А неприметная чужому глазу Жабенка обегает большой город, возникший в этих исторических местах сто лет назад. Это Тимирязевка, ее площади и улицы, ее учебные корпуса и лаборатории, ее парки и леса. И всюду рядом с камнем, асфальтом и стеклом — стволы старых деревьев, высокие и гордые. Зеленым островом среди белокаменных громад новостроек живет тихий академический городок. Здесь улицы называют аллеями, а носят они названия: Вязовая, Кленовая, Лиственничная...

...Большой, еще достаточно крепкий и, видно, мудрый старик склонился над взрыхленной землей: сажает деревце. За каждым движением сильных, узловатых, как старые корни, рук следит мальчик. Забыта игрушка. В эту минуту на глазах мальчонки происходит чудо — рождается лес, который переживет и деда и его внуков... Встает солнце. Руки и корни погружаются в землю, начинается жизнь...

Это барельеф на памятнике профессору Петровской земледельческой и лесной академии М. К. Турскому. В бронзе увековечена символическая и в то же время очень будничная картина. Когда-то вот так же сажал деревья крепостной вельможи Разумовского, а еще раньше здесь посадил несколько дубов и лип молодой царь Петр, только что вернувшийся из Голландии. А много позже — студенты Прянишников и Коссович, будущие профессора академии. Да только ли они! У каждого петровца, у каждого тимирязевца есть на земле, растет, шумит на ветру его дерево! Большой лес, превращенный в живую лабораторию,— величавый памятник деяниям многих поколений тимирязевцев.

Тимирязевка — родина русской агрономической школы. Здесь получили свое начало многие научные направления. Десятки выдающихся ученых нашей страны учились в Петровке, начинали в академии свои первые шаги в науке.

3 декабря, в день столетия Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, питомцы с благодарностью вспомнят ее, свою родную Тимирязевку, своих преподавателей. И учителей нынешних учителей. А среди них первым — Климента Аркадьевича Тимирязева. Более двадцати лет К. А. Тимирязев работал в академии. Великий физиолог заведовал кафедрой ботаники и физиологии растений. Его труды по фотосинтезу — это подступы к разгадке тайны жизни зеленого листа, они стали классическими. К. А. Тимирязев был не только выдающимся ученым, но и непревзойденным популяризатором и публицистом, Гражданином с большой буквы.

Продолжение на стр. 26.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1965 года Михаил Тимофеевич Ефремов назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР.

БОЛЬШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ

«С праздником!» — так приветствовали друг друга кинематографисты, встречаясь 23 ноября в Большом Кремлевском дворце на Первом учредительном съезде Союза кинематографистов СССР. На форум собрались мастера экрана из советских республик, гости из разных стран.

Среди делегатов и те, кто стоял у колыбели кинематографа, и те, чьи имена узнал и запомнил зритель совсем недавно.

О союзе поколений, о преемственности революционных традиций советского кино, о поддержке молодежи, заботе о ней, наконец, о неувядаемой молодости старших мастеров много говорилось на съезде. Помогать всему талантливому, ставить всяческие препоны серому, посредственному, нехудожественному, равнодушному, ремесленному — к этому призывал в своем докладе «Коммунистическое строительство и задачи советской кинематографии» председатель оргкомитета Союза работников кинематографии СССР Л. Кулиджанов.

Сейчас наша страна готовится к двум славным юбилеям: 50-летию Советской власти и столетию со дня рождения Ленина. Только высокохудожественные произведения могут быть достойны этих великих исторических дат.

Приветствие ЦК КПСС съезду кинематографистов огласил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев.

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР

Союз наш создан. Его рождение мы праздновали в Большом Кремлевском дворце.

Мне кажется сейчас самым главным — подтверждать нашими делами то, о чем мы говорили на нашем Первом съезде.

Помогать партии в воспитании нового человека, быть нужным обществу, строящему коммунизм... Были ли у художников более высокие, более ответственные, важные, почетные и радостные задачи? Обо всем этом нельзя сказать в нескольких словах, да и сейчас надо в дела претворять свои думы. Ведь лучше всего художник выражает себя в своем творчестве. Это мое твердое убеждение, поэтому я очень не люблю рассказывать о своей работе. Тем более сейчас уже и нет необходимости. Ибо половина работы, которой я отдал последние несколько лет жизни,— две серии «Войны и мира»,— выходит на экран. Наш коллектив продолжает работу над третьей и четвертой сериями.

●

Шакен АЙМАНОВ,
народный артист СССР

Этот съезд для нас двойной праздник. Кроме того, что мы разделяем радость всех кинематографистов, нам отрадно, что казахские киноработники пришли к нему зрелым, сильным, организованным отрядом и сейчас без скидок на периферийность, молодость и слабость могут порадовать зрителей настоящим искусством.

Студия серьезно готовится к 50-летию Советской власти. Совместно с «Мосфильмом» режиссер Мажит Бегалин будет ставить большой фильм о героическом подвиге наших земляков-панфиловцев, защитников Москвы, по книге Бека «Волоколамское шоссе».

Молодой режиссер А. Карсакбаев работает над фильмом «Звезды не гаснут», посвященном установлению Советской власти в Алма-Ате. Я буду ставить картину по сценарию казахского поэта Олжаса Сулейменова «Земля».

●

Ростислав ПЛЯТТ,
народный артист СССР

Я все еще жду своей роли в кино и надеюсь, что грядет сценарный рассвет и она наконец появится.

До сих пор я играл в кино преимущественно комедийные роли. Но сейчас на экраны вышел фильм с моим участием «Иду на грозу». Роль Данкевича, которую я играю, принципиально для моей работы в кино интересная. И я хотел бы развивать эту линию, играть роли с глубоким содержанием, чего пока мне в кино не перепало...

●

Иорис ИВЕНС,
кинорежиссер (Голландия)

Я счастлив в такой знаменательный день быть среди советских друзей.

Я приехал сюда из Лейпцига, с 8-го Международного фестиваля документальных фильмов, девиз которого — «Фильмы мира за мир во всем мире»; в нем участвовали представители более 40 стран. Колоссальным успехом пользовался фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Им начался фестиваль. Картина была удостоена специального приза жюри; 1-ю премию фестиваля получила моя небольшая документальная лента «Небо и земля», которую я снимал вместе с вьетнамскими коллегами в августе этого года в Ханое. Мой старый друг Роман Кармен на этом же фестивале был удостоен премии «Серебряного голубя» за фильм «Великая Отечественная». Знаменательно то, что параллельно с фестивалем в другом кинотеатре показывали прежние работы кинематографистов мира, посвященные борьбе с фашизмом. Был там и фильм об Испании, который мы делали с Хемингуэем,— «Испанская земля» и много замечательных работ советских кинематографистов, снятых на фронтах Великой Отечественной войны и в Испании.

В перерыве съезда продолжается дискуссия. Народные артисты СССР М. И. Жаров и Б. Ф. Андреев.
Фото Е. Умнова.

Ульяновск — стройка ударная

Новая пятилетка принесет Ульяновску огромные перемены, каких прежде не могли дать века. Город, где прошли детские годы В. И. Ленина, получит новые цехи заводов, полтора миллиона квадратных метров жилой площади, двадцать четыре школы, свыше пятидесяти детских садов и яслей, кинотеатры, гостиницы, спортивные комплексы, вокзалы.

Проекты и рабочие чертежи строителям Ульяновска шлют из Москвы, Ленинграда, Волгограда, Куйбышева. Творческое задание выполняют и мастерские Центрального института экспериментального проектирования торговых зданий.

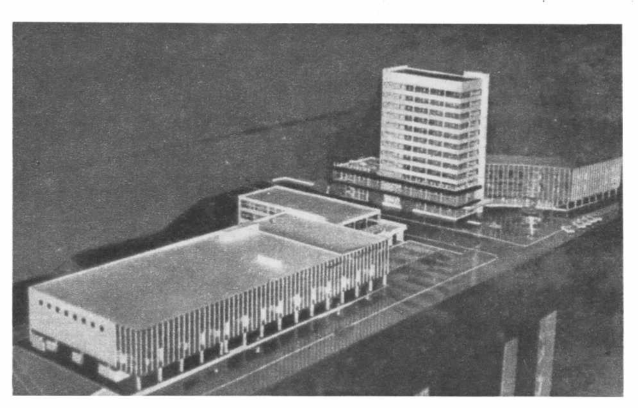
В ближайшие годы будет создан торговый центр Засвияжского района. Скоро начнется строительство магазинов, столовых в тринадцатом микрорайоне. Крупный универсальный магазин получат жители Заволжского района. А на месте торговых рядов «Столбы», существовавших с первой половины девятнадцатого века, встанут два корпуса Дома торговли.

У архитекторов Ф. Селецкого, А. Миримова, Б. Котляра богатая палитра. Для отделки зданий они выбрали непрозрачное профильное стекло, шлакоситалл. И еще новинка: подвесные потолки из листов синтетического материала люминента. Скрытые за ними лампы излучают ровный, не утомляющий глаз свет.

Архитектурно - композиционным центром ансамбля станет двенадцатиэтажный корпус Дома быта. Помещения Дома спланированы так, чтобы четко разграничить две зоны — обслуживания клиентов и производственную.

Замыслы проектировщиков уже становятся явью. Строители трудятся на площадке Дома торговли.

Ан. ВЕТРОВ

Макет Дома торговли и Дома быта в Ульяновске.

СОХРАНЕННАЯ ДРУЖБА

Недавно в еженедельнике «Нойес Лебен» появилась фотография маленькой девочки. Паулина Браур из Ухты интересовалась, что стало с Урзулой Гёриг — девочкой, которая часто бывала в ее семье в 1945 году, когда Браур работала переводчицей в советской комендатуре городка Гербштедт. Множество наших друзей в Германской Демократической Республике, увидев эту фотографию, сразу же бросились на поиски Урзулы. И профессор из Берлина, немедленно связавшийся по телефону с Гербштедтом, и полицейский из Кетена, отправившийся на велосипеде за несколько десятков километров в соседний городок, и члены общества германо-советской дружбы.

Не прошло и недели, как в редакцию сообщили, что Урзула и сейчас живет в Гербштедте, только теперь у нее другая фамилия: она вышла замуж за горняка Дитера Лемке.

В эти дни двести горняков из горнорудного комбината «Вильгельм Пик», премированные за успехи в соревновании, готовились к поездке в Москву на празднование Великого Октября. Среди них был и муж Урзулы. И вот один из горняков предложил: пусть вместе с Лемке едет и его жена Урзула.

Дали знать Паулине Браур в Ухту. Она тоже выехала в Москву. И вот долгожданное свидание: Урзула и Дитер встретились в редакции «Нойес Лебен» с Браур.

Женщины обнялись. Смеялись. Плакали. А потом, когда немного успокоились, начались расспросы:

— А ты помнишь?..

— В бывшем здании комендатуры теперь клуб, кружки: кройки и шитья, музыкальный, танцевальный... Библиотека...

Урзула работала официанткой, а потом, когда сыновья потребовали все ее времени, стала домашней хозяйкой. Паулина вырастила сына и дочь: Виктор стал автослесарем; жена его — директор школы. А Ильза — педагог.

Так встретились через двадцать лет люди, прошедшие испытание войны. Они ничего не забыли, прежде всего дружбу.

Анатолий ШНИТКЕ

Такой Урзула была 20 лет тому назад.

Урзула и Паулина на Красной площади.

На мирных полигонах

АМФИБИЯ РАССЕКАЕТ ВОЛНЫ

— А теперь пойдемте на новую модифицированную амфибию,— приглашает инженер Валентин Михайлович,— пора начинать испытание.

Новые аэросани-амфибия созданы на общественных началах молодыми инженерами из конструкторского бюро Андрея Николаевича Туполева. Амфибия может пройти и по снегу, и по мелководным рекам, и по озерам. Новая амфибия более совершенна. Это должны подтвердить испытания.

...Московское море здесь пока не замерзло, и аэросани — на плаву. Механик уже все подготовил. Водитель сидит за штурвалом. Загудел двигатель, и испытания начались.

Сначала мчимся по чистой воде. На пути попадаются редкие льдины, постепенно они становятся больше, густеют. Машина, почти не снижая скорости, подминает их под себя. Прямо по курсу большое ледяное поле. Амфибия промчалась по нему, оставив за собой облако сверкающей ледяной пыли. Брызги бусинками замерзают на ветровом стекле.

— Сейчас пойдем по острову,— предупреждает Валентин Михайлович, и водитель направляет машину к берегу, припорошенному снегом.

Остров порос камышом и невысоким кустарником. С легким толчком машина выскакивает на берег и мчится, пригибая к земле камыш воздушной струей от винта. На той же скорости преодолеваем кустарник. Только слышим, как ветки стегают по металлическому днищу...

Аэросани-амфибия блестяще выдержали очередной экзамен.

А. ГОЛИКОВ

Лед становится все гуще...

Фото автора.

НОВОСТИ

ФАБРИКА ДИЕТЫ

Едва Савелий Петрович положил трубку на рычаг, как сразу же снова раздался звонок:

— Не могу дозвониться к вам — двадцать минут сижу у аппарата... Это из магазина «Здоровье» говорят.

— Что поделаешь! — вздохнул Савелий Петрович.— Новый район. Только что обосновались, один телефон на всю фабрику. Обещают еще один поставить.

«Здоровье» — заказчик солидный, он не хочет ждать, ему надо **все** получить немедленно: паштет из печени, куриные кнели, крупеник...

— А куры отварные и жареные нужны? — спрашивает Савелий Петрович Пинхинсон, директор фабрики диеты.

— Нужны. И как можно больше!..

Еще совсем недавно фабрика ютилась в тесных полуподвальных комнатах старого дома, производственные возможности были невелики. Теперь — двухэтажный новый дом из стекла и бетона.

Телефон не умолкает. Звонят из магазина «Стрела», просят срочно привезти селедочное масло.

— Селедочное масло? Мы же вам утром отправили!

— Все продали. Вкусное очень!

Пользуются популярностью овощные салаты и красная рыба, фруктовое желе и сырное масло, сливочное желе и паштет из печенки... Фабрика диеты, только что открывшаяся в районе новостроек Ленинграда, поставляет свыше шестидесяти разных блюд. И каждое из них готовят по рецепту, рекомендованному институтом питания Академии медицинских наук.

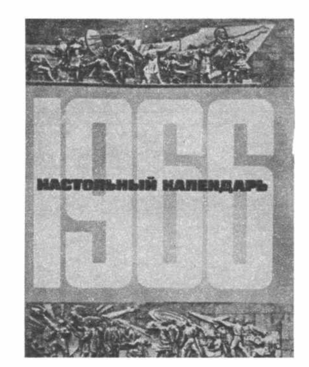
К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»
Фото Н. Ананьева.

ТИРАЖ — 39 МИЛЛИОНОВ

Ни одно издание не может сравниться своим тиражом с небольшим, в триста шестьдесят пять страниц, кирпичиком отрывного календаря: двадцать миллионов экземпляров таких календарей выпускает Политиздат. Эта своеобразная настенная энциклопедия давно стала привычной во всех домах, но теперь у нее появилось много конкурентов: одиннадцать типов календарных изданий — отрывные и настольные, прекрасно иллюстрированные и скромные численники. Кстати, о них. Впервые поступит в продажу два миллиона отрывных календарей с числом, занимающим половину страницы,— такое издание рассчитано на пожилых людей.

Хорошо выглядит календарь «В мире прекрасного». На его страницах — лучшие произведения живописи, графики, скульптуры. Это издание дает возможность совершить прогулку по Эрмитажу или Третьяковке.

Политиздат выпускает «Настольный календарь» — хорошую справочную книгу-путеводитель по 1966 году.

Школьники получат три миллиона своего календаря, детского. Крупными тиражами выходят также отрывной «Календарь для женщин», «Молодежный календарь», цветной многокрасочный «Женский календарь», еженедельник «Спутник», деловой перекидной календарь...

Всего 39 миллионов календарей выпускается к 1966 году.

К. КИРИЛЛОВ

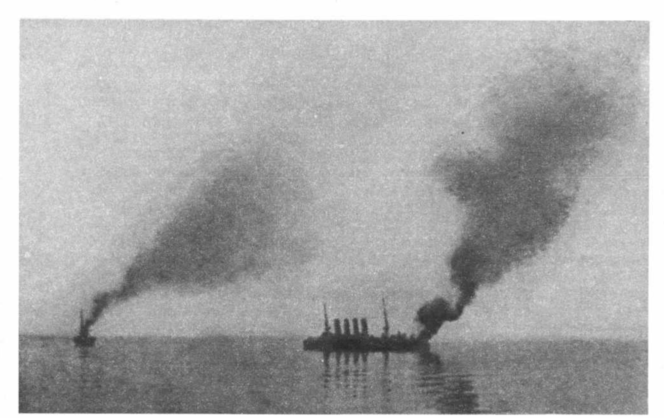
ИНТЕРВЬЮ

Еще о «Варяге»

О судьбе знаменитого «Варяга» накопилась огромная литература. Казалось бы, что можно еще узнать о нем нового, неизвестного? Оказывается, можно. Кое-что удалось уточнить по письмам читателей «Огонька» после опубликования заметки «Врагу не сдается наш гордый «Варяг» в номере 7 за 1964 год. Затем в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья о последних днях «Варяга», севшего на подводные камни у Шотландского побережья и в 1925 году разобранного на лом. А недавно родственники командира корабля В. Ф. Руднева передали автору этой заметки редкое фото «Варяга», снятого японцами после боя с их эскадрой, а также выдержки из книги «На «Варяге», изданной в двадцатых годах за рубежом.

Большой интерес представляют воспоминания автора этой книги, бывшего офицера крейсера Б. Апрелева. После службы на «Варяге», прибывшем в 1917 году в Англию на ремонт, Б. Апрелев стал морским агентом русской миссии в Белграде. Однажды он получил шифрованную телеграмму из Лондона. В ней русский военно-морской атташе запрашивал: не согласится ли правительство Югославии принять на хранение крейсеры «Варяг» и «Аскольд»? Автор книги утверждает, что ответ югославского правительства, боявшегося международных осложнений, был отрицательным.

В. МАКСИМЕНКО,
полковник в отставке

«Варяг» и «Кореец» после боя с японской эскадрой идут в Чемульпо.
Редкий снимок 1904 года.

ИНФОРМАЦИЯ

ЛЫЖНАЯ ДУША

Что прочнее — монолитный кусок дерева или склеенный? На первый взгляд, конечно, цельный! Но нет, гораздо прочнее склеенный из нескольких слоев, распиленный поперек и еще раз склеенный. Особо прочные лыжи марки «Эстония» склеены из двадцати частей. И еще — при склейке внутренность лыж можно заполнить легкими сортами древесины. Обычная пара лыж весит около двух килограммов. Когда Таллинская лыжная фабрика выполняет специальные заказы для сборных команд страны, она облегчает гоночные лыжи на 700—800 граммов. Для этого наружный, скользящий кант делается из прочных и тяжелых гикоря и граба, а внутренние слои заполняются бальзой — той самой, из которой Тур Хейердал делал свой знаменитый плот.

Каждой весной в конце лыжного сезона фабрика ведет большой разговор с лучшими лыжниками страны и с руководителями спортивных организаций. Обсуждаются недостатки лыж прошлого выпуска. И летом улучшают конструкцию.

Эластичность лыжам придают три виртуоза своего дела — Арнольд Ряйнсалу, Йоханнес Тамбур и Эдгар Ниинепу. На первый взгляд это просто: сними рубанком лишний слой. Но слой-то этот толщиной в десятую долю миллиметра, и тонкость в деле нужна такая, словно арфу настраиваешь!

Тон на фабрике задают главный технолог Бернхард Кививяли и глава бригады гоночных лыж «Эстония» Адольф Матсо. О каждом из них говорят: «Лыжная душа»...

Сейчас на фабрике страдная пора. Спрос на таллинские лыжи большой. Фабрика расширяется, и лыж будет куда больше.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

Вот они, лыжи Таллинской фабрики, легкие и прочные.
Фото В. Сальмре.

ПАХТ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Каждый праздник радостен и светел. Но, пожалуй, дороже всего тот, который создается трудом и ратным подвигом человека.

В нынешнем году родился еще один такой праздник — Пахта байрами — праздник хлопкоробов. ЦК КП Узбекистана принял постановление ежегодно проводить этот праздник в последнее воскресенье ноября.

Двадцать дней назад наш журнал опубликовал информацию о том, что три миллиона шестьсот тысяч тонн узбекского хлопка сдано государству, а сегодня радостно поют карнаи — трубы победы, победы небывалой в истории республики: около четырех миллионов тонн снежной пахты добыто руками тружеников Узбекистана.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

Депутат Верховного Совета республики, механизатор Турсуной Раимова. Ее 180 тысяч килограммов пахты — на праздничном столе.

Как и многим в эту страдную пору, колхозному председателю Рафи Хамраеву не хватило суток...

СЛУЖБА ЖИЗНИ

К двадцатилетию Международной демократической федерации женщин

Они были и солдатами и солдатками одновременно. Война дала им воинские звания и одинокие дома. Ордена и кресты на могилах мужей. Они научились читать строки воинских приказов и листки похоронных. Тогда, 1 декабря 1945 года, в Париже многие из них еще не сняли гимнастерок, темных одежд вдов и полосатых халатов узниц концлагерей. Они пришли в зал Мютюалите в этих одеждах, как в боевой униформе воительниц. Женщины, просто женщины.

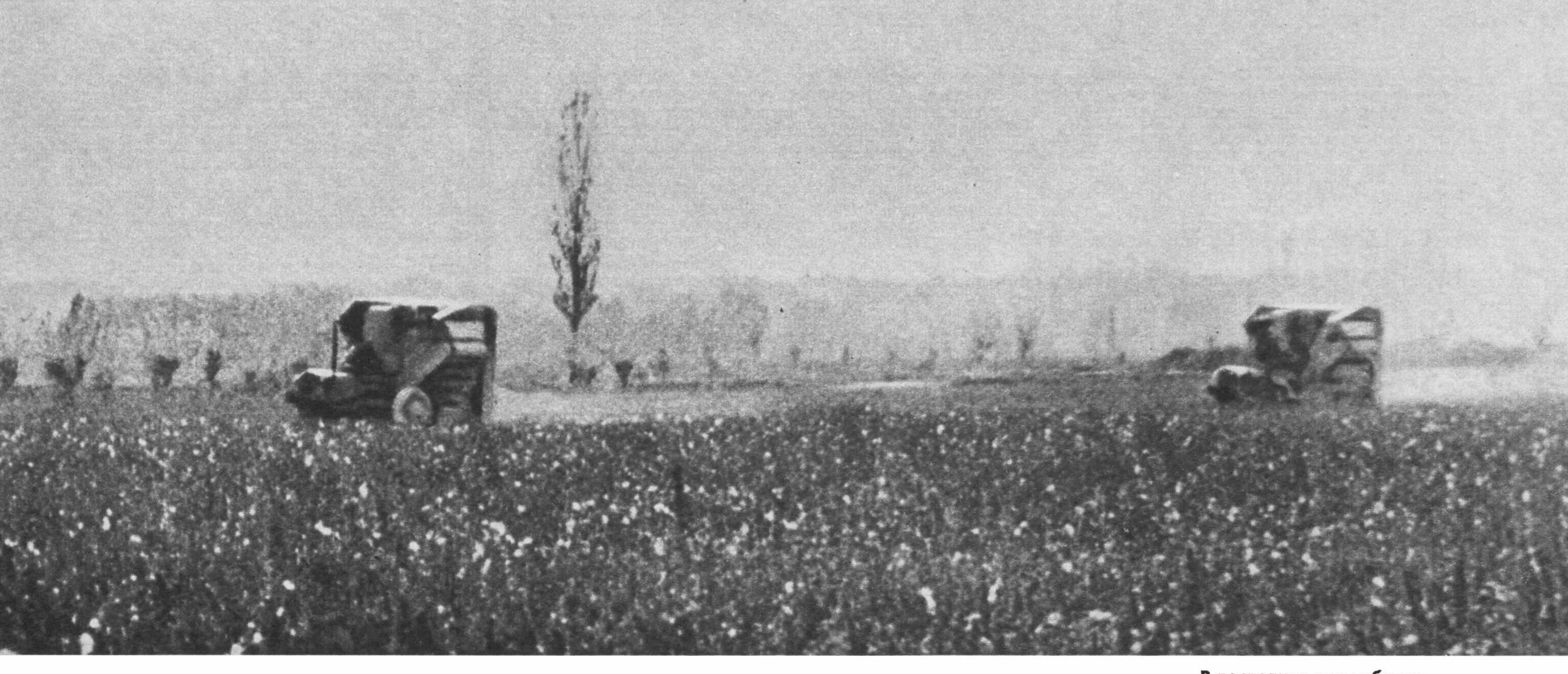
Тогда они основали свой союз — Международную демократическую федерацию женщин,— и тогда над щебнем Европы прозвучали их слова, сказанные от имени 80 миллионов таких же, как они: «Мы торжественно клянемся бороться за создание условий, необходимых для счастливого и гармонического развития наших детей и будущих поколений».

Сегодня, наверное, многие женщины перебирают в памяти подробности того дня. Два десятилетия трудной и отважной борьбы Федерации прошли и передо мной, когда недавно в Зальцбурге, на юбилейной сессии Совета МДФЖ, листалась летопись этой борьбы.

По ущельям австрийских Альп, лежащих за спиной Зальцбурга, гуляет эхо воскресных колоколов и моцартовских симфоний, исполняемых прямо на площади. Этот антикварный тихий город увенчан зубчатой короной мрачной архиепископской крепости и славой дома, где родился Моцарт. Об этом стоит говорить, ибо зальцбургская умиротворенная музейность особенно действенно подчеркивала сегодняшнюю силу событий, о которых говорилось на сессии.

При основании Федерации программу ее борьбы составили четыре кардинальные проблемы: борьба за мир, за национальную независимость, за права женщин, за счастье детей и грядущих поколений. И если сегодня программа осталась неизменной, это не значит, что в ней нет завоеваний. Они значительны. Но лозунги Федерации — это знамена прогресса, а прогресс не бывает завершенным.

В Зальцбурге встретились те, кто был учредителем Федерации: бессменные президент Эжени Коттон и вице-президент Нина Попова, Мари-Клод Вайян-Кутюрье, Жаннетта Вермерш, Андреа Андреен, Цола Драгойчева, Анна Невалайнен, Бориш Фай, Шарлотта Мюрэ...

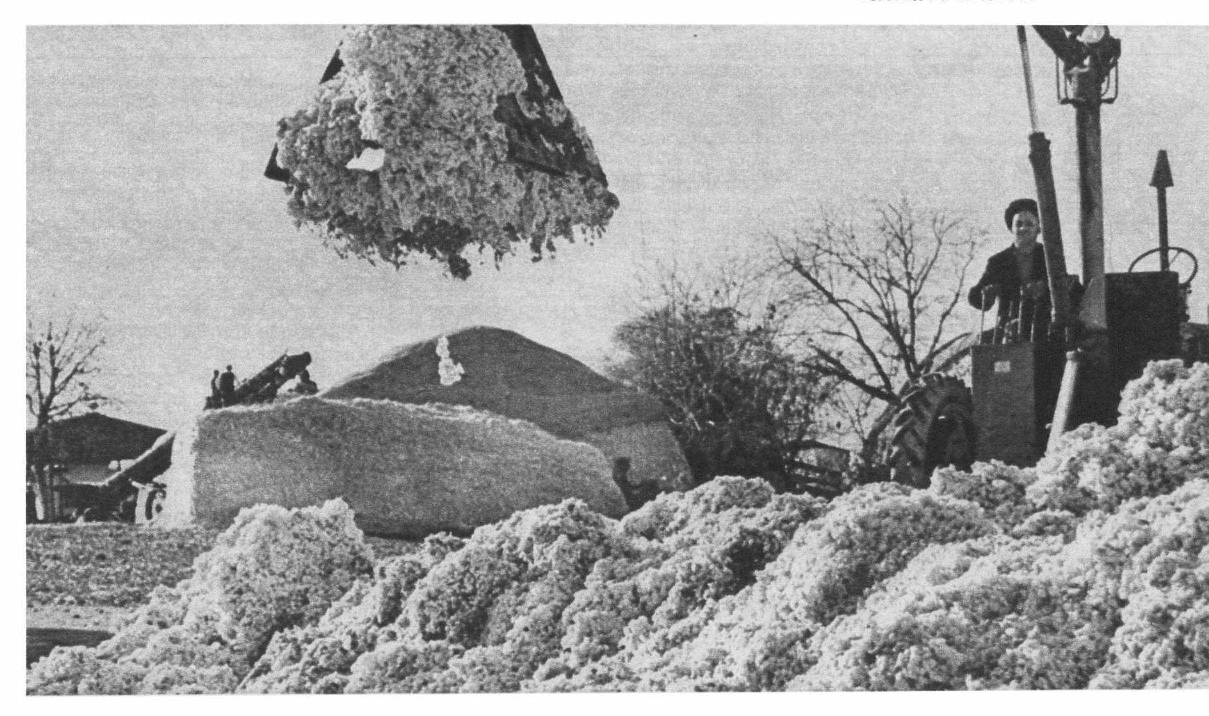
В последние часы уборки.

А БАЙРАМИ

Снежное золото.

Я слушала выступления делегаток в Зальцбурге.

Нгуен Ха Бин из Южного Вьетнама рассказывала о деревнях, где на глазах матерей интервенты сжигали детей, и джунгли разрывал крик: «Мама! Мне жарко! Спаси меня!» Деревню в джунглях можно назвать и вьетнамской Лидице.

В Западной Германии школьники проводят каникулы в солдатских казармах, и четырнадцатилетний юнец заявляет: «...когда у меня в руках ружье, я чувствую, что могу уничтожить батальон русских...» Как это похоже на педагогические экзерсисы гитлерюгенда!..

Женщина Южно-Африканской Республики, муж которой работает в городе, может встретиться с ним только на 72 часа. За нарушение режима — избиение кнутом, тюрьма, пожизненное заключение... Может быть, эти приказы подписаны в 60-х годах нашего века гитлеровскими гаулейтерами?!

Похоже, похоже. Но и другое — как прежде.

Люситта Андраде из Португальской Гвинеи, доминиканка Бернарда поднимаются на трибуну и, как их вьетнамская подруга, заявляют: «Лучше умереть солдатом, чем жить рабом». В партизанских лесах Белоруссии, в югославских и греческих ущельях когда-то говорились те же слова.

Да. За 20 лет у народов были не только похожие победы, но и похожие трагедии. И ни разу женщины мира не остались безучастными к ним. 500 миллионов подписей под Стокгольмским Воззванием собрано ими. Они охраняли мир, как свой дом. Они шли в траурных одеждах по улицам Лос-Анжелоса с плакатами «Не отдадим своих сыновей на убийство во Вьетнаме!» и стотысячными патрулями заполняли американские военные базы в Японии, преграждая путь ракетам «Поларис». Они пикетировали штаб-квартиру НАТО и по всему миру собирали пожертвования в помощь сражающемуся Вьетнаму.

Женщины знают: дать жизнь человеку — это не только произвести его на свет. Несколько лет назад на трибуну одного из женских конгрессов поднялась африканка и сказала: «Мы не хотим больше рожать рабов». В Зальцбурге генеральный секретарь Всеафриканской федерации женщин Жанна Мартен Камара говорила об университетах и больницах в бывших колониях, о женщинах, ставших депутатами парламентов. Чтобы одни слова могли прийти на смену другим, были нужны дела. Много дел. Их делали и женщины. Их делала МДФЖ.

Четыре дня в Зальцбурге вместили не только два ушедших десятилетия. Они разметили маршруты борьбы будущих лет.

Я слышала в Зальцбурге много слов признательности, обращенных делегатками к своим советским подругам. В одном из разговоров ливанка Сурая Одра сказала мне: «Федерация — это служба жизни, и советские женщины — ее авангардный караул». Мне приятно передать эти слова соотечественницам. Это хороший пост — служба жизни.

Галина ШЕРГОВА

29 ноября Югославия отмечает свой национальный праздник — 20-летие со дня провозглашения Республики.

ЮГОСЛАВСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Драган МАРКОВИЧ, главный редактор югославского журнала «Свет»

В апреле 1941 года гитлеровские войска вторглись в нашу страну. Мощная волна народно-освободительного движения разбила иллюзии гитлеровцев, рассчитывавших, что их оккупационный аппарат в Югославии сможет успешно подавить сопротивление народа. Ни фашистские каратели, ни местные полицейские силы не дали ожидаемых результатов. Тогда для борьбы с народом были брошены дислоцированные в Югославии регулярные гитлеровские войска. Однако восстание против оккупантов не только не ослабевало, но принимало все больший и больший размах.

Осенью 1941 года гитлеровцы были вынуждены подтянуть подкрепления и начать крупные военные действия. Но и это не помогло захватчикам. Начальник одного из отделов гестапо Миллер прямо признавал в своем директивном распоряжении невозможность ликвидировать коммунистическое движение в Югославии принятыми до сих пор мерами.

Поэтому гитлеровцы разработали и применили целую систему новых мер — полицейских, разведывательных, диверсионных, пропагандистских, с помощью которых они хотели на всей территории Югославии подавить народно-освободительное движение. Ни аресты, ни расстрелы заложников, ни смертная казнь за помощь партизанам снова не дали желаемых результатов. Борьбу против оккупантов остановить было невозможно.

Страна была оккупирована, разорена, ее армия капитулировала. «Полный порядок»,— было сказано в одном из первых гитлеровских донесений из Югославии.

Но почти безоружный народ небольшой балканской страны начал борьбу не на жизнь, а на смерть. Он стойко выдержал все удары и не дрогнул.

С каждым днем становилось все больше партизанских отрядов. Они сливались в бригады, которые позднее составили народно-освободительную армию. Гитлеровцы же продолжали твердить о «бандах». Они не смели признать, что в глубоком тылу в период военных успехов «непобедимой германской армии» возникла и борется целая партизанская армия.

В Берлине вскоре обратили внимание на то, что вопреки всем успехам, о которых говорилось в донесениях, «банды» в Югославии продолжают свои действия и все чаще возникают вооруженные столкновения с немецкими войсками. Обещания быстрой и окончательной ликвидации «банд» повторялись столь многократно, что в Берлине начали терять терпение. Последовали самые категорические распоряжения о тотальном уничтожении «банд». При этом рекомендовалось применять к «бунтовщикам» самые жестокие меры наказания. В главной ставке Гитлера Кейтель объявил, что фюрер требует «уничтожить сербских заговорщиков и не гнушаться никакими мерами наказания». Он добавил: «Нужно до основания сжигать каждое село, в котором будут обнаружены партизаны».

А министр иностранных дел фон Риббентроп развил этот тезис: «Бандитов необходимо уничтожать, всех без исключения — мужчин, женщин и детей».

Из Югославии продолжали поступать сообщения о непрерывных боях. Их масштабы становились все крупнее.

Очевидное бессилие перед народно-освободительной армией Югославии вызывало нервозность у командования гитлеровской Германии. Будучи не в состоянии разбить партизан, они решили выбросить из лексикона само слово «партизаны».

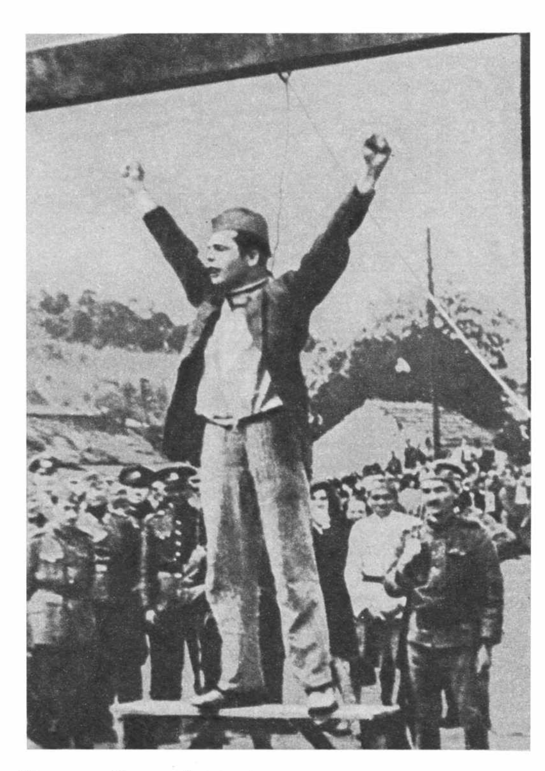
Начали состязаться в изобретении самых различных терминов для названия отрядов югославской народно-освободительной армии: «преступные орды», «балканские заговорщики», «бунтовщики», «большевистские банды». Неприятное для оккупантов слово «партизаны» было запрещено произносить вслух или писать на бумаге. Немецкое командование неоднократно издавало приказы об этом. Один из них гитлеровцы распространяли и по Югославии. Это было в середине 1942 года. Издал его сам шеф СС Гиммлер.

Сохранился документ, который распространялся по эсэсовским и войсковым частям в Словении. С ним должны были быть ознакомлены все эсэсовцы и военнослужащие.

«Начальнику СС и полиции в военной области XVIII на Балканах. Райхсфюрер СС желает, чтобы больше не употреблялось слово «партизаны». Впредь в приказах и донесениях называть: «банда» или «банда разбойников».

Вот в какое положение поставили оккупантов югославские партизаны! Когда гитлеровцы поняли, что им не уничтожить противника оружием, они решили уничтожить его одним росчерком пера!

Конечно, оттого, что партизанам не нашлось больше места в служебных бумагах гитлеровских вояк, действительное положение дел не изменилось. Это не помешало народно-освободительной армии Югославии разгромить оккупантов и освободить свою страну.

Степан Филипо́вич — командир партизанского отряда, казненный гитлеровцами в 1942 году в сербском городе Валево. Перед казнью он призывает народ на борьбу против фашистских оккупантов.

ФРАНЦИЯ В КАНУН ВЫБОРОВ

На Елисейских полях, этой парадной авеню французской столицы, я только что познакомился с последней новинкой парижской моды. Группа девушек шла по авеню, направляясь к Триумфальной арке, под любопытными взглядами прохожих. Модные прически молодых парижанок были прикрыты яркими шелковыми платками, на каждом из которых красовалась надпись: «Я голосую за Жана Леканюэ». Новинка моды с именем одного из кандидатов на предстоящих президентских выборах щедро распространяется сейчас в Париже его сторонниками.

Разгар избирательной кампании изменил лицо парижской столицы. В каждом квартале на стенах зданий или на грубо сколоченных деревянных щитах наклеены предвыборные афиши с портретами кандидатов на пост президента французской республики, призывы политических партий. Парижане недаром называют избирательную кампанию войной афиш. В раз-

ПАТРИОТЫ

18 ноября Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями шесть патриотов, живших за границей во время Великой Отечественной войны и активно боровшихся с гитлеровским фашизмом. В 34-м номере «Огонька» за 1964 год в очерке «Русские сердца» Р. Корн писала о героях этой борьбы.

Мы обратились к И. А. Кривошеину, бывшему тогда председателем «Содружества русских сопротивленцев во Франции», с просьбой рассказать о награжденных.

Как спасли Мацумото Масами

Генрих ГУРКОВ

Врачей из Японии интересовало буквально все. Вот уже несколько дней они ездили по Сахалину, осматривали больницы и поликлиники, новые санатории, часами беседовали с советскими коллегами, фотографировали, записывали.

Встреча в сахалинской областной больнице началась вполне обычно. Делегацию японских врачей тепло поприветствовали, угостили сочным ташкентским виноградом и душистым кофе, рассказали, сколько лет

личных районах столицы происходят предвыборные собрания, митинги, дискуссии, которые проводят кандидаты на предстоящих выборах. По специальному решению Конституционного совета Франции официальные предвыборные афиши, почта кандидатов, рассылаемые ими документы носят отличительные знаки. Для генерала де Голля, например, это лотарингский крест, для кандидата левых сил Франсуа Миттерана — изображение солнца.

Шесть кандидатов зарегистрированы для участия в выборах, первый тур которых состоится 5 декабря.

Генерал де Голль, которому на минувшей неделе исполнилось 75 лет, вновь выдвинул свою кандидатуру на пост главы государства, избираемого во Франции сроком на 7 лет. Обращаясь к французским избирателям по телевидению, генерал в своей речи сказал: «Мне, которого вы знаете после всего того, что мы сделали вместе во время войны и в мирные годы, каждый из вас будет иметь случай доказать свое уважение и свое доверие».

Мы уже упоминали среди кандидатов имя Жана Леканюэ, этого изобретателя предвыборной новинки парижской моды. Это кандидат так называемого «центра», ушедший «временно» в отставку с поста лидера католической партии МРП для участия в предвыборной кампании.

Раньше всех, еще прошлым летом, начал свою предвыборную кампанию один из лидеров группировки фашистского толка, адвокат Жан-Луи Тиксье-Виньянкур. Он был защитником Петэна на процессе этого предателя национальных интересов Франции, защищал в суде оасовских главарей — Салана, Жуо и других. Тиксье щедро расходует деньги на свое пропагандистское турне по Франции, финансируемое теми кругами, которые в свое время поддерживали и направляли деятельность пресловутой «секретной вооруженной организации». Тиксье поставил своей задачей сколотить крайне правую фашистскую партию.

Проводимые еженедельно во Франции опросы общественного мнения о возможных итогах выборов свидетельствуют, что очень незначительные шансы на избрание имеются у кандидата Пьера Марсиласи, который именует себя «либералом». Он утверждает, что стоит «над партиями». Марсиласи не смог в предвыборной кампании сформулировать сколько-нибудь четкой политической программы.

Имя Марселя Барбю появилось в списках кандидатов совершенно неожиданно. Буквально за десять минут до окончания официальной регистрации кандидатов к зданию, где заседал кандидатский совет, подошел пожилой человек и заявил полицейским, преградившим ему путь: «Пропустите меня, я кандидат». Никому ранее не известный Марсель Барбю возглавляет частную ассоциацию по строительству особняков в одном из парижских пригородов. Барбю откровенно заявил, что его не интересуют ни политика, ни политические партии и что он выставил свою кандидатуру лишь для того, чтобы получить право выступить по радио и телевидению фактически в рекламных интересах своей фирмы. Новый кандидат немало удивил французских избирателей, когда в первой же предвыборной речи по телевидению фамильярно назвал все 18 миллионов французских телезрителей своими «приятелями».

С большим интересом следит французская общественность, все журналисты Франции за выступлением единого кандидата левых сил Франсуа Миттерана. Этого известного французского политического деятеля поддерживают на выборах коммунисты, социалисты, радикалы, объединенная социалистическая партия, Всеобщая Конфедерация Труда. Впервые за последнее двадцатилетие вокруг одного кандидата объединились все без исключения левые партии и прогрессивные силы Франции.

Франсуа Миттеран совершил большую предвыборную поездку по стране. Он проехал 55 тысяч километров по Франции, посетил около 30 городов, выступал перед самыми различными аудиториями слушателей. Итогом его предвыборной кампании была пресс-конференция в парижском отеле «Лютеция». Миттеран изложил на ней свою политическую программу из 28 пунктов. Он подробно рассказал журналистам о своем плане демократического переустройства Франции и еще раз призвал поддерживающие его партии выработать общую программу действий. Внешняя политика Франции, по мнению Миттерана, должна быть основана на принципах невмешательства в дела других государств и мирного сосуществования.

На этой пресс-конференции присутствовали генеральные секретари Французской коммунистической партии и партии социалистов Вальдек Рошэ и Ги Молле. От внимания парижских обозревателей не ускользнул тот факт, что они сидели рядом на пресс-конференции и обменялись рукопожатиями. Парижская пресса отметила, что впервые за двадцать последних лет генеральные секретари обеих партий присутствовали вместе на публичном собрании.

Французская коммунистическая партия провела в парижском Дворце спорта крупный митинг в поддержку кандидата левых сил, на котором присутствовало несколько тысяч парижских тружеников. Это единство левых сил на выборах является важным фактором в политической жизни Франции. «Во Франции происходит нечто новое и очень важное,— заявил недавно член политбюро Французской коммунистической партии Раймон Гюйо.— Начинает набирать силы мощный народный поток...»

По мнению всех политических обозревателей, основная предвыборная борьба развернется во Франции между двумя кандидатами: генералом де Голлем, нынешним главой государства, и кандидатом левых сил Франсуа Миттераном. Выдающийся деятель партии радикал-социалистов сенатор Андрэ Мароселли так охарактеризовал нынешнюю особенность избирательной кампании: «Что бы ни случилось, каковы бы ни были результаты выборов, мы знаем теперь, что демократы, которые вместе плечом к плечу ведут эту битву, не демобилизуются после выборов».

А. ПОТАПОВ

Париж, ноябрь.

Прежде всего я должен сказать, что Указ, несомненно, принесет глубокое удовлетворение всем оставшимся в живых участникам движения Сопротивления и семьям погибших.

13 июня 1944 года в парижской тюрьме Фрэн, куда меня посадили гестаповцы, я видел Софью Носович, соратника Вики Оболенской по подпольной работе. В это утро их увезли в машине на вокзал для отправки в Германию... Когда 4 августа 1944 года Вику Оболенскую уводили из тюрьмы Плотцензее в Берлине на казнь, она просила передать своим подругам-смертницам, чтобы они о ней не беспокоились,— ее ведь просто посылают в лагерь работать переводчицей. Она знала, что это была ее последняя просьба...

Г. В. Шибанов, награжденный орденом Отечественной войны I степени, был основателем и руководителем Союза русских патриотов, самой крупной и самой действенной русской организации Сопротивления во Франции. Союз издавал подпольную газету, формировал ячейки Сопротивления, содействовал побегам пленных советских воинов из немецких лагерей во Франции, укрывал их от преследований, направлял в советские партизанские отряды, действовавшие на территории этой страны и сыгравшие большую роль в ее освобождении. Активный член Союза русских патриотов И. И. Троян погиб при выполнении боевого задания, а М. Я. Гафт так же, как и Г. В. Шибанов после войны вернулись на Родину, где и живут в настоящее время.

Об А. П. Дуракове, сражавшемся в Югославии и посмертно награжденном орденом Отечественной войны II степени, я знаю лишь по рассказам наших общих друзей. Он был горячим патриотом и погиб, прикрывая отступление партизан, после того как расстрелял все пулеметные ленты.

Кирилла Радищева помню еще до войны, совсем молодым юношей, знал я и его мать, которая, кажется, и теперь живет в Париже. К началу войны Кирилл был студентом литературного факультета Сорбонны (дипломную работу он посвятил своему великому предку А. Н. Радищеву).

Кирилл собрал кружок отважной русской молодежи. Им удалось найти в лесу под Парижем склад брошенного французского оружия. Они намеревались использовать его к моменту восстания. Кружок вел патриотическую пропаганду. Сам Кирилл писал стихи, посвященные сражающейся Родине. В своей комнате он устроил красный уголок с портретами советских военачальников, большой картой, с русскими книгами. Мысль о том, что надо переходить от слов к делу, не оставляет его.

В 1943 году Кирилл Радищев решил, что больше ждать нельзя. Он достал со склада револьвер и хотел застрелить кого-нибудь из видных оккупантов. Но его арестовывают и вывозят в тюрьму в Германию. Там он оказался в одной камере с молодым советским лейтенантом. Умирая на руках Кирилла, лейтенант передал ему чудом сохраненный орден и взял с Кирилла слово передать орден матери после победы. Но орден нашли, и Кирилла Радищева, жестоко избив, бросили в карцер. Осенью 1944 года в возрасте 22 лет он умер.

больница существует, сколько в ней отделений и сколько больных.

А потом Валентина Федоровна Кулабухова, заслуженный врач республики, шеф больницы, пригласила японских врачей осмотреть палаты.

— Среди больных,— сказала она,— вы увидите вашего соотечественника. С ним случилось несчастье. Мы лечим его.

Так произошла встреча с Мацумото Масами.

Я поднялся в хирургическое отделение больницы чуть раньше японских врачей.

В большой, просторной комнате сидели трое молодых парней в белых халатах с засученными рукавами. Вид у всех троих был спортивный, чем-то они напоминали футболистов — загорелые, коротко стриженые, с энергичными лицами. Оказалось, не футболисты, а хирурги. Каждому еще нет тридцати.

Мне показали историю болезни № 2388. Официальный бланк Минздрава СССР, краткие сведения о больном. Фамилия, имя, отчество — Мацумото Масами. Год рождения — 1940. Национальность — японец. Место жительства — префектура Нагасаки.

Anamnesis morbi, обстоятельства случившегося, изложены кратко.

Машиной «Скорой помощи» в хирургическое отделение Красногорской больницы был доставлен матрос Мацумото Масами с японского лесовоза «Ява-мару». Проходя по бревну во время сильной качки, он оступился и упал с высоты шести метров в открытый трюм. Удар пришелся на лицо.

Диагноз, записанный в историю болезни, таков: множественный оскольчатый перелом нижней челюсти, открытый перелом свода и основания черепа, ушиб головного мозга, перелом обеих ключевых костей, множественные ушибы...

В тот же вечер из Красногорска позвонили в Южно-Сахалинск. И к больному немедленно вылетели нейрохирург, невропатолог, стоматолог. Консилиум признал целесообразным перевести Мацумото Масами в Южно-Сахалинскую областную больницу. С помощью вертолета и самолета это было сделано.

Дальше в истории болезни несколько страниц занимали медицинские термины — понятный лишь посвященному человеку рассказ о тех операциях, перевязках, инъекциях и прочих врачебных действах, которые в конечном счете привели к главному результату: вместо записи «Состояние очень тяжелое» в истории болезни появилась другая: «Состояние удовлетворительное».

...Когда меня ввели в палату Мацумото Масами, он лежал на спине и беседовал с медсестрой и врачом. Беседа проходила так: сестра искала в русско-японском разговорнике какую-то фразу, указывала на нее пальцем, а Мацумото отвечал жестами или несколькими словами: говорить ему еще трудно.

— Он нам сказал, что плавает пять лет, что живет с родителями, у него восемь братьев и сестер,— сообщила мне сестра, аккуратная круглолицая блондинка. И предложила: — Хотите поговорить с ним?

— Здравствуйте, как поживаете? — показал я Мацумото фразу из разговорника.

Он кивнул головой и попытался улыбнуться.

Дальше вести диалог стало сложнее. Разговорник почти весь состоял из таких вопросов: «Сколько монахов в этом храме?», «В каком музее хранятся произведения Утамаро?» Или из предложений вроде: «Мы хотели бы ознакомиться с методами разведения шелковичных червей»...

Я попробовал перейти на английский:

— Как вы себя здесь чувствуете?

Мацумото приподнял перебинтованные кисти рук и сказал по-русски:

— Спасибо.

...Японские врачи вошли в палату. Хирург с Хоккайдо Ито Сиро присел на край кровати, вынул из кармана носовой платок и приложил к щеке Мацумото, что-то тихо спрашивая его. Доктор Намбу Тадаси вынул блокнот и записал адрес больного.

— Мы сообщим его родителям, что он в надежных руках, что его жизнь уже вне опасности,— пояснил он.

Осматривать Мацумото японские врачи не стали.

— Мы знаем, что сделано все самым лучшим образом,— сказал, пощелкав языком, Ито Сиро.— И прибавил: — Боршой карашо!

А члены делегации Исии Хироси и Намбу Тадаси, соглашаясь с ним, дружно закивали головами...

P. S. Перед самым отлетом из Южно-Сахалинска я позвонил из аэропорта в областную больницу.

— Все в порядке,— сказал дежурный врач, нейрохирург Вовченко.— Мацумото Масами поправляется. Думаем, что дней через десять он встанет на ноги, а еще недельки через две мы его выпишем.

У постели Мацумото Масами — советские и японские врачи.

Фото Н. Козловского.

Новые документы о военных преступниках

Операция «Сено» — документ под этим названием отпечатали всего в двух экземплярах, и на нем стоял гриф «совершенно секретно». В июне 1944 года его, кроме самого фюрера, читали несколько высокопоставленных гитлеровских заправил. И были причины так тщательно скрывать этот чудовищный план. В документе, закодированном словом «сено», вниманию высших армейских руководителей предлагались установки по осуществлению чудовищного плана угона в фашистскую Германию детей из оккупированных районов Советской страны.

«Армейская группа» центр,— говорилось в первом пункте этого документа,— намерена захватить в районе своего расположения 40—50 тысяч детей в возрасте 10—14 лет и доставить их в Германию... Мероприятие должно быть пропагандистски тщательно замаскировано и проводиться под названием «Мероприятие империи по снабжению белорусских детей, защита их от банд».

Далее идут указания о выполнении этой акции. Гитлер имел в виду «не только предотвратить прямое усиление военной силы противника, но и его биологической силы в дальнейшем...».

О каких же детях шла речь? Кого фашисты собирались вывозить в райх и для какой цели?

Оказывается, шла речь о детях, родители которых уже угнаны в рабство на работы в Германию, о детях, которые по вине фашистских бандитов стали беспризорными.

«Подобное мероприятие,— говорилось во втором пункте плана операции «Сено»,— проводится в настоящее время в районе армейской группы Украина — Север (генерал-фельдмаршал Модель)».

Десятки тысяч детей, ставших беспризорными, были вывезены в Германию для онемечивания. Там, судя по этому документу, за их воспитанием должны были следить организации гитлерюгенда.

План операции «Сено» — один из многих сотен секретных документов, которые после разгрома гитлеровской военной машины были захвачены в подземной райхсканцелярии, в секретных сейфах других фашистских гнезд. Эти неоспоримые доказательства неслыханных преступлений были доставлены в распоряжение следователей союзных держав, подготавливавших процесс главных немецких военных преступников, осужденных в 1946 году в Нюрнберге международным трибуналом. Далеко не все из числа этих документов были тогда обнародованы.

И вот теперь, спустя двадцать лет после процесса, о них становится известно широкому читателю. «Нюрнбергский процесс. Новые материалы» — так называется трехтомник, который выпускает издательство «Юридическая литература». Его составители — участники процесса, руководитель советской следственной части Г. Н. Александров, помощник главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский и секретарь советской части Трибунала А. И. Полторак. Общая редакция сборника — бывшего главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.

Приводим один из сотен документов этого трехтомника. Он достаточно красноречив и в комментариях не нуждается.

Документ ПС—2751
Заявление под присягой от 20 ноября 1945 года

Я, АЛЬФРЕД ХЕЛЬМУТ НАУДЖОК, даю под присягой следующие показания:

1. С 1931 г. по 19 октября 1944 г. я был членом СС, а также сотрудником СД (службы безопасности) со дня ее основания... Я служил также в войсках СС с февраля 1941 г. до середины 1942 г... 19 октября 1944 г. я сдался в плен союзникам.

2. Примерно 10 августа 1939 г. начальник полиции безопасности и СД Гейдрих приказал мне лично инсценировать покушение на радиостанцию в Глейвице, близ польской границы, и придать этому делу такой вид, будто нападение произведено поляками. Гейдрих сказал: «Фактическое доказательство польского нападения необходимо для иностранной прессы и для немецкой пропаганды». Мне приказали ехать с пятью другими сотрудниками СД в Глейвиц, по условному сигналу от Гейдриха захватить радиостанцию и удерживать ее некоторое время, с тем чтобы дать возможность немцу передать речь на польском языке. Такой человек был предоставлен в мое распоряжение. Гейдрих сказал, что эта речь должна иметь такое содержание: пришло время вооруженного конфликта между поляками и немцами, поляки должны сплотиться и уничтожить всех немцев, которые сопротивляются. Тогда же Гейдрих сказал мне, что он ожидает в ближайшие дни нападения Германии на Польшу.

3. Я отправился в Глейвиц и ожидал там 14 дней. Потом я попросил у Гейдриха разрешения вернуться в Берлин, но мне было приказано оставаться в Глейвице. Между 25 и 31 августа я разыскал начальника гестапо Генриха Мюллера, находившегося в то время недалеко от Оппельна. В моем присутствии Мюллер обсуждал с одним человеком по имени Мельгорн планы пограничного инцидента, во время которого должно было быть инсценировано нападение польских солдат на германские войска... Для этой цели должны были быть использованы немецкие солдаты числом примерно до одной роты. Мюллер сказал, что в его распоряжении имеется двенадцать или тринадцать осужденных преступников, на которых должны были надеть польские мундиры и трупы которых должны были быть оставлены на месте происшествия для того, чтобы показать, что эти люди были убиты якобы во время нападения. Для этой цели была предусмотрена операция с впрыскиванием яда, которую должен был произвести приглашенный Гейдрихом врач; было также предусмотрено, чтобы на трупах имелись огнестрельные раны. После окончания инсценировки нападения на место происшествия должны были быть приведены представители печати и другие лица; далее должен был быть составлен полицейский отчет.

4. Мюллер сказал мне, что он получил от Гейдриха приказ предоставить в мое распоряжение одного из этих преступников для выполнения моей задачи в Глейвице. Условное наименование, которое он дал этим преступникам, было «консервы».

5. Происшествие в Глейвице, в котором я принимал участие, было осуществлено накануне нападения Германии на Польшу. Насколько я помню, война началась 1 сентября 1939 года. В полдень 31 августа я получил от Гейдриха по телефону условный сигнал, что нападение на радиостанцию должно состояться в тот же день в 8 часов вечера. Гейдрих сказал: «Для выполнения этого задания обратитесь к Мюллеру за «консервами». Я это сделал и попросил Мюллера дать указание передать мне нужного человека поблизости от радиостанции. Этого человека принесли, и я приказал положить его у входа в здание радиостанции. Он был жив, но находился без сознания. Я попытался открыть ему глаза. По глазам я не смог установить, был ли он жив, но я заметил, что он дышал. Огнестрельных ран я не видел, только лицо его было сильно измазано кровью. Он был одет в штатское платье.

6. Мы заняли, как было приказано, радиостанцию, произнесли трех- или четырехминутную речь через вспомогательный передатчик, сделали несколько выстрелов из револьверов и ушли.

Об этой провокации на процессе давал также показания заместитель Канариса — Эрвин Лахузен.

Дороги талантов

Глядя на полотна, скульптуры, акварели казахских мастеров, экспонированные на выставке в Москве, с трудом верится, что до самого Октября лишь в песнях акынов под мерный аккомпанемент домбры изливали кочевые жители степей свои печали, радости, мечты и надежды. Импровизированные нараспев стихи были для них почти единственной дорогой в искусство.

На наших вкладках — картина Гульфайрус Исмайловой. Это человек необычайной широты дарований. Она и музыкантша, и живописец, и художник театра и кино, и актриса. Случилось, что, включившись в работу над фильмом как художник, Гульфайрус вскоре получила в этом фильме роль, даже заглавную (в картине «Ботагоз»).

Одно из пристрастий художницы в живописи — женский портрет. Мы видели на ее полотнах актрис, художниц, юных уйгурских девушек-колхозниц. Столько здесь авторской увлеченности, непосредственной радости от встречи с красотой, с молодостью! Невозможно не согласиться с автором: «Да, они прекрасны — женщины Казахстана!»

На репродукции картины Али Джусупова, самого молодого из участников выставки, мы тоже видим казахскую женщину. На родине полотно это называют еще и «Казахской мадонной».

Сам Али рос без родителей, в детском доме. Но в воспитателях и наставниках своих Али был неизменно счастлив. Из детского дома, заметив незаурядные способности, послали мальчика учиться в Алма-Ату. А потом — Ленинградский художественный институт, встреча с Семеном Афанасьевичем Чуйковым, который поддержал заботой, добрым и строгим советом, заставил по-настоящему поверить в себя. Конечно, творческое влияние большого мастера юноша испытывал потом долго и сильно, пока не окреп, не нашел собственного почерка. Зато тему свою искать не пришлось. Али говорит, что она жила в нем с детских лет. Образ матери. «Первое чтение», «Счастье», «Женщины моей родины», «Материнское счастье» — так называются картины Али Джусупова этого цикла.

У Камиля Шаяхметова названия картин — словно главы из поэмы о труде: «Чабан», «Свежий хлеб», «Председатель». Художник побывал во многих самых отдаленных уголках Казахстана. Жизнь в затерянной степной юрте стала для него привычной, будничной. Сотни этюдов, набросков; долгие дни работы в мастерской, где компоновались и писались полотна. Камиля всегда увлекали темы, в которых он мог выразить свое понимание современности, в полный голос он стремится говорить о путях, которыми шагает народ из древней своей истории в будущее.

Алексей Степанов — уроженец Пензы. В студенческие годы, попав в Казахстан, он увлекся прекрасной страной. Свою дипломную работу он назвал «В гостях у акына». Теперь, после многих лет труда в республике, его по праву считают казахским художником.

Поиски Степанова направлены на то, чтобы в самом пластическом, живописном решении темы постигнуть дух времени. «Я брожу по земле, нащупывая жилу времени» — так говорит художник.

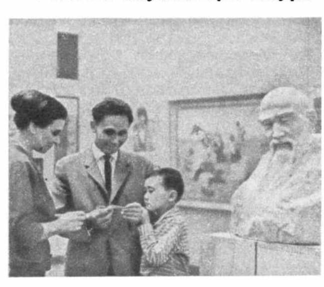
Выставка казахских художников представляется песней-сказанием об огромной, в пол-Европы советской республике, отметившей недавно свой 45-летний юбилей.

Эльвира ПОПОВА

Родня

Спешившие москвичи останавливались, глядя на тягач, подтаскивающий к выставочному залу на Кузнецком мосту большую статую Абая.

Работы скульптора Наурзбая Хакимжанова показывались в Москве на выставке произведений казахских художников в первый раз. Рада была бы узнать об успехах своего приемыша, своего питомца Ольга Николаевна Кудрявцева, замечательный украинский художник! Это она учила Хакимжанова лепить из глины, когда он был еще совсем мальчиком.

Дочь ныне покойного скульптора О. Н. Кудрявцевой Зоя, архитектор, специально приехала из Харькова в Москву на выставку. Посетителям и в голову не приходило, что здесь встретились названые брат и сестра, выросшие вместе.

Н. ПАВЛОВА

А. Джусупов. МАТЕРИНСКОЕ СЧАСТЬЕ.

Г. Исмайлова. ДЕВУШКИ-УЙГУРКИ.

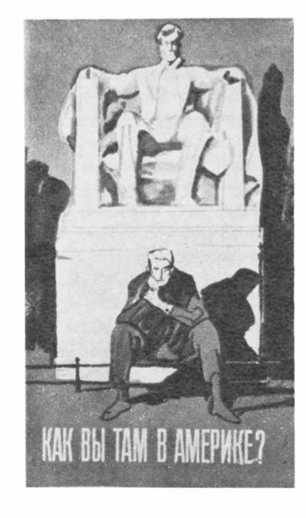
ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

ОБ АМЕРИКЕ ПО-СВОЕМУ

Около двадцати лет Б. Стрельников работает в журналистике, последние восемь из них он был корреспондентом «Правды» в Соединенных Штатах. Его очерки, фельетоны, корреспонденции печатались не только в «Правде», но и в «Комсомольской правде», «Огоньке», «Крокодиле», «Октябре», «Работнице»... И вот перед нами первый итог его многолетней работы за океаном — книга «Как вы там, в Америке?».

В предисловии Борис Полевой дает книге высокую оценку и так определяет ее жанр: «Серия очерков, верней, картинок американской жизни». Думается, было бы справедливо еще уточнить, что книга Б. Стрельникова относится к редкому в нашей литературе жанру лирической публицистики. Именно это качество делает ее единым и значительным произведением.

Настоящая публицистика не может быть безликой. В ней необходимо не только отношение автора к описываемым явлениям, в ней должна проглядывать и личность автора, ибо публицистика — это живой разговор с читателями, и в этом разговоре писатель не должен быть невидимым собеседником. Несомненный талант и чувство меры позволяют

Б. Стрельникову лично, но не навязчиво присутствовать почти в каждой главке книги, присутствовать не только в диалогах с героями своих очерков, но — и это самое главное — в диалоге с читателями. Задушевно, негромко, с мягким, порой грустным юмором ведет он свой рассказ.

Один из наиболее ярких образцов лирической публицистики — глава под названием «Юля, Вася и президент». В ней идет речь об американском президенте и детях автора, еще дошкольниках, родившихся в Нью-Йорке. Мы видим в этой главе не просто Америку глазами детей, но и любящего отца, которому нелегко приходится в далекой и чужой стране. Это, как и множество других подобных деталей, делает книгу живой, человечной, теплой. А такому доверительному разговору всегда и больше веры.

Герои этого очерка — дети автора — как бы подчеркивают трагический пафос тех страниц, где идет рассказ об убийстве президента Кеннеди. Здесь хочется привести буквально несколько строк из этой главы. В них отчетливо видны те достоинства Стрельникова-публициста, о которых говорилось выше. Вот эти строки:

«Когда мои дети станут взрослыми, им будут сниться иногда странные сны, какие-то туманные видения, удивительные и непонятные... Они услышат печальный колокольный звон и увидят трехлетнего мальчика, который держится за руку женщины в черной вуали на заплаканном прекрасном лице и отдает честь войскам, идущим за гробом его отца».

Нельзя еще не отметить, что Б. Стрельников пишет не о случаях и событиях, а о явлениях, причем показывает эти явления как бы изнутри. Расизм и безработица, социальная несправедливость и дух наживы — все эти, казалось бы, общеизвестные атрибуты американской жизни осмысливаются в книге не шаблонно, а глубоко и оригинально. Автор находит штрихи, которые помогают лучше узнать и понять сложную жизнь огромной страны. Отлично иллюстрируют книгу своеобразные, тонкие рисунки Виталия Горяева, которые органично вплетаются в повествование.

И, наконец, книга написана с подлинным, сердечным уважением к американскому народу. С полным правом понимающего друга автор обращается через океан: «Как вы там, в Америке?»

В. НИКОЛАЕВ

Борис Стрельников. Как вы там, в Америке? «Молодая гвардия». Москва. 1965.

Рекорды в космосе

Наконец появилась первая книга о спортивных достижениях в космосе, и написал ее, как и следовало ожидать, спортивный комиссар, тот, кто регистрирует и оформляет рекорды, завоеванные советскими космонавтами.

Автор книги «Первые рекорды в космосе» И. Г. Борисенко увлекательно рассказал о том, как работает Международная авиационная федерация, и об участии в ней советских представителей, о том, как советские космонавты совершали свои полеты за пределы Земли. В книге, хорошо иллюстрированной черными и цветными снимками, даны наглядные таблицы рекордов, установленных и официально признанных, а также показаны результаты полетов советских и американских космонавтов.

В приложении к книге впервые приведено в репродукции «Дело о рекордах первого космического полета гражданина СССР Юрия Алексеевича Гагарина на космическом корабле-спутнике «Восток» 12 апреля 1961 года».

К сожалению, тираж книги небольшой: всего лишь девять тысяч пятьсот экземпляров, поэтому совсем не удивительно, что книгу уже нельзя найти на прилавках.

П. ЧУМАК

И. Г. Борисенко. Первые рекорды в космосе. Издательство «Машиностроение». Москва. 1965.

ЧАСТЬ ЖИЗНИ

Над этой книгой развевается флаг спорта. «...Если бы существовал символический флаг спорта, он состоял бы, вероятно, из трех цветов: синего (ясное небо), зеленого (зелень поля) и кирпично-рыжего (цвета секторов и дорожки). Ярко пылает этот трехцветный флаг и радует глаз болельщика». И книга Юрия Трифонова, над которой пылает этот флаг, такая же яркая. Ее содержание — рассказы, очерки и наброски.

Семь рассказов включены в книгу, и в каждом из них раскрываются характеры людей, возникают острые вопросы. Особенно хороши два рассказа: «Конец сезона» и «Победитель шведов». Один из них разоблачает облик спортивного дельца, другой лиричен и удивительно сочетает в себе поэзию и динамичность хоккея.

Вместе с автором читатель совершает путешествия по зарубежным стадионам. Юрий Трифонов усаживает своих читателей рядом с собой на Будапештском стадионе и показывает им матч сборных футбольных команд СССР и Венгрии. Мы отправляемся с ним в Чехословакию, Швейцарию, Швецию на чемпионаты мира по хоккею. Бродим с автором по олимпийскому Риму, навещаем Болгарию и, наконец, отправляемся в олимпийский Инсбрук. Красочны и точны эти писательские зарисовки. И они нам многое раскрывают не только в спорте, но и просто в жизни тех стран, где побывал Юрий Трифонов.

Есть в книге маленькая новелла — «История болезни». Автор присутствует в зале, где ведут бой за шахматную корону Ботвинник и Таль. И внезапно перед нами возникает его юность, проведенная в доме, который виден ему из окон фойе. Вспоминаются друзья, юношеские увлечения. И автор пишет: «И я подумал о том, что шахматы не просто игра. Они часть нашей жизни. Часть жизни, понимаете? В том-то и дело».

А я, прочитав эти строки, подумал, что часть жизни писателя — весь мир спорта. И, может быть, именно поэтому Юрий Трифонов так сильно, и так глубоко пишет о нем.

В. ВИКТОРОВ

Юрий Трифонов. Факелы на Фламинио. Издательство «Физкультура и спорт». Москва. 1965.

Перец МАРКИШ

К 70-летию со дня рождения

Неопубликованное

* * *

Мир мягкую разлил по горло темень —
Прозрачный шелк.
Благословение закончил вечер —
И отошел.

Идет
Со всех окраин ночь навстречу —
Издалека, с небес, из-под земли,
И на груди безмолвно прячет вечер
И исчезает с ним вдали.

И к ночи все вокруг внимает —
И человек, и лошадь, и трава...
Но шепчет ветерок едва-едва,
И машет небу мельница немая.

1917.

Перевел с еврейского Давид МАРКИШ.

* * *

Чу... поют! Все ближе, ближе...
Бубенцы звенят, рыдая...
Перепляс подков булыжный...
Версты... Полночь молодая.

Я со всеми — пляшут люди,
Пляшут ветры, ветлы, клены!
Я со всеми в этом гуде —
Оглушенный, ослепленный!..

1917.

Перевел Ю. ХАЗАНОВ.

* * *

Кто на границах всех преследуем открытей,
Чем я? Мой числят шаг среди любых путин.
Ну, что ж, меня к столбу позора волоките:
Я русский гражданин!

От моря Черного до Вислы, по равнинам
Прочерченная мной, чернеет борозда.
Вам нужен паспорт мой, вот он — в груди рубином
Горящая звезда!

Вы, в гипс одетые охранники! Мятежный,
Шагаю мимо вас я с гордой головой.
Нет, сердцу моему не нужен галстук нежный,
На нем победно бант багреет огневой!

Во всех краях мой лик блуждает, полыхая,
И вызов головы, и сердца гневный зов.
Ну, обыщи меня, плешивых стражей стая,—
Мрак Вавилонии на дне моих зрачков!

Россия! На горе зеленой свет нетленный!
Готова жребий ты, назначенный судьбой,
В свой судный день принять во имя всей вселенной,—
Поэт-скиталец, я не разлучим с тобой!

1922. Варшава.

Перевел Д. БРОДСКИЙ.

СЕЛЕВОЙ ДОЗОРНЫЙ

Во многих странах мира жителям предгорий и гор хорошо известно одно грозное явление природы. На разных языках его называют по-разному. В нашей стране принято именовать его селем. Но где бы это явление ни возникало, оно всегда коварно и разрушительно.

Сель — поток жидкой грязи вперемешку с обломками скал — неожиданно образуется высоко в горах и устремляется вниз по ущельям и долинам рек. Лавины жидкой глины, воды, камней, сломанных и вырванных с корнем деревьев, задерживаясь в узких горловинах ущелий, перегораживают реки, замирают на время, а потом с новой разрушительной силой начинают свое движение. Обычно такое явление связано с обильными ливнями но иногда оно возникает и в сухое время года.

История знает много фактов, когда жертвой селей становились стада, поля, сады, целые селения и даже города.

О разрушительной способности селевого потока может свидетельствовать тот факт, что громадные камни весом в три и даже пять тонн запросто проносятся ими на многие и многие километры. Не раз страдал от селевых потоков город Лос-Анжелос, расположенный в предгорьях Кордильер. Человеческие жертвы исчислялись там сотнями, свыше десяти тысяч жителей оставались без крова.

В нашей стране селевыми районами богаты горы Средней Азии. Ежегодно государство тратит громадные средства на противоселевые сооружения — особые дамбы, отводные каналы, подпорные стенки. Очень важно в борьбе с этим явлением предугадать его возникновение и ликвидировать в зародыше, пока селевой поток еще не вырос до катастрофических размеров.

Тысячи дозорных — людей мужественных и сильных — несут нелегкую службу наблюдения за возникновением селей. И все-таки предугадать опасность крайне трудно, а порой невозможно. Сель, как и землетрясение, возникает в самых неожиданных местах.

В этом году в наиболее опасном селевом районе Узбекистана — Паркентсае — появились новые дозорные — четыре радиооповестительных прибора, смонтированных и установленных в горах. Дозорные без участия человека чутко несут круглосуточную вахту: улавливают, регистрируют возникновение селевой опасности и предупреждают по радио контрольные пункты. Радиооповестители созданы группой ученых Ленинградского гидрологического института под руководством кандидата технических наук Димооксяна. Селевой дозорный несет уже службу и в горах Казахстана под Алма-Атой. В недалеком будущем такие посты появятся в горах Киргизии, Таджикистана, всюду, где есть угроза возникновения селевых потоков.

Еще одно грозное явление природы взято человеком под контроль.

С. ЮРЬЕВ

Олег ОРЕСТОВ

Было это в 1925 году в городе Такстеде, что расположен в графстве Саффолк. Туда теперь я и направился, чтобы послушать рассказ очевидца...

* * *

Саффолк — край фермеров, крестьянского труда. Мелькают сонные фермы с объявлениями: «Продаются по дешевой цене яйца». Здесь нет обычной для Англии толчеи автомашин на дорогах; жизнь, кажется, течет мирно и тихо. За полями, за потемневшими от дождей изгородями показался город Такстед. Над ним — остроконечная готическая колокольня, видная за много миль.

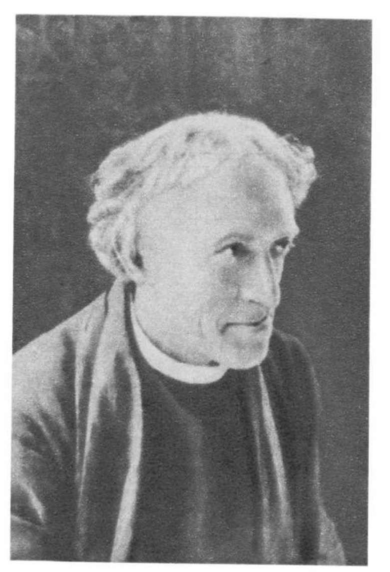
В самом городе—следы средневековья. Обветшалые здания с почерневшими балками стоят реликвиями прошлого. Когда-то здесь процветало производство мечей, ножей, кинжалов, доспехов. Позднее индустриальный Шеффилд задушил ремесло Такстеда.

Я подъехал к одному из старинных домов, на пороге которого меня встретил 75-летний викарий Джек Паттерил — в черной рясе, подпоясанной грубым ремнем. Седые волосы обрамляли задумчивое и живое лицо старика.

В доме викария было холодно. Узкие лестницы вели на второй этаж. Полки заполняли книги в старых переплетах. Картины, безделушки на каминах, мебель, казалось, принадлежали к давно ушедшим временам, когда здесь жил его предшественник — викарий-социалист Конрад Ноэль.

О нем и рассказывал мне у камина старый Паттерил.

Конрад Ноэль родился в середине прошлого столетия в зажиточной дворянской семье. Он умер в 1942 году, и перед его глазами прошел большой кусок истории Англии. Более того, он стал одним из действующих лиц этой истории. Передо мной его портрет: одухотворенное лицо, кудрявая голова, побелевшая на более поздних фотографиях, несколько тяжелая нижняя челюсть, чистый высокий лоб.

Конрад Ноэль.

Еще не родилась в Англии лейбористская партия, когда Ноэль стал священником и увлекся идеями социализма, по-своему сочетая их с христианским учением. Его друзьями были Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Г. Честертон. В автобиографии Ноэль вспоминает, как Бернард Шоу, гуляя с ним по полям, уговаривал его не принимать сана, «ибо церковь — это главное убежище мошенников». Вскоре Ноэль и его друзья создали «Церковную социалистическую лигу».

Мы вправе относиться ныне скептически к достоинствам движения христианских социалистов, мы не можем согласиться с их эклектической идеологией. Но, глядя на движение в историческом аспекте, мы можем признать мужество людей, пользовавшихся церковной кафедрой для разоблачения социальной несправедливости и разъяснения идей раннего социализма. На троне сидели Виктория, потом Эдуард VII, и уже тогда Ноэль обнажал язвы капиталистического общества в церкви и на уличных митингах Лондона, Глазго, Ньюкасла, Манчестера, выступая иногда вместе с Кейром Гарди, горняком и основателем Независимой рабочей партии.

У англиканской церкви есть занятные традиции. Так, наиболее влиятельное лицо в районе может рекомендовать епископу своего кандидата в викарии. Когда священник назначен, епископ не может отстранить его, если только тот не совершил аморальных поступков. Так случилось, что видная аристократка, баловавшаяся социалистической литературой, способствовала назначению Ноэля на должность викария Такстеда в 1910 году. Она не могла предполагать, что мятежный викарий смутит покой сонного городка.

С кафедры Такстедского собора полились поистине необычные проповеди. Прежде всего новый викарий заставил богатых прихожан отказаться от постоянных платных мест в церкви, чтобы бедняки не толпились в задних рядах, а садились там, где им хочется. Кое-кто перестал ходить в церковь.

В 1916 году в Ирландии разразилось восстание за независимость, переросшее в настоящую войну против английских войск. В знак солидарности с ирландскими борцами за независимость Ноэль повесил в своей церкви ирландский флаг. Пожаловались епископу, но тот ничего не мог сделать.

Из России пришла весть об Октябрьской революции. В переполненной церкви Ноэль приветствовал русскую революцию, обнажившую меч против несправедливой капиталистической системы. Он и его сторонники созвали митинг в Лондоне.

В те дни Ноэль решился на смелый шаг, который и вызвал бурю в Англии. Он водрузил в церкви красный флаг, объяснив прихожанам, что это символ интернационализма и братства народов. Он знал, что его дерзость не пройдет безнаказанно.

Посыпались угрозы и оскорбления. «Красным», «большевиком» стали называть викария местные реакционеры. Они обратились с протестом в парламент, но там дело ограничилось бурным спором, ибо не смогли подыскать закона, который запрещал бы подобный поступок. Из Кембриджа, университета, где учатся сынки английской аристократии, нахлынула толпа студентов-белоподкладочников. Они ворвались в церковь, устроили погром, уничтожили красный и ирландский флаги и подняли флаг Британии — «Юнион Джек».

«Несколько прихожан,— пишет Ноэль в «Автобиографии»,— сплотились вокруг меня, и мы сорвали и сожгли «Юнион Джек», эмблему Британской империи».

— Это была настоящая битва,— рассказывал мне викарий Паттерил.— Молодежь Такстеда достала большую лестницу, и красный флаг был снова поднят, но уже под самые верхние своды церкви...

Возбужденные толпы людей, съехавшихся в Такстед для борьбы против Ноэля, ходили по улицам, размахивая британскими флагами. Они избили нескольких сторонников викария и двинулись к его дому, угрожая покончить с ним самим. Находившийся у Ноэля Герберт Уэллс хотел спасти его в сво-

ей автомашине, но викарий отказался. Жители Такстеда бросились ему на помощь, отогнали приезжих хулиганов и долгие дни охраняли его дом. Епископ прислал письмо, требуя снять красный флаг, но заставить Ноэля сделать это он не мог. Чтобы оправдать свои действия в глазах верующих, Ноэль написал на флаге слова из священного писания: «Он дал одинаковую кровь всем народам...»

Борьба продолжалась. В Такстед приезжали организованные банды реакционеров, учащихся военных училищ, которые грозили перебить окна в церкви. Церковные власти решились наконец обуздать восставшего викария. Был созван духовный суд в Челмсфорде. Председательствовавший в своем решении не посмел признать незаконным наличие красного и ирландского флагов в церкви, но постановил, что они должны быть сняты, так как являются причиной «общественных беспорядков».

— Хорошо,—заявил на суде Ноэль,— ваш приговор основан на утверждении, что красный флаг вызывает беспорядки. Какое же решение примете вы, если завтра я подниму на восстание своих друзей-бедняков из восточных районов Лондона и они сорвут с церквей английские флаги?

Председатель ерзал в кресле и был вынужден заявить, что в этом случае он потребовал бы снять и эти флаги... Ноэль одержал моральную победу, но красный стяг был спущен. В это время состоялись выборы в приходский совет Такстеда и подавляющим большинством был избран не кандидат реакции, а Конрад Ноэль. В 1942 году, незадолго до смерти, Ноэль с радостью говорил, что тот красный флаг, за который он так долго боролся, теперь водружается повсюду в Англии, чтобы почтить ее союзника — Советский Союз, который, как он выражался, «таскает за нас каштаны из огня»...

Так закончил жизнь мужественный человек, принадлежавший к плеяде борцов за социальную справедливость.

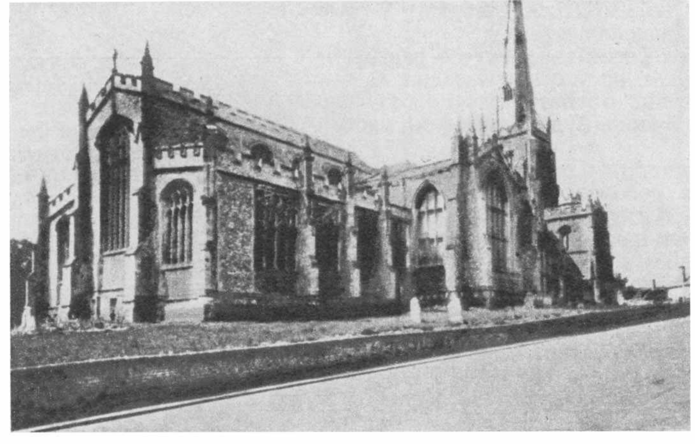
А Такстед остался верен себе. После смерти Ноэля реакция делала все, чтобы добиться назначения на его место своего ставленника. Не вышло! Викарием стал помогавший Ноэлю с 1925 года Джек Паттерил — священник-социалист, представитель самого левого крыла английских лейбористов, тот самый, который сидел сейчас передо мной. Он сохранил свободолюбивые традиции маленького города.

...Нам принесла в гостиную чай Барбара Паттерил.

— Познакомьтесь,— сказал викарий,— это моя жена. Она дочь моего старого учителя Конрада Ноэля.

* * *

— А теперь я поведу вас в собор,— сказал Паттерил, набросив на плечи свой черный плащ и надев берет священника.

Такстедский собор.

НЫЙ ФЛАГ

Вот он, этот знаменитый собор! Грубые камни могучих стен были положены в 1340 году. Внутри веет холодом, его своды уходят ввысь, сбоку — деревянная старинная кафедра. В центре — большой плакат с голубем мира Пикассо.

— Там, вверху, и развевался красный флаг Ноэля,— рассказывал Паттерил, который тоже давно уже пользуется славой «красного викария».— Когда я жил в Ковентри, у меня был свой красный флаг. Раз в неделю я выходил на рыночную площадь, поднимался на ящик, ставил рядом с собой флаг и начинал речь о социализме, против капитализма.

Паттерил начал службу священника в Уэльсе, среди шахтеров. В 1920 году он был председателем местного комитета движения «Руки прочь от России», во время первой мировой войны находился в беднейших районах, окружающих лондонские доки, и там же агитировал за избрание в парламент Гарри Поллита, руководителя Компартии Великобритании. Сейчас он председатель местного союза батраков и уже 10 лет — член президиума общества англо-чехословацкой дружбы. В 1933 году он побывал в СССР и мечтает посетить его еще раз.

Паттерил — представитель самой передовой части английского духовенства, к которой принадлежат такие люди, как «красный настоятель» девяностолетний Хьюлетт Джонсон, как каноник Коллинс — руководитель движения за ядерное разоружение, викарий из Шеффилда Алан Эклстон — активный член Коммунистической партии Великобритании — и другие их единомышленники.

— Конечно,— говорил Паттерил,—большинство английских священников — это заядлые консерваторы, реакционеры и открытые защитники капиталистического строя. Нам приходится нелегко, таких, как мы,— единицы, но это не мешает нам отстаивать свои социалистические убеждения.

Я приехал в Такстед в понедельник. А накануне во время воскресной службы в соборе произошел инцидент, по которому можно судить, как беседует викарий с прихожанами. Он сам рассказал об этом:

— Как всегда, я начал проповедь с притчи о том, как Христос не разрешил полоть сорняки на поле до урожая. Когда урожай был собран, люди увидели, что похожие одно на другое семена дали колосья хлеба и сорные травы. Я сказал приходу: наверное, все устали от старых притч, но послушайте о сорняках в современном мире. Вот, сказал я, газета, которую мне прислали по почте из Санкт-Петербурга... Я услышал гул голосов: викарий, дескать, снова начнет говорить о Советском Союзе. Нет, продолжал я, эта газета издается в городе с таким названием в штате Флорида в США. Это газета «Нэйшнл крисчен ньюс», которая называет себя «самой распространенной антикоммунистической газетой». Под заголовком «Бог был сегрегационистом» она пишет, что англосаксонская раса должна бороться против предоставления равных прав неграм, евреям и коммунистам. «Царство на земле должно принадлежать нам, белой христианской англосаксонской расе», ибо бог всегда защищал принцип чистоты нашей расы. Статья кончается открытым призывом к войне. Послушайте: «Армии Америки, Германии, Англии, Скандинавии и всех англосаксонских наций вскоре выступят бок о бок против общего врага...» Я разорвал газету на клочки и бросил их вниз с кафедры. «Сожгите эти сорняки,— поднял я голос,— вырывайте их из своей жизни! Не верьте расистам, толкающим вас в бездну войны!»

Когда я выходил из собора,— продолжал Паттерил,— ко мне подошел старый, довольно обеспеченный прихожанин и сказал: «Спасибо, викарий, мы сначала не могли и думать, что такой яд распространяется в американской печати под флагом христианства. Мы верим вам!»

Да, витает еще над Такстедом тень старого Ноэля с его красным флагом. А Паттерил вел меня дальше. Мы остановились у тяжелой, древней, почерневшей двери. Он открыл ее ключом, и по узкой винтовой лестнице мы стали подниматься куда-то наверх. Викарий остановился, перевел дыхание и показал на другую дверь, которая вела в маленькую часовню.

— Эту часовню создал я сам,— сказал он.— Она посвящена памяти Джона Болла, священника, вместе с Уотом Тайлером поднявшего крестьянское восстание в Англии в 1381 году. Это была первая битва против рабства. Прочитайте слова на двери.

Старинным английским шрифтом на двери были написаны слова из проповеди Болла:

«Дорогие друзья, дела в Англии пойдут хорошо только тогда, когда все станет общим, когда не будет ни крепостных, ни господ».

Джон Болл был повешен, обезглавлен и четвертован. Когда мы вошли в часовню, я увидел гравюру известного английского художника Эдуарда Бэрн-Джонса, изображавшую пашущего Адама и Еву. Под ней были слова Болла, которые когда-то цитировал Карл Маркс:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Кто дворянином был тогда?

На стене в рамке была фотокопия найденного при раскопках списка с именами крепостных, которые должны были отрабатывать ренту на полях феодалов. Во время восстания, которое затронуло и район Такстеда, крестьяне сжигали поместья и прежде всего уничтожали эти позорные документы. Один из них, видно, уцелел и стал ныне реликвией.

— Посмотрите сюда,— попросил викарий,— это моя гордость!

Я взглянул в другой угол часовни: передо мной был алый красный флаг со словами: «Он дал одинаковую кровь всем народам!» Около него стояла урна с землей, привезенной викарием из Лидице...

Паттерил прощался со мной во дворе собора, где похоронен Конрад Ноэль.

— Поезжайте,— сказал с улыбкой он,— и, если хотите, расскажите о старом социалисте, доживающем свой век в старом Такстеде.

Я решил выполнить его пожелание. Я рассказал о прошлом и сегодняшнем Такстеде...

Такстед — Лондон.

АГЕНТ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Павла продержали в подземной тюрьме больше месяца. Себастьян еще дважды допрашивал его. В последний раз Павел бросился на Себастьяна с кулаками, но был сбит коротким точным ударом в подбородок, а когда поднялся с пола, Себастьян уже ушел. Бунт выглядел несерьезно, слишком много сил потерял Павел за это время.

Освобождение произошло таким же будничным порядком, как и арест. Тот же молодой широкоплечий гигант однажды открыл дверь, кивком приказал Павлу выйти и, следуя впереди, вывел его на поверхность. Павлу сделалось плохо, закружилась голова, он вынужден был присесть на ступеньки крыльца, а тюремщик — или кто он там был — терпеливо ждал, стоя рядом.

Дорога показалась Павлу короткой. «Слава богу,— думал он,— что везут в легковой машине, а не в том ящике, в котором доставили сюда».

Когда Павел начал узнавать знакомые места и понял, что его везут домой, к Кругу, он вздохнул облегченно. Уже давно, с той поры, как сделался Бекасом, он отучил себя загадывать вперед хотя бы на день и незаметно научился радоваться сиюминутному бытию. В его положении невозможно было строить какие-либо далекие планы, заранее рассчитывать ход событий. Он вынужденно жил по малопочтенному принципу «лови момент», у которого, если вдуматься, тоже есть свои преимущества. Раз данный момент хорош, старайся извлечь из него как можно больше и не порти его мыслями о завтрашнем дне, который может оказаться для тебя очень плохим.

Встреча с Леонидом Кругом была трогательной. Круг даже прослезился, хотя не был пьян. Приспособление для перебитой ноги уже убрали, и их комната перестала походить на госпитальную палату. Леониду выдали пару костылей, скоро он начнет вставать.

По испуганному лицу Круга в первую минуту Павел мог догадаться, что выглядит после подземной тюрьмы не лучшим образом. И зеркало подтвердило это. Борода какая-то сивая, виски и щеки ввалились, волосы косматые. Такими показывают в кино беглых каторжников.

Клара разговаривала с ним так, словно он никуда не отлучался. Франц посочувствовал и успокоил: мол, ничего, все пройдет, бывает и хуже.

Франц, между прочим, оказался заправским парикмахером. Он с помощью расчески и ножниц подстриг Павла под польку — получилось в лучшем виде. Бороду Павел сбрил сам. И без бороды показался себе еще более изможденным.

Леонид и Павел проговорили до ночи. Оказывается, Леонида тоже допрашивали на детекторе. Специально привозили аппарат сюда. И Леонид тоже был поражен, как точно могут они определять задуманную цифру. Результатов допроса Леониду, само собой, не докладывали, но после Виктор сообщил, что, кажется, все в порядке. Да Леониду и не пришлось врать ни в чем, кроме истории с телеграммой.

Леонид знал, что произошло с Павлом. Виктор называл это строгой изоляцией. И это тоже входило в систему специальной проверки.

Леонид склонен был полагать, что содержание в тюрьме преследовало не одну только эту цель. Вероятно, Павла испытывали, так сказать, на прочность. Выдержав испытания, можно считать себя не просто свободным от подозрений. Виктор дал понять, что прошедший через строгую изоляцию может пользоваться доверием в самом широком смысле слова.

Павел рассказал Кругу о разговоре с Себастьяном по поводу поездки за пробами. Но Леонид о повторных пробах ничего не знал. Нужно будет закинуть удочку Виктору.

Нетрудно было заметить, что Леонид искренне соболезнует Павлу, удручен из-за того, что ему пришлось принять столько лиха. Круг как будто бы считал себя отчасти повинным в этом. В речах его проскальзывали такие нотки, что, мол, старший брат делал все, что мог, но раньше у него были связаны руки. Он не имел права открыто проявлять по отношению к Павлу покровительство. Ему и за одного Леонида пришлось проглотить немало упреков.

Теперь другое дело. Теперь ничто не мешает. Кстати, самый активный враг Виктора, тот старый хрыч из бывших, вышиблен окончательно и бесповоротно. Кажется, убрался в Париж.

Леонид распространялся бы и дальше, но Павла сморило как-то вмиг, и он уснул, не дослушав фразы...

Наутро он испытал такую острую радость пробуждения, как бывает только в юности. У этой радости нет видимых причин. Просто открывает человек глаза, вздыхает полной грудью, и у него такое настроение, что хочется подкинуть на ладони земной шарик.

Потекли безмятежные дни. Павел отъедался на Клариных харчах, а готовила она очень хорошо. Поговорка «не в коня корм» к нему явно не относилась. Уже через неделю ремень застегивался на ту же дырочку, что и до посадки в тюрьму.

Виктор Круг, навестивший их как-то под вечер, нашел Павла посвежевшим, а они не виделись с конца июля.

Старший брат привез младшему добрые вести. Леониду после выздоровления дадут должность инструктора по диверсионной подготовке. Судьба Павла пока не определена, но он может рассчитывать на самые благоприятные перспективы. В доказательство того, что отношение к Павлу в корне изменилось, Виктор Круг сказал, что он может, когда пожелает, съездить в город. Одному будет с непривычки трудно, поэтому лучше взять Франца гидом. У него есть малолитражный «фольксваген», и вдвоем они отлично прокатятся.

Виктор оставил денег и пожелал Павлу повеселиться как следует.

Из солидарности с прикованным к постели Леонидом Павел заявил, что не имеет желания развлекаться, но Леонид настоял, чтобы он не упускал такой приятной возможности. «Поезжай, поезжай,— сказал он.— Потом расскажешь — мне легче станет».

Франц идею поездки приветствовал. Выбрали день среди недели, потому что, объяснил садовник, по субботам и воскресеньям в городе бывает такая бестолковщина — ничего, кроме головной боли, не добьешься. Особенно теперь, в сентябре, когда все только что съехались после дачного сезона.

Ранним утром, позавтракав на скорую руку, Франц вывел из жестяного гаража свой вишневый маленький «фольксваген», словно извлек ягоду из консервной банки, залил бак бензином и после этого покричал Павлу в окно.

Они ехали не спеша. Практичный садовник вообще не торопился жить. Он как бы смаковал каждую переживаемую минуту. И от этого рядом с ним было очень покойно. Если бы еще не знать, что, кроме основных, у него есть и побочные обязанности, было бы совсем хорошо...

Город, особенно центр, понравился Павлу. Чисто, много стекла и алюминия. Современные здания не задавили домов старинной архитектуры.

Оставив машину на платной стоянке, они отправились в недорогой ресторан пообедать.

По пути встретился газетный киоск. Павел бросил беглый взгляд на прилавок и неожиданно для себя остановился, словно его что-то зацепило, а что именно — он не сразу сообразил. На прилавке среди английских, немецких, французских газет лежала «Правда».

Странное ощущение испытал Павел, взяв ее в руки. Словно встретил в чужой, разноплеменной толпе старого приятеля, который все про него знал, знал да помалкивал. Павлу казалось, что «Правду» положили на прилавок специально для него, только его она и дожидалась, хотя было ясно, что это обычный киоск с обычным набором изданий.

Франц, улыбаясь, глядел на него добродушно. Павел еще раз оглядел прилавок, заметил две газеты, напечатанные по-русски, взял и их. Эти оказались эмигрантскими листками из Парижа. У Павла не было мелочи, поэтому расплатился Франц. Он взял себе какую-то немецкую газету.

За обедом Павел прочел «Правду» насквозь, от передовицы до радиопрограммы, потом принялся за парижские газеты. Франц читал свою.

После обеда погуляли по старым улицам, заглянули в кинотеатр, но попали на какой-то нудный фильм, в котором актеры были наряжены в одежды времен упадка Римской империи и все время пели очень громко, поэтому Павел с Францем быстро ушли. Гулять было интереснее.

Павел купил у уличного торговца для прозябавшего в одиночестве Леонида Круга игрушку. Это была трубочка, устроенная по принципу калейдоскопа, но вместо при-

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—47.

чудливых цветных орнаментов она показывала женские фигуры.

Довольные проведенным днем и друг другом, слегка усталые, но веселые, они вернулись, когда совсем стемнело. Павел описал Кругу поездку в город самыми смачными красками. Игрушка понравилась. «Правду» Круг читал потом целый день, а эмигрантские газеты просмотрел с пятого на десятое.

Больше никаких выдающихся событий в их жизни не происходило до октября.

Круг понемногу начал вставать. Он в буквальном смысле слова учился ходить заново.

Октябрь принес крупные перемены. В первых числах дачу посетил Себастьян. Он приехал не один. Павел был представлен пожилому господину с карими внимательными глазами. Этот господин поселился в комнате на первом этаже и прожил две недели. Каждый день Павел являлся к нему утром, как на службу, и рассказывал обо всех городах и селах Советского Союза, где ему удалось побывать за тридцать с лишним лет жизни. От Павла требовалось вспомнить топографию виденных им мест как можно детальнее. Особенно интересовали господина состояние дорог и приметы расположения воинских частей.

Павел мешал истину с ложью, не очень-то беспокоясь о правдоподобии.

Наконец господин исчез вместе со своим магнитофоном.

После него Себастьян познакомил Павла с инструктором парашютного дела. Это был парень, постоянно пребывавший в отличном расположении духа. По-видимому, он рассматривал жизнь как один долгий затяжной прыжок без раскрытия парашюта в конце и поэтому смотрел на вещи философски. В нем не было той фанаберии, которой в избытке обладал Себастьян.

Практикой занимались на летном поле, расположенном далеко в стороне от больших дорог. Они прожили там полмесяца. Павел прыгал трижды из спортивного самолета, пилотируемого самим инструктором, с высоты полторы тысячи метров и приземлялся на ровном месте. Затем было два прыжка с приземлением на смешанный лес. А после этого серия ночных прыжков из военного транспортного самолета на неизвестную заранее местность. Старая практика сослужила Павлу службу, и все сошло благополучно. Лишь однажды при ночном прыжке он немного не рассчитал момент соприкосновения с землей и вывихнул левую ногу в голеностопном суставе. Но инструктор оказался мастером и в этом деле: он быстренько вправил сустав, и помощи врача не понадобилось.

Когда вернулись на дачу, инструктор преподал урок, как лучше и быстрее спрятать парашют после приземления. Это у Павла получалось хуже, но инструктор сказал: ничего, нужда научит. Он заполнил какой-то длинный формуляр, попрощался и уехал, пожелав напоследок Павлу, чтобы ему не пришлось воспользоваться приобретенными знаниями.

Из всех, с кем судьба сталкивала Павла на чужой земле, этот остряк-парашютист был единственным симпатичным парнем, хотя и циником.

Следующим был инструктор по подводному плаванию, человек лет тридцати, но уже лысый. Он приехал с аквалангом, привез резиновый костюм и прочие необходимые принадлежности.

Прежде всего он спросил, умеет ли Павел плавать, и, получив утвердительный ответ, велел закаляться — обтираться холодной водой по утрам, постепенно приучить себя к холодным душам. Павел сказал, что давно так и делает. Раньше Павлу не приходилось держать в руках акваланг, и занятия были ему интересны.

Леонид Круг, ставший наконец мобильным, принимал в них участие, и надобность во Франце как в переводчике отпала. Круг успел отвыкнуть от немецкого, однако его знаний, хоть с грехом пополам, хватало.

Седьмое ноября, годовщину Октябрьской революции, Павел отметил крещением в ледяной воде. Лысый подводник привез его и Круга на берег знакомой им бухты, велел Павлу надеть резиновый костюм, маску, акваланг, ласты и приказал войти в море.

Тренировки продолжались в течение недели ежедневно. Было бы преувеличением сказать, что Павел научился чувствовать себя в воде, как рыба, но кое-чего он всё же достиг. Он мог плавать с грузом и без груза на нужной глубине и с нужной скоростью. Большего от него не требовалось.

Когда подводник убрался с дачи, приехал специалист по тайнописным вопросам, его сменил радист, а затем наступило затишье, и Леонид Круг организовал экскурсию в город. Франц сопровождал их.

Эта поездка была похожа на предыдущую. Круг порывался кутнуть на всю катушку, но Павел сдерживал его напоминаниями, что у них мало денег.

Как и прошлый раз, Павел купил в киоске газеты. Вечером, читая их в постели, он обратил внимание на некролог, помещенный парижской эмигрантской газетой. Фамилия усопшего была ему известна из дела резидента Михаила Зарокова. В некрологе сообщалось о кончине на семидесятом году жизни Александра Николаевича Тульева.

За завтраком газеты просматривал Леонид Круг. Павел ожидал, что он как-то среагирует на это сообщение, и не ошибся. Увидев некролог, Леонид сказал: «Отлетался, божий одуванчик. Вечная память!» И объяснил Павлу, кто такой этот Тульев.

У Павла мелькнула мысль сохранить газету, может быть, вырезать некролог. Но это было рискованно. Как он объяснит, если вырезку обнаружат?

Подошло рождество. Клара испекла огромный пирог, а сама уехала на целый день, и они выпили под пирог втроем.

Минул Новый год, а затишье все продолжалось. Погода на дворе стояла отвратительная. Заморозки бывали только по утрам, днем земля раскващивалась. Снег падал редко, а выпав, тут же таял. Ветер с моря дул влажный, зябкий.

Однажды за Леонидом приехал брат и увез его на три дня. С тех пор отлучки Круга стали повторяться все чаще, и жизнь Павла сделалась совсем тоскливой. Куда ездит и что делает, Круг не рассказывал.

Задумываясь о дальнейшей своей судьбе, Павел терялся в предположениях.

Появление инструкторов позволяло догадываться если не о цели, ради которой с ним возятся, то по крайней мере о способах передвижения. Но последовавшее затем бездействие его хозяев все опять затуманило. Вряд ли в этом был какой-то умысел. Скорее им попросту не до него...

Однако всему приходит конец.

В один прекрасный день явился давно

не показывавшийся Себастьян. Он изъяснялся в обычной своей бесцеремонной манере, но содержание беседы было необыкновенно ново.

Сначала был задан вопрос, не хочет ли Павел вернуться в Советский Союз, на что последовал ответ: хоть к черту на рога, лишь бы не торчать больше на этой опостылевшей даче. Себастьян сказал, что у Павла будет относительно легкое задание. Ему дадут маленькую рацию и много денег. Он должен найти одного человека, передать ему рацию и деньги. Разумеется, его снабдят безупречными документами. А способ засылки будет нетрудным.

Павел был согласен на все, и Себастьян уехал, сказав, что ждать теперь недолго.

Это произошло в начале марта. А через месяц Павла перевели в другое место. Он покинул дачу, ни с кем не простившись, так как думал, что еще вернется. Однако не вернулся.

Ему выдали костюм, туфли, белье — все советского производства, велели сразу надеть, чтобы обносилось. Вручили паспорт на имя Павла Ивановича Потапова. Затем показали «Спидолу» — рижский транзисторный приемник. Но это не «Спидола», хотя может служить и обычным приемником: в корпусе вмонтирована портативная рация. Павлу объяснили, как настраивать ее на передачу. Дали подержать в руках микрокатушку. Он вставит эту катушку в гнездо рации и проведет краткий сеанс передачи, дату которого ему сообщат перед отправкой.

А задание предельно простое, обязанности его ограниченны и необременительны.

В городе К. или в городе Я. Павел разыщет человека, которого зовут Станислав Курнаков. Паролем послужат советские денежные знаки: он предъявит Курнакову вот эти две бумажки, пятерку и трешницу. Они не поддельные.

Дальше Павел должен исполнять приказания Курнакова.

Может случиться, что Павел его не найдет. Тогда-то и следует воспользоваться передатчиком. После этого рацию надежно спрятать, обосноваться в городе К., устроиться на работу и жить мирно, ни о чем не думать. Когда понадобится, его найдут.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕКАСА

Теплым и дождливым майским вечером новенький сухогрузный теплоход под иностранным флагом отдал якоря на внешнем рейде Батумского порта.

В ожидании таможенного досмотра капитан и его помощники собрались в офицерской кают-компании, а команде было разрешено заняться личными делами.

Капитанская каюта не пустовала в это время. В ней сидели Себастьян и Павел. Света не зажигали.

Когда совсем стемнело, Себастьян приказал готовиться.

Павел разделся, остался в плавках, застегнул на груди пряжки акваланга, приладил маску. Себастьян достал из шкафа резиновый мешок, в нем был мягкий чемоданчик на молнии, а в чемоданчике «Спидола» и деньги. Сунув в мешок одежду Павла, Себастьян туго перетянул резиновым жгутом горловину, сделал из жгута две петли, чтобы можно было продеть в них руки, и помог Павлу закинуть мешок за спину, поверх акваланга.

Павел взял в руки ласты, но Себастьян попросил не спешить. Он один вышел из каюты.

Минут через десять он вернулся и приказал следовать за собой. Они быстро достигли кормы, никто не встретился им по пути.

С кормы свисал веревочный трап. На море был полный штиль.

— Давай! С богом! — шепнул Себастьян и хлопнул Павла по плечу.

Павел спустился по трапу до последней перекладины, вдел ноги в ласты и окунулся в теплую, темную, плотную воду. Под водой он услышал тихий мелодичный звон — это дождь заставлял звенеть сонное море.

Плыл он медленно. Теперь, когда желанный миг возвращения на родную землю оказался так близок, ему не хотелось спешить, он хотел продлить это неповторимое ощущение...

Раньше всех поутру прибегают на берег моря мальчишки. Нахватавшиеся солнца, шоколадные, как негритята, они презирают благоустройство цивилизованных пляжей, они выбирают для купания такие местечки, которые рассудительным взрослым представляются не только неудобными, но даже опасными. Если из воды торчит причудливый, похожий на горный пик, обомшелый у подножия огромный камень, окруженный камнями поменьше, а берег в этом месте обрывистый и море выточило в нем грот, который издает вечный шум, как приложенная к уху раковина,— тут-то и самое раздолье.

Вот в таком укромном уголке ребята, ныряя на спор — кто дальше,— и обнаружили необыкновенный клад. Под большим выщербленным камнем, увязанные резиновым жгутом в одну охапку, были спрятаны доспехи аквалангиста. Полный комплект!

После того, как были высказаны самые фантастические предположения, летучее совещание на берегу вынесло деловое решение. Конечно, ребята, обитающие на морском берегу,— романтики и фантасты, но это не мешает им быть реалистами до мозга костей, ибо берег — государственная граница и они дышат воздухом границы.

Раз человек спрятал такие бесценные сокровища под водой, значит, он не хотел, чтобы его видели выходящим на берег с аквалангом, он хотел притвориться обыкновенным купальщиком. А зачем ему было притворяться? Да очень просто: это шпион!

И ребята, по очереди взваливая на плечо важный груз, отправились к пограничникам...

А Павел в это время ехал в поезде, глядел в окно и думал об удивительных, порою необъяснимых совпадениях, происходящих в жизни.

Он включился в операцию в поезде № 52 Сухуми — Ленинград и сейчас, завершая большой этап операции, попал в этот же № 52.

Он отправился за кордон, можно сказать, прямо с пляжа и вот вернулся в страну через пляж.

...Павел сидел, облокотившись о столик и подперев подбородок кулаками. Так и задремал.

Проснувшись вскоре, Павел понял, что тащиться поездом будет невмоготу. В Адлере он сошел и поехал в аэропорт...

Во Внукове хотелось позвонить своим из автомата, но он решил на вокзале не мельтешить, сразу махнул на такси в город, а на Калужской площади, отпустив машину, зашел в телефонную будку.

Сначала позвонил матери. Услышав родной голос, сказал:

— Здравствуй, мама! У тебя все в порядке? Не хвораешь?

Она была обрадована.

— У меня-то все в порядке, сынок мой. Как твои дела? Жив-здоров?

— Все хорошо. Я сейчас заеду, повидаемся.

— Не обманешь?

— Нет-нет.

— Ну, жду...

Потом он позвонил Маркову. Когда полковник поднял трубку, Павел сказал, изменив голос на солидный руководящий баритон:

— Это Владимир Гаврилович? Как поживаете?

— Не обманешь...— сказал полковник радостно.— Мне же пограничники уже сказали... Когда прибыл?

— Только что.

— Ты где?

— На Калужской площади.

— Спускайся к парку Горького, ко входу. Я сейчас за тобой приеду...

Марков повез его домой на Садово-Кудринскую повидаться с матерью.

Павел посидел дома минут тридцать, а потом спустился к машине.

Марков сказал тихо:

— Вот такая у наших матерей судьба. Полчаса в год сынка видит.

— И то хорошо,— откликнулся Павел.

— Ну, ладно, у тебя все же несколько дней свободных будет. Порадуй ее...

Они поехали за город, на ту самую дачу, где беседовали в последний раз перед расставанием.

Когда Павел принял душ, сели обедать. Владимир Гаврилович не спрашивал у Павла, как он себя чувствует, только поглядывал на него украдкой, стараясь, вероятно, подметить перемены. Но их не было. Перед ним сидел тот же Павел. Разве что появилась некая задумчивость, мимолетная, едва уловимая. Но так, может быть, кажется оттого, что не виделись давно, да и устал ведь человек.

Марков не собирался с места в карьер требовать от Павла полного отчета. Это было не в его правилах. Он всегда говорил, что всякому впечатлению надо сначала отстояться.

Наоборот, полковник ждал от Павла его просьб: что необходимо сделать немедля, что не может быть отложено на завтра.

Вкратце изложив суть полученного задания, Павел сказал:

— Время у нас есть. Если б я сам искал Станислава Курнакова, сколько б мне потребовалось? Минимум дней десять. И сроков они не устанавливали.

Марков согласился, что не меньше, и спросил:

— А тебе не приходило в голову, что Курнаков — это Зароков?

ВРЕМЯ ВСЕГДА РЯДОМ

Мы измеряем, долго ли ты жил,
Не днями жизни, а часами дружбы.

К. СИМОНОВ.

В любой строчке — поэтической или прозаической,— принадлежащей перу Константина Симонова, явственно ощущаешь жаркое дыхание времени. Его герой — всегда наш современник, наш товарищ, чьи чувства нам родны, близки, понятны. Это мы сами живем на страницах его книг — сражаемся, строим, радуемся, терзаемся, любим. Еще в ту пору, когда только скапливались грозовые тучи надвигавшейся войны и когда многие из нас легкомысленно представляли ее в фанфарном звоне легких побед, он писал о ней мужественно и строго. При обсуждении пьесы и спектакля «Русские люди» К. Симонов без ложной скромности и совершенно точно сказал о себе: «Я вменяю себе в заслугу, что и до войны во всем, что я писал (а я писал много),— я старался доказать, что война будет тяжелой и суровой войной». В ту пору это было вовсе не так просто. Кто не помнит, с каким шумом была встречена книга Н. Шпанова «Первый удар», утверждавшая совершенно лубочное представление о войне в духе старинной присловки: «Турки валятся, как чурки, русские стоят невредимы».

А в это время уже гремели пушки у озера Хасан и в монгольских степях близ реки Халхин-Гол. И молодой, 23-летний Симонов, за плечами которого в ту пору была лишь не очень толстая книжка стихов, впервые в жизни столкнувшись с войной, жадно и остро всматривался в ее грозный лик, вслушивался в ее громы. В юртах

Баин-Бурта помещалась редакция газеты халхин-голской группы войск «Героическая красноармейская», и сотрудником ее в числе других писателей и журналистов был Константин Симонов, тогда еще просто Костя, всем полюбившийся за добродушие, веселый нрав и товарищеские чувства, которыми он щедро одаривал окружающих. Он был тогда, повторяю, очень молод, почти мальчишка, но в нем явственно ощущалась нараставшая сила. Его интересовало все — и пламенные, неповторимые в своих буйных красках монгольские закаты, и острые запахи степных трав, и толстый сверчок, ползущий по протоптанной солдатскими сапогами дорожке, а самое главное, его волновали люди, их внутренний мир, их переживания и чувства, рожденные в боях. После Халхин-Гола появился отличный цикл стихов Симонова, а потом первые его пьесы, посвященные этой малой, но свирепой войне, а много лет спустя и роман «Товарищи по оружию». Ничто не пропало даром у Константина Симонова — все накопленное было роздано без остатка.

Журналист и писатель — носители хотя и смежных, но разных профессий. Не часто в одном лице соединяются те способности, какие нужны и тому и другому. Но когда это соединение происходит, оно всегда бывает благотворным. Не боясь впасть в ересь, я утверждаю, что именно журналистика открыла К. Симонову дорогу в большую литературу. То острое ощущение времени, его требований и запросов, которое неотделимо от журналистики, неизменно присутствует в произведениях Симонова. Когда началась Великая Отечественная война, Симонов стал военным корреспондентом «Красной звезды». Он не любил, органически не мог торчать в редакции и всегда был там, где развертывались важнейшие события. Сегодня он был под Ельней или Дорогобужем, через несколько дней его видели под Мурманском, проходило немного времени, и он появлялся где-нибудь на Южном фронте или на Юго-Западном. Кто был в шкуре военного корреспондента, тот знает, что это такое, почем пуд лиха:

Жив ты или помер,
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать...

Он возвращался в редакцию, пропыленный насквозь или промороженный до костей, но всегда бодрый, какой-то встряхнувшийся, набитый впечатлениями до краев, с блокнотами, испещренными записями, неразборчивость которых порой его самого приводила в изумление. Он никогда не был позером, не лез без нужды туда, куда незачем было лезть, но всегда оказывался именно там, где было нужно, и делал то, что требовалось. Он быстро писал свои корреспонденции, пахнувшие пороховым дымом, кровью боя, запахом солдатских землянок и окопов. Если было надо, садился за стихи, и каждое из стихотворений было не только поэтическим произведением, но и яростной публицистикой.

В канун нового, 1942 года Константин Симонов, как всегда, неожиданно, появился в редакции газеты Южного фронта «Во славу Родины» — завернул по дороге в Крым, куда должны были высаживаться наши десанты.

— Что ты дашь нам в газету? — спросили мы его.

— Да вот есть тут одна штучка, — сказал он и вынул из полевой сумки стихотворение, напечатанное вкривь и вкось на какой-то дрянной машинке. Это было ставшее в скором времени знаменитым «Жди меня».

— Вот нашел о чем писать! — разочарованно воскликнули наши скептики. — О любви! Да кому она сейчас нужна?

Но стихотворение было напечатано, и через несколько дней весь Южный фронт знал его наизусть.

Вырезки из газеты попали в солдатские сумки. Переписанное тысячами рук стихотворение «Жди меня» шло в письмах домой, к семьям, к женам, к невестам, его читали во фронтовых клубах и просто у костров, на бивуаках, на привале, в окопах. Его напечатали едва ли не все газеты. Положенное на музыку, оно стало первым фронтовым романсом, который кочевал из края в край огромной страны. Воплотившись в кинообразы, оно стало фильмом, имевшим огромный успех. Почему же все это произошло? Стихотворение отвечало чувствам тысяч и тысяч людей, поэт выразил то, что хотели выразить они. Такое явственное слияние поэтического слова с мыслями и думами огромной массы людей было поразительным. Один из моих знакомых фронтовых офицеров, человек, не склонный к поэтической образности, по этому поводу с военной точностью заметил: «Попал в яблочко!»

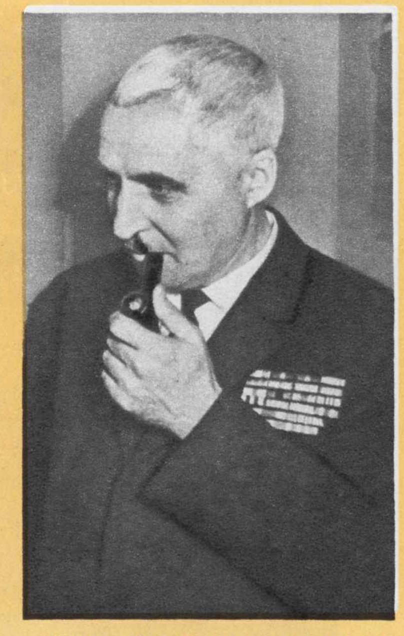
Вот это искусство «попадать в яблочко» — яркая черта таланта К. Симонова. Если выразиться иначе, сильный талант этого писателя поставлен целиком и без остатка на службу народу.

Герои Симонова пленительны тем, что они общественное ставят выше личного, что они со всем напряжением воли ищут правду и находят ее, испытывая от этого чувство глубокого удовлетворения. Они пленительны и своей мужественностью, отчетливо выраженным сознанием долга, умением пренебречь малым для большого и важного. И при всем этом они не деревянны, не ходульны, не плакатно-показательны. Они и страдают, и волнуются, и ошибаются, и плачут — они живые люди с горячей кровью и ранимой душой, с чувствами сильными и глубокими.

На старой милой нам земле
Есть много мужества. Оно
Не в холе, воле и тепле,
Не в колыбели рождено.
Лишь мещанин придумать мог
Мир без страстей и без тревог.

Константину Симонову исполнилось 50 лет. Тридцать из них отданы литературе. Его романы «Товарищи по оружию», «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», книга очерков и рассказов «Фронт», добрый десяток пьес, поэм и сотни стихотворений легли на пиршественный стол русской советской литературы.

Все это весомо и зримо! Сейчас писатель готовит к печати «Фронтовые дневники», а впереди — большой роман «Сорок пятый», посвященный завершающему году Великой Отечественной войны.

Трудолюбие и огромная трудоспособность были с юных лет свойством Константина Симонова.

Иногда Симонова упрекают в пренебрежении к слову, в грубоватости речи, в нарочитом упрощении и оголении событий и ситуаций. Мне хочется сравнить Симонова с каменотесом, который рубит глыбы камня и кладет их, не задумываясь над тем, красиво ли будет выглядеть сооружаемое здание. И, может быть, несколько неожиданно оно становится красивым и прочным, ибо стоит на родной земле всеми своими опорами. И потомки, изучая историю нашей борьбы, нашего времени, возьмут себе в поводыри книги Симонова и, перечитывая их, ясно представят себе, как мы жили и почему мы устояли, выдюжили, и победили, и пошли вперед.

Ник. КРУЖКОВ

— Была такая мысль.

— Зароков-то исчез, — сказал Марков. — А твой друг Дембович, он же Куртис, к сожалению, помер. Сгорел в собственном доме. И, как говорится, унес с собой в могилу все, что знал. А знал он немало.

Владимир Гаврилович встал, поправил съехавший набок галстук.

— Ладно, я ушел. Отдыхай. Завтра приедем с Иваном Алексеичем. — И вместо «до свидания» сказал свою любимую поговорку: — На неделю не напьешься, на год не насмотришься...

Марков уехал, захватив с собой «Спидолу».

Иван Алексеевич Сергеев и Марков приехали на следующий день в обед. И не уезжали с дачи до утра.

Марков сказал, что Станислав Курнаков, он же Михаил Зароков, обнаружен в городе К. Работает в ремонтной радиомастерской.

Павел подробно рассказывал о своих закордонных днях. Магнитофон терпеливо фиксировал его повествование.

Первый тур закончился. Начинался второй.

Частный план, выработанный ими на ближайшие два месяца и являвшийся фрагментом общего плана, рассчитанного на более отдаленное будущее, исходил из того, что резидент, восстановив связь со своим центром, должен активизировать разведывательную деятельность. Ближайшей и, пожалуй, главной задачей Павла было: войти в доверие к Зарокову-Курнакову, добыть недостающий ключ к шифру, которым тот будет пользоваться, передавая в центр разведданные.

Специалисты, тщательно изучив содержимое «Спидолы», установили, что присланные таблицы являются только частью шифра.

Когда уточняли тактику Павла на предстоящий период, он обратил внимание генерала и полковника, что видел в эмигрантской парижской газете некролог о старике Тульеве. Вспомнил и число. Это обстоятельство может оказать услугу в решении далеко идущей задачи. С Павлом охотно согласились. Марков обещал немедленно найти газету и дать Павлу вырезку. На этом они расстались...

У старшего лейтенанта Павла Синицына высвободилось дней девять-десять, которые он мог использовать по личному усмотрению. Они пролетели очень быстро.

Окончание следует.

Макс ЛЕОН,
корреспондент «Юманите»

Свадьба в квадрате 21432

У меня горят щеки и заледенел нос, сосульки свисают с усов, борода стала жесткой, как проволока. Ура, Арктика!

Укутанный в специальную одежду из собачьего меха, я все равно начинаю с беспокойством чувствовать, что мороз пробирается в унты, и конечности мои понемногу застывают. Сигарета потухла, а газовая зажигалка больше не выбрасывает язычка пламени. Ура, Арктика!

Пурга швыряет в лицо горсти колючих иголок, и я поворачиваюсь к ветру спиной. Закрываю глаза — брови и ресницы залеплены снегом. И снова открываю их. Ах, да! Ведь я уже давно вернулся оттуда. Но сегодня вечером я снова вижу полярное сияние, гигантское белое покрывало, которое укутало мир от края и до края. Оно еле заметно шевелится. Это как вздох спящего, как мираж.

Ура, Арктика!

* * *

Север разделен метеорологической службой на огромные квадраты. Каждый из них обозначен своей цифрой.

Наблюдения метеостанций, разбросанных по Заполярью, суммируются единым центром. Они ложатся в основу прогнозов погоды, служат навигаторам — морским и воздушным,— исследуются учеными. Американцы сообщают советским метеорологам, как движется циклон, советские — американским о пути антициклона.

Сектор 21 с базой в Тикси — это центральная Арктика. 21432 — это метеостанция на Котельном, ледяном острове недалеко от материка. Котельный в течение многих месяцев связан с миром только телеграфом и радио. Время от времени над островом появляется самолет полярной авиации. Он сбрасывает почту и кассеты кинофильмов. Небольшая группа людей живет здесь, на краю света. Именно благодаря им напрямую летят самолеты из Японии во Францию, из СССР на Кубу, ледоколы проводят караваны судов через все преграды. Они помогают ученым проникать в тайны солнца и поясов радиации, в историю образования Земли и будущее нашей планеты.

Кто они, эти люди? Почему они живут здесь, в тяжелейших климатических условиях, живут годами, отказавшись от комфорта, весны, солнца, встающего по утрам и заходящего вечером, от девичьих улыбок?

Почему? Теперь я знаю это. Знаю, почему эти люди, не дождавшись иной раз конца четырехмесячного отпуска на Большой земле, вновь возвращаются в Арктику. Возвращаются на год, два и больше — в бесконечную ночь, в сорокаградусные морозы, в домишки, затерянные среди льдов, в неистовство пурги, сотрясающей стены, за которыми мы укрылись.

Две недели я прожил с ними, разделяя их стол и досуг, помогая им в труде. Они стали моими друзьями, если не больше. Я знаю, почему они возвращаются на Котельный, в квадрат 21432. И знаю еще, что завтра у меня снова будет приступ ностальгии — тоски по Арктике.

* * *

...Изредка, когда ночь тиха, я усаживаюсь в центре полярной деревни, среди причудливых силуэтов мачт, приборов и научных инструментов, и восхищаюсь. Прямо над головой — Полярная звезда. Против меня — девять домиков, в окнах которых горит свет. А там, за ними, на пятьсот километров к югу,— ни души. Ни человека, ни самолета. Только Ледовитый океан — чудовище, которое лениво вздыхает, скрежеща острыми зубами торосов. К полюсу, километров через пятьсот, — слабый свет еще одной станции. Там повседневно проделывается такая же кропотливая работа, с той только разницей, что станция дрейфует на льдине, которую несут в неизвестность глубокие морские течения.

Девять домиков залиты светом. Пум! Пум! Стучит дизель, подающий энергию лабораториям, кухонным плитам и электробритвам. Правда, в определенные часы бриться запрещено, чтобы не мешать радиопередаче, которую ведут на землю воздушные шары-зонды.

Возле домика, который зовется «силовая», возится механик Саша. Он готовит вездеход для поездки. Несколько часов назад он зажег паяльную лампу и отогревает ею мотор. При минус 40° иначе нельзя. Саша тщательно исследует каждый орган вездехода, ибо здесь, во льдах, малейший недосмотр может обернуться смертью.

В маленьком домике, выкрашенном в коричневый цвет, спит аэролог Галя. Через несколько часов ей на вахту.

Рядом—контора. Там идет большая дискуссия. Из Тикси прибыл шеф 21-й радиометеорологической зоны Константин Шибаков. Он обсуждает с Василием Крыловым, начальником островной станции, проблемы, волнующие их обоих.

В двадцати шагах отсюда находится самое большое здание. Это кают-компания. Тут и салон, где каждый свободный угол забит книгами, кинопроекционная, бильярд. Кухня. Несколько кабин, напоминающих корабельные каюты,— здесь живут холостяки.

И еще два домика. Они почти проглочены снегом. Аэрологическая лаборатория и радиостанция. За столом радиооператора — Сашина жена Зоя. Она отстукивает свою морзянку, в такт которой подмаргивают две сигнальные лампы. Отстукивает и посматривает на часы. Циферблат их надрезан, словно сыр камамбер, двумя углами красного цвета. С 15-й по 18-ю и с 45-й по 48-ю минуты каждого часа священное время: все передачи в эти мгновения запрещены, чтобы не помешать возможному сигналу бедствия.

Аэрологи заняты своим обычным делом. На пятачке, который продувается всеми ветрами мира, они готовят запуск радиозонда. Он рвется вверх, словно необъезженный конь. Вот он взмыл! И через несколько минут миниатюрный радиопередатчик начнет вести оттуда свою трансляцию.

На месте запуска — 36 ниже нуля. Давление—1 036 миллибар. Через пять минут высота — 1 800 метров. Температура — минус 43°. Давление — 850. Через тридцать: высота — 10 тысяч метров, температура — минус 69°, давление — всего 250 миллибар. Нам эти цифры ничего не говорят, а у специалистов они делают погоду. Во всяком случае, помогают предсказывать ее.

Есть здесь еще люди и такой таинственной профессии, как актинометрия. Они определяют солнечную радиацию и излучение земли. Их интересуют небесные излучения, отражаемые землей, и солнечные, отражаемые облаками.

У тридцати человек, которые тут живут, масса дел. Они изучают воздушные течения, давление и скорость ветра, измеряют влажность воздуха, температуру льда, его толщину, соленость, возраст и скорость льдообразования. И так далее, и так далее...

Но я бы не сказал всей правды, если бы упустил из виду занятия

На ледовую базу дрейфующей станции Северный полюс-13 садится воздушный гигант.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Хозяин ледового аэродрома руководитель полетов авиабазы СП-13 Александр Данилович Горбачев и его хозяйство.

И в снег и в ветер...

иного рода. Изо дня в день всем жителям Котельного приходится заниматься черной работой. Нужно нарезать квадраты снега где-нибудь в стороне от поселка и привозить их на кухню: ведь снег — это вода. А воды требуется много. Две избы оборудованы водяным отоплением. В каждом доме стоят еще бочки с водой для питья и умывания.

Нужно собирать дрова для печек. За топливо спасибо реке Лене: она дарит океану доски, стволы деревьев, а морские волны доносят и выбрасывают их на побережье острова.

Нужно выполнить еще много хозяйственных дел, важных и мелких. Однако мы отвлеклись от главного.

* * *

Если бы Павлу Бушуеву сказали в тот момент, когда он подписывал договор на работу в Арктике, что он встретит на льдине спутницу своей жизни, что свадьба у него свершится на полярной станции, он бы только посмеялся.

Павлу было восемнадцать лет, когда он решил поступить в арктическую школу в Ленинграде. В 1961 году — первая практика на Севере. В 1963-м попал на полюс, радиооператором.

Несколько месяцев спустя — Котельный. Состояние моря в то время было достаточно благоприятным, чтобы корабль мог бросить якорь километрах в двенадцати от берега, не рискуя попасть в ледовый плен. «Индигирка» доставила на зимовку припасы на полтора года, аппаратуру, книги, сборные дома. И людей. Среди них была некая Таня. «Смотри-ка!» — сказал тогда себе Павел. Не более. Понадобился другой случай, чтобы он как следует рассмотрел молодого гидролога, девятнадцатилетнюю Татьяну Корневу. А тогда он только помог ей донести чемодан.

Вездеход доставил всех и все на станцию. Таня устроилась в красном домике. Павел жил рядом.

Гидрологические наблюдения ведутся несколько поодаль от станции, метрах в четырехстах. Однажды охотники заметили в том районе медвежий след. Таню нельзя назвать трусихой. Но Павел стал ее провожатым. Звезды. Полярное сияние. Свист поземки. Уже воцарилась долгая полярная ночь.

Словом, никто не удивился, когда в декабре они объявили, что будет свадьба. Таня заказала в Москве подвенечное платье, Павел — обручальные кольца.

Так или иначе день свадьбы был назначен. Но ее пришлось отложить, потому что не было невесты. Таня отправилась на Тикси уладить кое-какие дела и застряла там. А свадебный наряд и обручальные кольца припожаловали из Москвы вовремя. Но никто не осмелился открыть посылку, чтобы взглянуть на них. Ждали Таню.

Радист из Тикси без конца утешал Бушуева: дескать, считай, что невеста уже в пути.

Начались лихорадочные приготовления. Сюрпризы готовились втайне, обсуждались шепотом. К вечеру, в среду, руки у всех были в тесте. Жених собственноручно изготовил несколько сотен пельменей. Начальник станции занимался рыбой для строганины. Кто-то готовил напитки. Кто-то гладил. Из шкафов была извлечена лакированная обувь.

Всеми забытый, я меланхолично играл в бильярд сам с собой.

Тани не было. Постепенно все успокоились и ждали. Один я попрежнему изнывал от нетерпения, от желания побывать на свадьбе и увидеть наконец эту загадочную личность, девушку, которая была мне симпатична заочно уже потому, что ее ждал Павел (к тому времени мы стали с ним большими приятелями).

Наконец, понедельник. К красному домику подкатилось облако снежной пыли, поднятой вездеходом. Из него вышла Таня. Какая она? Прелестная девушка с улыбкой необычайной чистоты. Она не боится льдов, но избегает фотографов. Татьяна исчезает с подругой в комнате, где невесте предстоит облачиться в ее праздничный наряд.

Торжество назначено на 10 часов вечера — время, когда на вахте занят минимум людей.

А пока разгружается вездеход. Шампанское, оленина, омуль. И, конечно, почта. Одни тут же вскрывают конверты и жадно пробегают письма с Большой земли, улыбаясь чему-то своему. Другие прячут конверты по карманам и делают это с равнодушным видом, чтобы проглотить потом наедине слова нежности и привета.

— От имени «Юманите»...

Фото Ю. Абрамочкина

Приготовления нарастают. Все бегают из дома в дом без пальто, забывая о морозе,— некогда! Сбрасываются меховые одежды, унты, валенки. На крепких плечах мужчин появляются черные пиджаки. Модные галстуки. Крахмальные сорочки. А в чем же появлюсь я? В ботах на меху и теплой куртке? Нашлись добрые души — и нашлись для меня городские ботинки и белая рубашка!

...В конторе начальника — свадебная церемония. Готовится водка. Точнее говоря, в бутыль, где находится знаменитый заполярный спирт, добавляется вода. Традиция требует, чтобы крепость напитка соответствовала географической широте (гм, наши координаты — 76°!).

Ночью снег скрипит и поет под ногами. Со всех сторон в кают-компанию движутся темные тени. А там уже все готово. Шесть метров стола ломятся от съестного. Все при параде. Все в сборе. Ждут только молодых. Самые нетерпеливые курят в коридорчике, не решаясь это делать в салоне, который стал теперь более официальным, чем обычно.

Я грызу ногти, обдумывая небольшой поздравительный спич. «...Пусть ваша любовь будет такой же беспредельной, как арктические льды, такой же сильной, как белый медведь...» Нет, это слишком. Лучше так: «От имени «Юманите», от имени всех моих товарищей...» Впрочем, там видно будет, как лучше.

Но вот и они! Невеста в своем белом платье очаровательна. Она вся светится, глаза ее полны добротой ко всем и ко всему. А Павел — я его первый раз вижу таким — взволнован и не знает, куда себя деть. Гром аплодисментов! Произношу речь, мешая все на свете — молодость, медведей, коммунизм, весенние цветы и франко-советскую дружбу...

А потом поднимаются бокалы с шампанским. А потом... Потом все было, как на всех свадьбах во всех уголках земли. Были бесчисленные тосты. Был первый танец с невестой. Повара были малиновыми от похвал и прочих удовольствий.

Кричали «Горько!», чтобы заставить новобрачных поцеловаться. Гуров, заполярный Шаляпин, пел, заставляя дрожать стаканы. Плясали русскую, танцевали твист, потом затеяли якутский хоровод.

Когда самовар водки был выпит, все вышли глотнуть немного свежего воздуха. Термометр на пороге дома показывал всего-навсего минус 32°. Прямо дыхание весны!

А станция продолжала действовать. Те, кому было пора на вахту, исчезли на английский манер, не прощаясь. Их сменили те, кто закончил дежурство...

* * *

Да, теперь я знаю, почему эти люди выбрали Арктику и почему они возвращаются сюда с Большой земли в конце четырехмесячного отпуска, возвращаются на год, на два, а иногда насовсем.

Перевод с французского.

РАБОЧАЯ ЧЕСТЬ КОРАБЕЛОВ

Нынешний год знаменателен в жизни талантливого украинского прозаика Александра Сизоненко: в Москве в переводе на русский язык появился его первый роман «Корабелы».

Придя в литературу из гущи народной жизни, А. Сизоненко — воин, участвовавший в штурме фашистского Берлина, и труженик, овладевший несколькими специальностями, — произведения свои строит на материале, почерпнутом непосредственно из жизни народа. Это можно сказать и о романе «Корабелы».

Как известно, корабелами принято называть кадровых рабочих — ветеранов кораблестроительных заводов. Но не только о них идет речь в книге. Каким должен быть современный рабочий и инженер, как должны складываться взаимоотношения между людьми на производстве и в быту? Каким должен быть стиль работы хозяйственных и партийных органов в наше время?

Эти и многие другие проблемы затрагивает А. Сизоненко в романе «Корабелы» и всем ходом повествования подводит читателя к мысли о том, что в наши дни достоин уважения и поддержки лишь тот человек — будь он рядовым рабочим или командиром производства,— который не идет на сделку с совестью, легкому успеху предпочитает честный путь служения народу. Герои романа ведут упорную борьбу против бюрократов и демагогов, которые цепко держатся за старые, отжившие методы работы.

Роман «Корабелы» состоит из восемнадцати самостоятельных глав-новелл, органически связанных между собой. В каждой из них раскрывается судьба одного или нескольких героев, а вместе главы создают целостную картину жизни большого и сложного коллектива судостроителей. Чувствуется, что А. Сизоненко, в прошлом и сам работавший судосборщиком, досконально знает жизнь своих героев, технологию производства. Правда, техническая подкованность автора подчас идет во вред произведению: некоторые главы излишне перегружены техницизмами, сухой информацией. Впрочем, автор уже сейчас сделал практические выводы из уроков первого крупного произведения.

В его новом романе «Белые тучи», затрагивающем острые проблемы современного села, уже нет подобного просчета,— вопросы производства здесь важны для автора в той мере, в какой они помогают глубже и полнее раскрыть характеры людей.

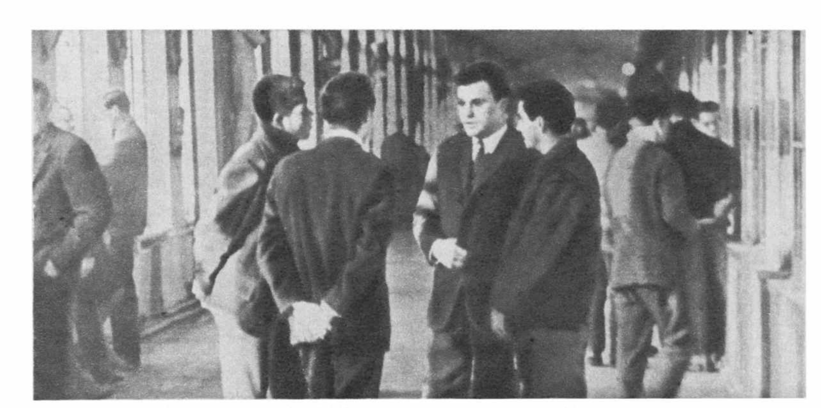
И. ФЕДОТОВ

Александр Сизоненко. Корабелы. Роман. Авторизованный перевод с украинского Ю. Саенко. «Советский писатель». Москва. 1965.

И опять все впер

Он был хорош на ринге! Встреча соперников-друзей: Геннадий Шатков Евгений Феофанов.

В университете среди студентов.

Фото Н. Ананьева и А. Бочинина.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Отсюда, с Университетской набережной, хорошо виден торжественный ансамбль Адмиралтейства с его колоннами и золотым шпилем и немного правее, над низкорослым сквериком, силуэт Медного всадника.

Если вдруг удается проректору отрешиться от текущих забот и треволнений, приходят, может быть, ему на память строки:

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...

Но неспешные поэтические раздумья не часто отвлекают проректора университета, когда он идет по набережной на работу или возвращается домой. Уж очень место бойкое, эта Университетская набережная! То молодые негры ослепят его нежданной белозубой улыбкой, то пройдет смуглолицый, с мечтательными глазами юноша, словно сошедший с фресок Египта...

Проректор почти каждого из этих молодых, столь непохожих друг на друга гостей Северной Пальмиры, знает в лицо. И они знают его. Если ты приехал из Ганы или Северной Кореи — все равно из какого далека,— ты ждешь, что кто-то обязательно поможет тебе обрести чувство дома в новом городе, что жизнь твоя студенческая будет постоянно интересовать кого-то, что кто-то старший заметит вовремя, когда тебе трудно, и даст совет.

Вот этот кто-то и есть в глазах ганца или корейца, индийца или финна проректор университета. Проректор по иностранным делам. Вы думаете, легкая это доля — быть олицетворением отцовского начала в разноязыком семействе, представляющем пять континентов земного шара? Между нами говоря, совершенно особенными качествами должен обладать такой человек и из них не последнее — сердце чуткого друга.

— Что, если на этой неделе показать норвежцам и шведам Русский музей, а на будущей — Репино?

— Отлично! Потом повезем в Разлив. Они об этом давно просили...

И это тоже в сфере проректорской деятельности. Тот, кто при-

Обсуждаем статью Г. Коробкова «МОЛОДОСТЬ ЗНАЕТ...»

В этой статье поднимаются животрепещущие вопросы спорта в школах («Огонек» № 40).

Юные спортсмены напрокат

Хорошо, что «Огонек» начал большой разговор о школьном спорте и школьной легкой атлетике. В течение пятнадцати лет я работала тренером сильнейших спринтеров женщин в сборной команде СССР. Через мои руки прошло много спортсменок: Зинаида Сафронова, Ирина Турова-Бочкарева, Вера Крепкина,— и я видела, как из года в год в сборную команду приходило все меньше и меньше талантливых молодых спортсменок. Перед Токийской олимпиадой в команде остались 32-летняя Галина Попова. 28-летняя Галина Гайде, 25-летняя Людмила Самотесова и лишь Рената Лаце могла считаться по-спортивному молодой — ей исполнилось 22 года.

Школьный спорт — вот кто должен питать резервами сборную команду страны. И не имеем мы права быть безучастными свидетелями того, как пренебрежительно относится школа к физическому воспитанию наших детей, неотъемлемой части их коммунистического воспитания.

Мне кажется, что самый главный порок нашего детского и юношеского спорта заключается в том, что школа не является спортивным коллективом, в котором должен жить, воспитываться и тренироваться юный спортсмен, чьи спортивные цвета он должен регулярно защищать на соревнованиях.

Всякого рода районные и ведомственные детские спортивные школы — ДСШ, как их называют,— дело нужное и хорошее, но только если они опираются на многочисленные школьные спортивные коллективы. А у нас все одаренные маленькие спортсмены попадают в ДСШ и оказываются оторванными от школ, в которых учатся, в то время как тысячи других школьников, вероятно, еще более одаренных, вообще остаются вне спорта.

Почему же это происходит? Да по одной нам хорошо знакомой причине: школе не хватает влюбленных в свою профессию преподавателей, таких, например, как преподаватель 75-й московской школы Александр Иванович Волков, создавший великолепный коллектив.

ехал к нам учиться, должен вернуться на свою родину не только знающим специалистом, но и хорошим другом нашим.

Пушечный выстрел раскатился над Невой, мягко тронул оконные стекла в кабинете. Полдень возвестила Петропавловская крепость. Проректору приносят пакеты. На пакетах — яркие марки и почтовые штампы. Со многими университетскими центрами мира держит тесную научную связь университет в Ленинграде. Идет оживленный обмен мнениями по научным проблемам современности, обмен научными исследованиями студентов и аспирантов с коллегами из Будапешта, Лейпцига, Парижа, Сантьяго, Лондона... Создаются совместные труды.

еди...

Каждый год ездят друг к другу в гости многочисленные студенческие и преподавательские делегации. И все это тоже в сфере деятельности проректора по иностранным делам.

Ну, а если человек, занимающий эту должность, наделен ко всему прочему еще и тягой к исследовательской работе? Если он, защитив в свое время кандидатскую диссертацию, серьезно подумывает о диссертации докторской? Если он к тому же и педагог, читающий лекции, и обязательный соавтор в творческом коллективе, создающем солидную монографию в области юриспруденции?..

Пожалуй, хватит для одного человека? Хватит с избытком!

Попробуем представить себе этого человека. Узкогрудый? Чуть сутуловатый от непосильного бремени? Книжник с усталыми глазами, скрытыми за толстыми стеклами очков? Или, как обязывает положение, полнеющий, с веской неторопливой речью, ученый муж и дипломат, умеющий столь выразительно посмотреть на часы, что вам сразу становится ясным, у кого вы осмеливаетесь воровать драгоценное время?..

Не пытайтесь себе этого представить. Все равно ошибетесь. Лучше побываем у проректора дома и попросим любезного хозяина показать нам одну любопытную вещицу, которой он очень дорожит, равно как и вся его маленькая семья.

Эта вещь из его недалекого прошлого. Морщинки времени еще не успели тронуть тугую, эластичную кожу матово поблескивающих боевых боксерских перчаток. Они совсем недавно в последний раз сняты с рук и повешены на гвоздик. Они еще кажутся теплыми. На них еще, кажется, живут отблески яркого света над рингом, и, если к ним, как к морской раковине, приложить ухо, может быть, можно услышать глуховатый рокот объятого волнением зала и медный голос гонга, зовущий к борьбе.

Теперь вы понимаете, почему напрасными были бы попытки представить себе проректора? Ведь эти кожаные боксерские перчатки принадлежат именно ему! Причем, словно нарочно для того, чтобы еще больше запутать и озадачить вас, проректор не хранит на своем лице ровно никаких следов, которые могли бы намекнуть на его несколько неожиданное боевое прошлое. Ни грозных шрамов, ни перебитой переносицы, ни массивных надбровных дуг — примет этого мужественного вида спорта. Ничего этого нет. Есть просто спокойное лицо интеллигентного человека, немного бледноватое, как у всех ленинградцев, живущих под своим холодным, северным небом.

Впрочем, полно, было ли действительно боевое прошлое? Вероятно, ученый муж лишь отдал дань юности мятежной, побоксировал немного, и теперь все это забыто? Нет! Такое не забывается, как никогда не забудет альпинист вершины, покоренной им, вершины десятой категории трудности.

Проректор знает путь к таким вершинам. Он не раз одолевал их. Наклейки многих стран пестрели на его походном чемоданчике, в котором лежали боксерские доспехи и книги. Всегда книги. Берлин, Париж, Люцерн, Мельбурн, Рим...

Геннадий Шатков, студент из города на Неве, становился чемпионом Европы, всходил на высшую ступень пьедестала Олимпийских игр, и всегда с ним были книги, и после жаркого боя, в номере гостиницы, из окна которой были видны Альпы или море, студент занимался, сосредоточенно вписывая в тетрадь конспекты и тезисы, будто в читалке университета.

Гонг звал на ринг. Перед боем так мало было в этом молодом человеке боксерского, что его противники частенько подумывали: ну, легкий достался жребий! Ох, как жестоко они разочаровывались! Бедняга Тапиа, чилийский прославленный чемпион, вот кто мог бы с полным знанием дела поделиться опытом на этот счет.

Им привелось встретиться в финальном матче Мельбурнской олимпиады. Чилиец был отличный боксер, покорил австралийскую публику сочетанием особой, уверенной легкости и сокрушающей мощи. И он смеялся вместе со своим тренером, поглядывая на ленинградца.

Чилиец решил все кончить сразу. Эффектной должна быть последняя победа олимпийского чемпиона. Он был грозен, быстр в своем натиске, тугие перчатки с сухим треском обрушились на соперника. Все повскакали с мест: «Что? Уже все кончено?..»

Да, кончено. Короткий, вовсе не заметный удар русского боксера — и ослепительный Тапиа рухнул на пол!

Случайность? Конечно! Взгляните скорее, как снова теснит, бросается вперед Тапиа, как сокрушительна его атака... Зачем было русскому злить такого великолепного бойца? Что же с ним теперь будет, с этим русским! Удар, прямой, точный, сильный,— и Тапиа снова рухнул на пол ринга.

Нокаут! В мертвой тишине бесстрастно отсчитывает секунды судья. В углу ринга стоит, слегка постукивая перчаткой о перчатку, русский боксер, спокойный, будто он и не начинал боя. Стоит олимпийский чемпион, потому что уже всем ясно: противник кончил бой...

Так было в Мельбурне. И это была вершина, одна из покоренных вершин Геннадия Шаткова.

Потом был Рим. Снова Олимпийские игры. И последний раунд, после которого кожаные перчатки успокоились, оказались на гвоздике в ленинградской квартире.

Наверное, не так хотел закончить свой славный путь боксер. Он ведь мог вполне рассчитывать на победу, и тогда ко многим золотым медалям прибавилась бы еще одна. Но так не случилось. Надо было помочь своей команде. Не хватало в ней боксера полутяжелого веса.

Шатков был средневесом, но в этой категории вполне мог попробовать счастья на мировом ринге молодой, сильный боксер Евгений Феофанов, ближайший соперник по чемпионатам страны и ближайший друг. Тот, кто знает бокс, легко поймет, как трудно боксеру внезапно менять свою весовую категорию. Многое привычное надо как бы пересмотреть заново. Но так нужно было команде, и Геннадий Шатков стал полутяжеловесом. Пусть не будет еще одной золотой медали... Впрочем, он еще посмотрит! Во всяком случае, отдать ее легко Шатков не намерен никому.

Кассиус Клей! Странную кличку присвоили американскому боксеру: Великий Трепач. И он как будто не возражал, он сам делал все для того, чтобы оправдать ее.

— Я красив, как девушка,— заявил он.— Я должен стать чемпионом мира!

И, надо сказать, Трепач оказался не таким уж трепачом. Он был в самом деле превосходным боксером. Очень скоро после Рима Клей стал абсолютным чемпионом мира, королем профессионального ринга. Правда, что-то он там натворил, где-то сыграл неаккуратно в закулисной игре...

Но боксером он всегда был превосходным, и Геннадий с тревогой наблюдал за тем, как он уверенно побеждает опытного Збигнева Петшиковского.

Мужественным, равным, до предела напряженным был матч боксера из Ленинграда с американским чемпионом. В двух первых раундах невозможно было никому отдать предпочтение. В третьем, последнем, раунде американец был острее, быстрее. Совсем немного. Быть может, незаметно для постороннего глаза. С достоинством, спокойно и мужественно довел бой до конца его соперник.

С тех пор он не надевал перчаток.

...Мы сидим в кабинете проректора Ленинградского университета, кандидата юридических наук, заслуженного мастера спорта Геннадия Ивановича Шаткова, и он говорит нам, что любит бокс потому, что этот суровый спорт был для него отличной школой характера.

— Нравилась мне игра с опасностью,— говорит хозяин кабинета.— Это была романтика, дань молодости. Потом стал понимать, что бокс — это серьезно, что бокс — одоление. Что для победы на ринге нужно прежде победить себя, свои сомнения, свою неуверенность. Противник, кем бы он ни был, должен ощущать во мне спокойную волю, которую нельзя поколебать. Конечно, для этого нужно было много, очень много. Знания ринга прежде всего. Совершенное знание законов борьбы. Как иначе победишь?.. Одной волей — это было бы жалкое зрелище.

Он говорит нам: с боксом покончил не потому, что не было больше сил. Он мог бы еще боксировать. Но зачем? Все, что нужно было получить молодому человеку для дальнейшей жизненной дороги, бокс ему отдал: мужество, волю. Это была достигнутая, трудная вершина, но, разумеется, не главная из тех, которую должен покорить человек на долгой жизненной дороге.

Геннадий Иванович считает, что в жизни ученого он сделал только первый шаг. Ему всего тридцать два года. Впереди посерьезней кручи. Увлекают большие проблемы в области государства и права. И в конце концов дело не в званиях. Он хочет быть доктором наук, но это лишь как следствие. Важно, чтобы сказано было что-то свое, новое, нужное обществу, в котором живешь.

— Опять все еще впереди,— говорит проректор,— в этом, знаете, самое большое счастье.

Как со спортом? Он, конечно, не ушел из его жизни. Боевые перчатки успокоились на гвоздике, но есть еще лыжи, плавание, крепкий, по старой памяти, заряд здоровья по утрам перед настежь открытой форточкой.

— У нас в семье новый спортсмен появился. Дочке моей Алле девять лет, и уже первый юношеский разряд по плаванию. Мы были с женой в бассейне, смотрели, как она соревнуется. По-моему, за всю спортивную жизнь я так не волновался...

Было время, мы в «Огоньке» писали о боевых славных делах ленинградца Геннадия Шаткова. Теперь вот пишем о проректоре, о молодом ученом, об отце юной спортсменки... И опять все еще впереди.

Вот и получается, что, посещая общеобразовательную среднюю школу, подросток становится спортсменом не у себя в коллективе, выступает в соревнованиях за кого угодно, только не за ту школу, где он учится, где был принят в пионеры, где стал комсомольцем.

Но вот что интересно: оказывается, ДСШ не дает возможности своим питомцам вести полноценную жизнь спортсмена — для ребят, тренирующихся в системе детских спортивных школ Министерства просвещения, календаря соревнования не существует. Но позвольте, как же так? Ведь спорт невозможен без соревнований! Да, это так, соревнований до смешного мало. Всесоюзная спартакиада школьников в 1965 году была, пожалуй, единственным большим соревнованием. Вот почему многие воспитанники ДСШ Министерства просвещения стремятся на юношеские первенства добровольных спортивных обществ, и на их майках можно увидеть любые эмблемы.

Вот несколько примеров.

17-летняя Елена Молодцова в Минске на спартакиаде школьников стала победительницей на двухсотметровой дистанции как представительница ДСШ, а в Тбилиси на юниорском чемпионате победила на этой же дистанции в майке «Динамо».

17-летняя Наташа Романова на школьной спартакиаде победила в беге на 100 метров как воспитанница ДСШ Ярославля и на следующих соревнованиях в Орле представляла уже общество «Труд».

Победительница в барьерном беге на 80 метров в Минске Галина Белова — по протоколам соревнований представительница ДСШ, а на следующих же соревнованиях она выступает уже как член общества «Авангард».

16-летняя Задошенко в Минске представляла ДСШ Ейска и немедленно после этого на первенстве ВЦСПС оказалась спортсменкой ДСО «Труд».

Могу привести десятки аналогичных примеров. Это уже не исключения, а система. Стоит задуматься над тем, как эта прокатная система сказывается на воспитании юных спортсменов.

Заслуженный тренер СССР Г. ТУРОВА

ФИЗКУЛЬТУРА — ВАЖНЫЙ ПРЕДМЕТ

Я не спортсменка, а рядовая учительница литературы. Но спорт и общее воспитание детей нужно рассматривать как единое целое, и я не могу не откликнуться.

Я работаю в селе. И вижу, как велик интерес школьников к спорту. Вряд ли сейчас встретишь школьника, который бы равнодушно относился к нему. Однако как ни печально, а в школах все еще смотрят на физическое воспитание как на дело второстепенное. Не хватает квалифицированных учителей. Бывает, что урок физвоспитания ведет историк или преподаватель литературы, у которых мало занятых часов. Какой же толк в таких занятиях?

Я не раз бывала свидетельницей урока физической культуры одного учителя, окончившего среднее специальное учебное заведение по физвоспитанию. Девочки и мальчики играют в баскетбол или волейбол. Или катаются на коньках, а те, кто не имеет коньков, смотрят. Какой же это урок? Это же лишь увлекательное времяпрепровождение. Ведь на каждом уроке химии, математики, литературы учащиеся получают определенные знания по тем или иным вопросам. А разве физкультура не такой же учебный предмет?

Пора уже ввести физкультуру в ряды основных дисциплин!

Фариза УГАРСЫНОВА,
учительница средней школы «40-летие Октября»

Гурьевская область, Казахская ССР.

Станислав ЛЕМ

Рисунки А. Соколова.

Гость из бездны

Рассказ Пиркса

— Фантастические романы? Да, я их люблю, но только плохие. Вернее, не то что плохие, а выдуманные. На ракете у меня всегда есть под рукой что-нибудь в этом духе,— чтобы на досуге прочесть несколько страниц, хотя бы из середины, а потом отложить. Хорошие — совсем другое дело; я их читаю только на Земле.

Почему? По правде говоря, толком не знаю. Не задумывался над этим. Хорошие книги всегда правдивы, даже если в них описываются события, которых никогда не было и не будет. Они правдивы в другом смысле — если в них говорится, к примеру, о космонавтике, то говорится так, словно чувствуешь эту тишину, которая совсем непохожа на земную, это спокойствие, такое абсолютно нерушимое... И что бы в них ни изображалось, а мысль всегда одна,— человек т а м никогда не будет чувствовать себя, как дома.

На Земле ведь все какое-то случайное — дерево, стена, сад, одно можно заменить другим, за горизонтом открывается другой горизонт, за горой — долина, а там все выглядит совсем иначе. На Земле людям никогда не приходит в голову, до чего это ужасно, что звезды не двигаются; лети хоть целый год полным ходом — и никаких перемен не заметишь. Мы летаем в воздухе, ездим по земле, и кажется нам: мы знаем, что это такое — пространство.

Этого не передашь словами. Помню, однажды возвращался я из патрульного полета, где-то у Арбитра слышал разговоры издалека — кто-то с кем-то ругался из-за очереди на посадку — и случайно заметил другую возвращающуюся ракету. Этот парень думал, что он один. Он так кидал свой бочонок, что тот дергался, будто припадочный. Все мы знаем, как это бывает: через день-другой в космосе находит на тебя охота что-нибудь выкинуть, все равно что: дать полный ход, помчаться куда-нибудь, крутануть на большом ускорении так, чтоб язык высунуть... Прежде я думал, что это вроде бы неприлично — человек не должен так потворствовать себе. Но, по сути дела, тут лишь отчаяние, лишь охота показать язык космосу. Космос не меняется так, как меняется, к примеру, дерево, и поэтому, наверное, трудно с ним свыкнуться.

Так вот, хорошие книги именно об этом и говорят. Ведь обреченные на смерть не станут читать описание агонии, вот и мы все как-никак слегка побаиваемся звезд и не хотим слышать о них правду, когда находимся среди них. Это верно, тогда лучше читать то, что отвлекает внимание, но мне, по крайней мере, больше всего подходят именно вот такие занимательные звездные истории,— ведь в них все, весь космос становится таким добропорядочным... Это добропорядочность для взрослых, так что там есть катастрофы, убийства и всякие другие ужасы, но все равно они добропорядочные, невинные, потому что с начала до конца выдуманные: стараются напугать, а ты только улыбаешься.

То, что я вам расскажу,— это вроде таких историй. Только со мной она действительно случилась. Впрочем, это несущественно.

Было это в год Спокойного Солнца. Как обычно, в этот период шла генеральная уборка вокруг Солнца, сметали и выметали массу железного лома, который кружится на уровне орбиты Меркурия; за те шесть лет, пока строили большую станцию в его перигелии, там в космос набросали кучу старых поломанных ракет, потому что работы велись по системе Ле Манса, и вместо того, чтобы сдавать эти трупы ракет на слом, их применяли вместо лесов. Ле Манс как экономист был сильнее, чем как инженер: станция, построенная по его системе, действительно обходилась втрое дешевле, чем обычная, которую монтируют в пространстве, но доставляла такую уйму хлопот, что после Меркурия никто уж не соблазнялся этой «экономией». Но тут Ле Мансу пришла в голову новая идея — отправить этот ракетный морг на Землю; чего ж ему крутиться в пространстве до скончания веков, если можно переплавить его в мартенах? Но чтобы эта затея окупилась, приходилось посылать для буксирования такие ракеты, которые были немногим лучше этих трупов.

Я был тогда пилотом патруля с вылетанными часами, а это означает, был им лишь на бумаге и по первым числам, когда получал зарплату. А летать мне до того хотелось, что я согласился бы и на железную печку, лишь бы она имела хоть какую-нибудь тягу; поэтому нечего удивляться, что, едва успев прочитать объявление Ле Манса, я явился в его бразильское бюро.

Не хочу утверждать, что экипажи, которые формировал Ле Манс или, вернее, его агенты, были чем-то вроде кадров Иностранного легиона или разбойничьего сброда,— такие типы вообще не летают. Но люди теперь редко отправляются в космос в поисках приключений,— их там нет, или по крайней мере в принципе нет,— так что решаются они на полет либо с отчаяния, либо так как-то, случайно; и это уж самый плохой материал, потому что служба наша требует больше выдержки, чем морская, и тем, которым все равно, не место на ракете.

Я не занимаюсь психологическими изысканиями, а просто хочу объяснить, почему я уже после первого рейса потерял половину команды. Мне пришлось уволить техников, потому что их споил телеграфист, маленький метис, который придумывает гениальнейшие способы, чтобы контрабандой протащить алкоголь в ракету. Этот тип в прятки со мной играл. Запускал пластикатовые шланги в канистры... впрочем, не будем об этом. Я думаю, он способен был запрятать виски в реактор, если б это оказалось возможным.

Воображаю, до чего возмутили бы такие истории пионеров астронавтики. Не пойму, почему они верили, что сам по себе выход

на орбиту превращает человека в ангела. Может, они, сами того не понимая, думали о том голубом, райском небе, которое так быстро исчезает при старте? Впрочем, упреки эти не слишком умны. Этот метис, родом из Боливии, подрабатывал продажей марихуаны и делал мне все назло, просто потому, что его это развлекало. У меня были парни и похуже.

Ле Манс был важной персоной, деталями не интересовался, а только установил финансовые лимиты, и, мало того, что мне не удалось укомплектовать экипаж, я еще вынужден был дрожать над каждым киловаттом энергии; никаких резких маневров, уранографы после каждого рейса проверялись, будто бухгалтерские книги, не уплыл ли где-нибудь, упаси боже, десяток долларов, превратившись в нейтроны. Тому, что я тогда делал, меня нигде не обучали, подобные дела, может быть, творились лет сто назад, на старых корытах, курсировавших между Глазго и Индией. Я, впрочем, и тогда не жаловался, а сейчас, как вспомню об этом, так, стыдно признаться, растрогаюсь.

«Жемчужина ночи» — ну и имечко! Корабль потихоньку разваливался, весь рейс проходил в разыскивании мест, где может открыться течь либо произойти короткое замыкание. Каждый старт и каждая посадка совершались вопреки законам не только физики; наверное, у этого лемансовского агента были знакомства в порту Меркурия, иначе любой контролер немедленно опечатал бы у нас все, от рулей до реактора.

Ну вот, выходили мы на охоту в перигелий, искали радаром остовы ракет, а потом подтягивали их и формировали «поезд». Там на меня сваливалось все сразу: скандалы с техниками, швыряние водки в пространство (там и сейчас полным-полно бутылок «Лондон. Драй Джин») и дьявольская математика, потому что для навигации надо было найти приближенные решения проблемы взаимоотношений многих тел. Однако больше всего, как и всегда, было пустоты. В пространстве и во времени.

Я запирался в каюте и читал. Автора не помню, был это какой-то американец, в названии было что-то о звездной пыли, нечто в этом духе. Не знаю, как книга начиналась,— я начал примерно с середины; герой находился в камере реактора и разговаривал по телефону с пилотом, когда раздался крик: «Метеоры за кормой!» До этой минуты не было тяги, и тут он вдруг увидел, что огромная стена реактора, сверкая желтыми глазами циферблатов, наплывает на него с возрастающей быстротой; это включились двигатели, и ракета рванулась вперед, а он, вися в воздухе, сохранял еще прежнюю скорость. К счастью, он успел оттолкнуться ногами, но ускорение вырвало у него трубку из рук, и он повис на телефонном шнуре; когда он упал, распластавшись, эта трубка качалась над ним, а он делал нечеловеческие усилия, чтобы ее схватить, но, конечно, он весил тонну и не мог пальцем шевельнуть, потом как-то зубами ее поймал и отдал команду, которая их спасла.

Эту сцену я хорошо запомнил, а еще больше мне понравилось, как описан проход сквозь метеоритный рой. Облако пыли покрыло, заметьте, третью часть неба, только самые яркие звезды просвечивали сквозь пылевую завесу, но это еще ничего, а вот вскоре герой увидел— на экранах, конечно,— что из этого желтого тайфуна исходит бледно светящаяся полоса с черной сердцевиной; уж не знаю, что это должно было означать, но только я наплакался со смеху. Как он себе все это прелестно вообразил! Эти тучи, тайфун, эта трубка — я прямо воочию видел, как этот парень болтается на телефонном шнуре. Ну, а что в каюте его ждала необыкновенно красивая женщина, это уж само собой разумеется. Была она тайным агентом какой-то космической тирании или, может, боролась против этой тирании, уж не помню. Во всяком случае, она была красива, как положено.

Почему я так распространяюсь об этом? Потому, что это чтиво меня спасло. Метеоры? Да ведь я остовы ракет по двадцать—тридцать тысяч тонн весом искал неделями, и половины из них даже в радаре не увидел: легче увидеть летящую пулю. Однажды мне пришлось схватить за шиворот моего метиса, когда мы были в невесомости; это наверняка трудней, чем тот номер с телефонной трубкой,— мы ведь оба парили в воздухе,— но не так эффектно. Похоже, что я начал брюзжать, сам вижу. Но такая уж это история.

Двухмесячная охота кончилась, у меня на буксире было сто двадцать — сто сорок тысяч тонн мертвого металла, и я шел в плоскости эклиптики на Землю. Вопреки правилам? Ну ясно! У меня не было горючего для маневрирования — я ведь уже говорил об этом. Приходилось тащиться без тяги больше двух месяцев.

И тут случилась катастрофа. Нет, не метеоры, это ведь не роман. Свинка. Сначала техник, обслуживавший реактор, потом оба пилота сразу, а потом уж остальные: морды распухли, глаза как щелки, высокая температура, о вахтах и говорить нечего. Какой-то особенно злющий вирус притащил на палубу Нгей, негр, который на «Жемчужине ночи» был коком, стюардом, экономом и еще чем-то там. Он тоже заболел, а как же! Может, в Южной Америке у детей не бывает свинки? Не знаю. В общем, у меня оказался корабль без экипажа.

Остались на ногах лишь телеграфист да второй инженер; но телеграфист с утра, еще до завтрака, напивался. Он, собственно, не был пьян — то ли голова у него была очень крепкая, то ли он цедил понемножку,— но, в общем, двигался он вполне прилично, даже когда не было гравитации (а ее не было почти все время, не считая маленьких поправок курса); но алкоголь сидел у него в глазах, в мозгу, и каждое распоряжение, каждый приказ нужно было неустанно контролировать. Я мечтал о том, как я его отколочу, когда мы приземлимся; на ракете я не мог себе этого позволить, да и вообще, как будешь бить пьяного?

В трезвом состоянии это был зауряднейший тип, опустившийся, неумытый, и у него была милая привычка ругать самыми мерзкими словами то одного, то другого при помощи азбуки Морзе. Ну да, сидит себе за столом в кают-компании и постукивает пальцем; его несколько раз чуть не избили, все ведь понимали морзянку, а припрешь его к стенке —он божится, что это у него такой тик. От нервов. Что это само собой получается. Я ему велел прижимать локти к бокам, так он вел передачу ногой или вилкой — художник был в своем роде.

Единственным вполне здоровым и нормальным человеком был инженер. Да, но оказалось, знаете ли, что он был инженером-дорожником. Нет, правда. С ним подписали контракт, потому что он согласился на половинный оклад, и агенту этого было вполне достаточно, а мне и в голову не пришло экзаменовать его, когда он явился на палубу. А агент только спросил его, разбирается ли он в машинах. Он ответил утвердительно, ведь он и вправду разбирался в машинах — в дорожных. Я велел ему нести вахту. Он планету от звезды не мог отличить. Теперь вы уже более или менее понимаете, каким образом Ле Манс делал большие дела. Правда, и я мог оказаться командиром подводной лодки, и, если бы пришлось, я, наверное, разыграл бы эту роль и заперся бы в своей каюте. Но я не мог этого сделать. Агент не был сумасшедшим. Он рассчитывал если не на мою лояльность, то на мой инстинкт самосохранения. Я ведь хотел вернуться на Землю; сотня тысяч тонн в пространстве ничего не весит, и если избавишься от груза, то скорость не увеличится ни на миллиметр в секунду, ну, а я был не таким уж строптивым, чтобы сделать это без толку.

Вообще-то мне и такие мысли приходили в голову, когда я по утрам таскал то одному, то другому вату, мази, бинты, спирт, аспирин; только и было у меня удовольствия, что эта книжка о любви в пространстве, среди метеоритных тайфунов. Я прочел некоторые абзацы по десять раз. Там были все ужасные происшествия, какие только возможно представить: электронные мозги бунтовали, у пиратских агентов передатчики были вмонтированы в черепа, красивая женщина происходила из другой солнечной системы; но о свинке я не нашел ни слова. Ясное дело — тем лучше для меня. Мне она и так надоела. Иногда мне даже казалось, что космонавтика — тоже.

В свободные минуты я старался выследить, где телеграфист прячет свои запасы. Не знаю, может, я его переоцениваю, но мне кажется, что он и вправду умышленно выдавал мне некоторые тайники, когда спиртное там подходило к концу, просто для того, чтобы я не пал духом и не махнул рукой на его пьянство. Потому что я и по сей день не знаю, где был его главный тайник. Может, телеграфист был так пропитан алкоголем, что основной запас носил прямо в себе? Ну, в общем, я искал, ползая по кораблю, как муха по потолку, плавал по корме, по центральной палубе и, как бывает во сне, чувствовал, что я один, как перст. Вся братия лежала с распухшими физиономиями в каютах, инженер торчал в рулевой рубке, изучая по лингафону французский язык; было тихо, как на зачумленном корабле, и лишь иногда по вентиляционным каналам доносилось рыдание или пение этого боливийского метиса. Под вечер его разбирало, он ощущал ужас бытия.

Со звездами я мало имел дела, если не считать той книжки. Некоторые куски я знал наизусть, к счастью, они уже улетучились у меня из головы. Я дождаться не мог, когда кончится эта свинка, потому что такая жизнь на манер Робинзона уж очень мне докучала. Инженера-дорожника я избегал, хотя по-своему это был довольно порядочный парень, и он поклялся мне, что если б не ужасные финансовые передряги, в которые его втянули жена с шурином, он нипочем не подписал бы контракта. Однако он был из тех людей, каких я терпеть не могу,— они все тебе выбалтывают, без всяких ограничений и тормозов. Не знаю, может, он только ко мне испытывал такое необыкновенное доверие, впрочем, вряд ли, потому что некоторые вещи мне бы просто и не выговорить, а он рассказывал все, я прямо корчился. К счастью, «Жемчужина ночи» была большая, двадцать восемь тысяч тонн весом, было где спрятаться.

Вы, наверное, догадываетесь, что это был мой первый и последний рейс для Ле Манса. С тех пор я уж больше не позволял себя так нахально надувать, хотя во всяких передрягах побывал. Я бы и не рассказывал об этом довольно конфузном все же куске моей биографии, если б он не был связан с той второй, несуществующей стороной космонавтики. Помните, я ведь предупредил вначале, что это будет история, словно из той книжки.

Метеоритное предупреждение мы получили поблизости от орбиты Венеры, но телеграфист спал, либо просто не принял его, в общем я лишь на следующее утро услышал эту новость в известиях, которые передавала космолокаторная станция Луны. Честно говоря, вначале мне это показалось совершенно неправдоподобным. Дракониды давно прошли, пространство было чистым, метеоритные рои вообще ходят регулярно; правда, Юпитер любит всякие штучки с пертурбациями, но на этот раз он не мог участвовать в затее — радиант был совсем другой. Предупреждение, впрочем, было лишь восьмой степени, пылевое, плотность роя очень небольшая, процент больших осколков ничтожный; ширина фронта, правда, значительная. Когда я посмотрел на карту, то понял, что мы торчим в этом так называемом рое уже добрый час, а то и два. Экраны были пусты. Я особенно не беспокоился. Непривычно прозвучало лишь второе сообщение, в полдень: дистанционные зонды установили, что это внесистемный рой!

Это был второй такой рой с тех пор, как существует космолокация. Метеоры — это осколки комет, и они ходят себе по удлиненным эллипсам, привязанные гравитацией к Солнцу, словно игрушки на нейлоновых шнурках. Рой же внесистемный, то есть входящий в нашу систему из Большой Галактики,—это сенсация, правда, больше для астрофизиков, чем для пилотов. Есть, конечно, и для нас разница, хоть вообще-то небольшая: в скорости. Внутрисистемный рой не может иметь большой скорости —не больше, чем параболическую либо эллиптическую. Зато рой, входящий в систему извне, может иметь и обычно имеет гиперболическую скорость. Но

практически получается так на так; поэтому возбуждение охватывает все же метеоритологов и астробаллистиков, а не нас.

Сообщение о том, что мы влезли в рой, не произвело на телеграфиста ни малейшего впечатления. Я сказал об этом, когда мы обедали, как всегда, включив двигатели на малую тягу: они давали поправку на курс, а тем временем даже слабое притяжение облегчало нам жизнь. Не надо было сосать суп через соломинку и впихивать себе пасту из баранины в рот, нажимая на тюбик. Я всегда был сторонником нормального человеческого питания.

Инженер зато очень испугался. То, что я говорил о рое, словно о летнем дождичке, он склонен был счесть признаком помешательства. Я ему кротко объяснил, что, во-первых, рой пылевой и сильно разреженный, и шансов столкнуться с осколком, который способен повредить корабль, меньше, чем шансов умереть от того, что тебе в театре свалится люстра на голову; во-вторых же, все равно ничего нельзя сделать, потому что «Жемчужина» не может провести маневр расхождения; в-третьих, курс наш по чистой случайности почти совпадает с траекторией роя,— значит, опасность столкновения уменьшается еще в несколько сот раз.

Что-то непохоже было, чтоб я его убедил, но мне уже надоела психотерапия, и я предпочел сосредоточить внимание на телеграфисте, то есть отрезать его хоть на несколько часов от запасов спиртного, потому что в конце-то концов в рое он был нужнее, чем вне его. Больше всего я боялся сигнала «О». Кораблей здесь было порядочно, мы уже пересекли орбиту Венеры, на этой территории было весьма оживленное движение, и не только грузовых ракет. Я сидел у рации, держа телеграфиста при себе, до шести часов палубного времени,— значит, прошло четыре часа в пассивном слушании, и, к счастью, обошлось без всяких тревожных сигналов.

Рой был так разрежен, что приходилось буквально часами вглядываться в радарные экраны, чтобы заметить какие-то почти неуловимые, микроскопические искорки, да и то я не мог бы поручиться, не были ли эти зеленые привиденьица просто обманом переутомленного зрения. Тем временем уже не только радиант, но и весь путь этого гиперболического роя, который даже имя успел получить — Канопийский (от звезд радианта), подсчитали на Луне и на Земле, и было известно, что он не достигнет орбиты Земли, обойдет ее стороной, покинет нашу систему вдалеке от больших планет и как появился, так и исчезнет в бездне Галактики, чтобы никогда уже к нам не вернуться.

Инженер-дорожник, продолжая тревожиться, то и дело заглядывал в радиорубку, а я выгонял его, требуя, чтобы он следил за рулями. Разумеется, это было чисто фиктивным заданием,— у нас не было тяги, а без тяги управлять нельзя, ну, а кроме того, он не смог бы выполнить и простейшего маневра, да я никогда ему этого бы и не доверил. Но я хотел его чем-нибудь занять, а себя избавить от бесконечных приставаний. А то он стремился выяснить, проходил ли я уже сквозь метеоритные слои, сколько раз, пережил ли в связи с этим катастрофы, серьезные ли, и какие шансы спастись в случае попадания... Вместо ответа я ему дал «Основы космолоции и космодромии» Краффта, инженер книгу взял, но, по-видимому, даже и не раскрывал ее,— он ведь жаждал излияний, а не сухой информации.

Все это происходило, напоминаю вам, на корабле, лишенном тяготения. В этих условиях движения людей, даже трезвых, довольно забавно изменяются,— всегда надо помнить о каком-нибудь поясе, о пристежке, иначе, нажав на карандаш при писании, рискуешь взлететь под потолок, а то и шишку себе набить.

У телеграфиста была своя система: он таскал в карманах массу всяких гирек, гаек, ключей, и когда оказывался в затруднительном положении, повиснув между потолком, полом и стенами, то просто лез в карман и швырял первый попавшийся предмет, чтобы плавно отлететь в противоположную сторону.

Способ этот был надежный и всегда подтверждал правильность ньютоновского принципа действия и противодействия, однако он доставлял мало удовольствия окружающим, потому что брошенные гирьки и гайки рикошетом отлетали от стен, и иной раз эти твердые штуки, которые могут весьма чувствительно стукнуть, подолгу носились в воздухе. Я говорю об этом, чтобы дополнить еще одним оттенком колорит нашего путешествия.

В пространстве тем временем шло усиленное движение; многие пассажирские корабли на всякий случай, в соответствии с правилами, изменяли трассы; Луне было с ними немало возни, автоматические передатчики, которые морзянкой передают орбитальные и курсовые поправки, вычисленные в больших стационарных калькуляторах, без устали строчили сериями сигналов в таком темпе, что на слух не воспримешь. Да и фония была переполнена голосами — пассажиры за бешеные деньги сообщали встревоженным родственникам, что отлично себя чувствуют и никакой опасности нет; Луна-астрофизическая передавала текущие сообщения о зонах сгущения в метеоритном рое, о результатах спектрального анализа его состава — словом, программа была разнообразная и скучать у репродуктора особенно не приходилось.

Мои космонавты со свинкой, уже узнавшие, разумеется, о гиперболическом рое, то и дело звонили в радиорубку, пока я не отключил их аппараты, пояснив, что опасность, а тем более пробоину и потерю герметичности они легко распознают по отсутствию воздуха.

Часов в одиннадцать я пошел перекусить в кают-компанию; телеграфист, который, кажется, только этого и ждал, исчез, будто растаял, а я слишком устал, чтобы не то что его искать, но даже думать о нем. Инженер отбыл вахту; он уже немного успокоился и опять жаловался в основном на шурина, а уходя к себе (зевал он, как кит), сказал мне, что левый экран радара, должно быть, испортился: там в одном месте какая-то зеленая искра. Сообщив это, он ушел, а я прикончил говяжью пасту из тюбика и вдруг, не успев прожевать последнюю выдавленную порцию, окаменел.

Инженер разбирался в показаниях радара, как я в асфальте. Этот «испорченный» экран...

В следующее мгновение я мчался в рулевую рубку. Это так говорится, а на деле я двигался лишь с той скоростью, какая возможна, если ускорение получаешь, только хватаясь за что-нибудь руками, либо отталкиваясь ногами от выступов стен или потолка. Рулевая, когда я наконец до нее добрался, казалась словно остывшей, огни на пультах погасли, контрольные сигналы реактора еле мерцали, как сонные светлячки, и только по экранам радаров неустанно вращались водящие лучи; а я уже с порога смотрел на левый экран.

В верхнем правом его квадрате светилась неподвижная точка; собственно, как я видел вблизи, пятнышко величиной с мелкую монету, чечевицеобразно сплюснутое, идеально правильное по форме, светящееся зеленым фосфорическим светом, как маленькая, лишь с виду неподвижная рыбка в океане пустоты. Если б это увидел нормальный вахтенный, но не теперь, а полчаса назад, он включил бы автоматический позиционный передатчик, известил бы командира, запросил бы у того корабля данные о курсе и назначении, но у меня не было вахтенных, я опоздал на полчаса, я был один, так что делал, ей-богу, все сразу: затребовал данные у того корабля, включил позиционные огни, передатчик, начал разогревать реактор, чтобы в любой момент можно было включить тягу (реактор был холодный, словно давным-давно окоченевший покойник). Проходили минуты, я успел уже пустить в ход подручный полуавтоматический калькулятор, оказалось, что курс того корабля почти совпадает с нашим, разница была в долях секунды, вероятность столкновения, в пустоте и без того исчезающе малая, практически равнялась нулю.

Вот только корабль этот молчал. Я пересел на другое кресло и начал сверкать на него морзянкой из палубного лазера. Он находился за нами, на расстоянии около девятисот километров,— значит, невероятно близко,— и я уж, по правде говоря, видел себя на суде в Космическом Трибунале (конечно, не за «доведение до катастрофы», а просто за нарушение восьмого параграфа Кодекса космолоции, именуемого ОС — «опасное сближение»). Думаю, что и слепой увидел бы мои световые сигналы.

Корабль этот вообще так упорно торчал у меня в радаре и все не оставлял в покое «Жемчужину», а, наоборот, даже понемногу к ней приближался, лишь потому, что мы с ним имели сближенные курсы. Это были почти параллельные трассы; он передвигался уже по краю квадрата, потому что шел быстрее. На глаз я оценил его скорость как гиперболическую; действительно, два замера на десятисекундном расстоянии показали, что он делает девяносто километров в секунду. А мы делали от силы сорок пять!

Корабль не отвечал и приближался; он выглядел уже внушительно, даже слишком внушительно. Светящаяся зеленая линза в боковом аспекте, острое веретенце... Я глянул на радарный дальномер,— уж очень что-то вырос этот корабль. Оказалось, четыреста километров. Я заморгал, не веря глазам: с такого расстояния любой корабль выглядит, как запятая. «Эх, чтоб ей, этой «Жемчужине ночи»!— подумал я.— Все здесь не как положено». Я перевел изображение на маленький подручный радар с направленной антенной. Корабль выглядел все так же. Я обалдел. «Может, это,— вдруг пришло мне в голову,— такой же «поезд Ле Манса», как тот, на котором машинистом я? Штук этак сорок ракетных остовов, один за другим, отсюда и размер... Но почему он такой веретенообразный?»

Радароскопы работали, автоматический дальномер отстукивал да отстукивал: триста километров... двести шестьдесят... двести...

Я начал еще раз пересчитывать курсы на приборе Гаррельсбергера, потому что это уже попахивало опасным сближением. Известно, что с тех пор, как на море начали применять радар, все почувствовали себя в безопасности, а суда продолжают тонуть. И опять у меня получилось, что он пройдет у меня под носом на расстоянии этак тридцати — сорока километров. Я проверил оба передатчика: автомат, действующий на радиоволнах, и лазерный. Оба они работали, но чужой корабль молчал.

До тех пор у меня все еще были угрызения совести: ведь я некоторое время летел вслепую, пока инженер рассказывал мне о своем шурине и желал спокойной ночи, а я поглощал говядину, но теперь у меня будто пелена с глаз спала. Проникнувшись искренним возмущением, я уже видел истинного виновника в этом глухом, молчаливом корабле, который пер себе на гиперболической через сектор и не изволил даже отвечать на прямые настойчивые обращения!

Я включил фонию и начал его вызывать. Я требовал всякую всячину: чтобы он зажег позиционные огни и пустил сигнальные ракеты, чтобы сообщил свое название, место назначения, фамилию арматора,— все, конечно, в условных сокращениях; а он летел себе спокойно, тихо, ни на йоту не меняя ни скорости, ни курса, и был уже всего в восьмидесяти километрах от меня.

Пока он держался по бакборту, но все заметней обгонял меня: ведь он шел вдвое быстрее. И я знал, что, поскольку при подсчетах на калькуляторе не принималась во внимание угловая поправка, мы при расхождении окажемся еще ближе, чем вычислено: менее чем в тридцати километрах наверняка, а чего доброго, и в двадцати. Мне следовало тормозить, потому что нельзя допускать такого сближения, но я не мог. За мной ведь тянулось сто с чем-то тысяч тонн этих ракетных трупов; сначала мне пришлось бы отцепить всю эту рухлядь, сам я с этим не справился бы, а экипаж думал о свинке,— о торможении, значит, нечего, было и думать. Тут могла бы пригодиться скорее философия, чем космодромия; стоицизм, фатализм; а если калькулятор уже совсем заврался, то, пожалуй, начатки эсхатологии.

Когда между нами было всего двадцать два километра, тот корабль уже явно начал

обгонять «Жемчужину». Я знал, что теперь расстояние будет все возрастать, так что все было вроде в порядке; до тех пор я смотрел только на дальномер, потому что его показания были самыми важными, и лишь теперь снова глянул на радароскоп.

Это был не корабль, а летящий остров, вообще неизвестно что. На расстоянии двадцати километров он был величиной больше, чем с мою ладонь; идеально правильное веретено превратилось в диск, нет, в кольцо!

Ясное дело, вы уж давно подумали, что это был корабль «иной цивилизации»,— ну, поскольку он был длиной в десять миль... Легко сказать, но кто же верит в корабли «иных цивилизаций»? Первым моим побуждением было догнать его. Нет, правда! Я схватился за рычаг главной тяги, но не шевельнул его. У меня за кормой были ракеты на буксире; ничего бы из этого не вышло. Я вскочил с кресла и через узкую шахту пробрался в маленькую астрономическую каюту, вмонтированную в броню, как раз над рулевой рубкой. Там, прямо под рукой, было все, что мне нужно: бинокль и ракеты. Я пустил три, одну за другой, примерно по курсу этого корабля и, как только вспыхнула первая, начал его искать. Он был большой, как остров, но я его не сразу разглядел — ракета попала в поле зрения, и блеск ее ослепил меня, пришлось выжидать, пока я смогу видеть. Вторая ракета вспыхнула далеко в стороне, и это мне ничего не дало; только третья зажглась над кораблем. В ее неподвижном, очень белом свете я его наконец увидел.

Смотрел я на него не больше чем пятьшесть секунд, ракета вдруг, как это иной раз случается, вспыхнула ярче и погасла. Но за эти мгновения я разглядел сквозь ночные, восьмидесятикратно увеличивающие стекла довольно слабо, призрачно освещенное с высоты темное металлическое тело: я видел его будто с расстояния нескольких сот метров. Корабль еле помещался в моем поле зрения; в самом его центре ярко мерцало несколько звезд, словно там он был прозрачным, как пустой туннель, отлитый из темной стали и летящий в пространстве. Но в последней яркой вспышке ракеты я успел заметить: это нечто вроде сплюснутого цилиндра, свернутого, как очень толстая автомобильная шина; я мог смотреть сквозь его пустой центр, хотя он и не находился на оси зрения; этот колосс был повернут углом к линии моего взгляда, словно стакан, который слегка наклонили, чтобы медленно выливать из него жидкость.

Ясное дело, я тогда вовсе не пытался анализировать то, что увидел, а сейчас же принялся пускать еще ракеты; две не зажглись, третья почти сразу погасла, при свете четвертой и пятой я его увидел — в последний раз. Ведь теперь, пересекши курсовую линию «Жемчужины», он удалялся все быстрее; он находился уже в ста, в двухстах, в трехстах километрах от меня, и визуальное наблюдение стало невозможным.

Я немедленно вернулся в рулевую рубку, чтобы как следует установить элементы его движения; я собирался, сделав это, поднять на всех диапазонах такую тревогу, какой еще не знала космология; я уже представлял себе, как по начертанному мною маршруту ринутся стаи ракет, чтобы догнать этого гостя из бездны.

Собственно, я был уверен, что он входил в состав гиперболического роя. Глаз в известных обстоятельствах уподобляется фотообъективу, и образ, хоть на долю секунды представший в ярком свете, можно потом еще некоторое время не только вспоминать, но и весьма детально анализировать, будто вы все еще видите его. А я увидел в этой предсмертной вспышке ракеты поверхность гиганта; она была не гладкая, а изрытая, почти как лунная почва, свет растекался по неровностям, буграм, кратерообразным впадинам; он, должно быть, летел вот так уже миллионы лет, входил, темный и мертвый, в пылевые туманности, выходил из них спустя столетия, а метеоритная пыль в десятках тысяч столкновений грызла его, пожирала пустотной эрозией. Не могу объяснить, откуда взялась у меня эта уверенность, но я знал, что на этом корабле нет ни живой души, что катастрофа с ним произошла миллионы лет назад и, может, не существует и цивилизация, выславшая его!

Думая обо всем этом, я в то же время на всякий случай, для предельной точности, в четвертый, пятый, шестой раз рассчитывал элементы его движения и результат за результатом, нажав клавишу, посылал в записывающее устройство, потому что мне была дорога каждая секунда: он уже выглядел на экране как зеленая фосфорическая запятая, сверкал, как неподвижный светлячок, в крайнем секторе правого экрана — за две, за три тысячи, за шесть тысяч километров от меня.

Когда я окончил расчеты, он уже исчез. Но мне-то что! Он был мертв, не мог маневрировать, а значит, не мог никуда удрать, не мог спрятаться; правда, он летел на гиперболической скорости, но его легко мог догнать любой корабль с мощным реактором, а элементы его движения я рассчитал с такой точностью...

Я открыл кассету записывающего устройства, чтобы вынуть ленту и пойти с ней на радиостанцию, и застыл, внезапно обалдевший, уничтоженный...

Металлический барабан был пуст; лента давно уже, может, несколько дней тому назад кончилась, новой никто не вложил, и я посылал все результаты вычислений в пустоту; они все до одного пропали; не было ни корабля, ни его следа — ничего...

Я ринулся к экранам, потом, право же, хотел отцепить этот мой проклятый балласт, выбросить эти лемансовские сокровища и пуститься — куда? Сам толком не знал. Конечно, в направлении, ну, примерно на созвездие Водолея, но что же это за цель!.. А может, всетаки? Если я сообщу по радио сектор в приближении, а также скорость...

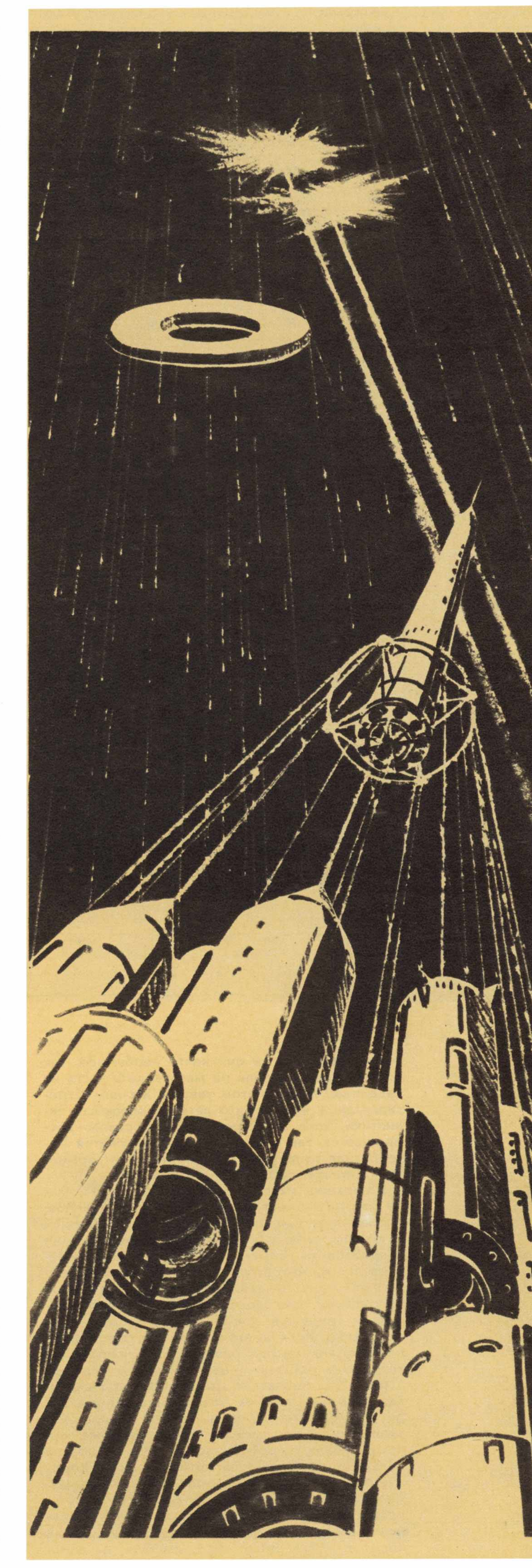
Это следовало сделать. Это было моей обязанностью, самой важной из всех, если у меня вообще имелись еще какие-нибудь обязанности.

Я поднялся лифтом в центральную часть корабля, на радиостанцию, и уже установил было очередность действий: вызывной сигнал Луне Главной с требованием права первенства для последующих моих сообщений, поскольку речь идет об информации величайшей важности,— эти сообщения, по-видимому, будет принимать не автомат, а дежурный координатор Луны. Затем я дам отчет об обнаружении чужого корабля, который пересек мой курс на гиперболической скорости и, вероятно, входил в состав метеоритного роя.

От меня немедленно потребуют расчет элементов его движения. Мне придется ответить, что расчеты я произвел, но у меня их нет, потому что на барабане записывающего устройства вследствие недосмотра не было ленты. Тогда потребуют, чтобы я сообщил имя пилота, который первый заметил этот корабль. Но я и этого не смогу сообщить, потому что вахту нес инженер-дорожник, а не космонавт; затем, если все это не покажется слишком подозрительным, меня спросят, почему я не поручил радисту систематически передавать данные по ходу расчетов; а я должен буду объяснить, что радист не работал, потому что был пьян. Если со мной после этого вообще захотят еще разговаривать на расстоянии трехсот шестидесяти восьми миллионов километров, которые нас разделяют, то поинтересуются, почему кто-либо из пилотов не заменил радиста; тогда я отвечу, что весь экипаж болен свинкой.

Если мой собеседник до этого еще будет питать какие-то иллюзии, тут уж он уверится, что человек, который средь ночи морочит ему голову насчет «чужого» корабля, либо не в своем уме, либо пьян. Он спросит, зафиксировал ли я как-нибудь изображение этого корабля, фотографируя его в свете ракет либо записывая показания радара на ферроленте, или по крайней мере регистрировал ли я все запросы, с которыми обращался к нему по радио. Но у меня не было ничего, совсем ничего, я слишком спешил, я не думал, что снимки понадобятся, поскольку вскоре земные корабли ринутся к необычайной цели, и не включил записывающие устройства.

Тогда координатор сделает то, что я и сам сделал бы на его месте: велит мне отключиться и запросит все корабли в моем секто-

År 1906 108

Dossier n:o 241

Inkom på kallelse d. 26/4-06 kl. 10 f. m.

Införd d. / kl. af

Ankom anhållen d. 23/4-06 kl. 9 f. m. med Bore I

Tillnamn: Petroff

Förnamn: Ivan Fedorowitsch

Yrke:

Född d.

Visiterad med eget medgifvande af:

Innehade: 60 à 70 rubel, utan pass och papper.

Kommissarie:

Öfverkonstapel:

Detektivkonstap

Häktad d. / kl.

Kallad till P. K. d. / kl.

Lemnade stationen d. / kl.

Rekv. af Uppgift fr. vederb. presterskap d. /

» » Utdrag af Straffregistret d. /

Förekommer i P. U.

Anmärkningar:

Anmälan n:o

Rapport d. /

Notis till P. U. d. /

Petroff

РАССЕКРЕЧЕННОЕ ДОСЬЕ

Этому документу — 59 лет. Он хранился на правах секретного дела в архивах полицейского управления города Стокгольма.

По истечении срока засекреченности полицейские власти разрешили его опубликовать. Это было приурочено к моменту открытия в Королевской библиотеке Стокгольма выставки материалов о пребывании В. И. Ленина в Швеции.

...Апрель 1906 года. В Стокгольме созывается IV (Объединительный) съезд РСДРП. Делегаты со всех концов России нелегальными путями добираются до Финляндии, а затем из Або на пароходах приезжают в шведскую столицу. Стокгольмская полиция устанавливает наблюдение за приезжающими.

Агенты полиции, в частности, уделили большое внимание делегату съезда, назвавшемуся Иваном Федоровичем Петровым, и завели на него досье № 241.

Впрочем, обратимся к самому документу. На первом листе читаем:

«1906 год. Досье № 241.

Вызван в полицию: 26.4.06 в 10 часов утра.

Прибыл (в Стокгольм): 23.4.06 пароходом «Буре 1».

Фамилия: Петров.

Имя, отчество: Иван Федорович.

Профессия: Публицист, пишет статьи, главным образом в небольших газетах Петербурга и Москвы.

Год и место рождения: Первого седьмого месяца 1871 года, в Москве, сын купца Федора Петрова и его супруги Анны Семеновны. Не женат. Постоянное жительство — Москва, Бронная, 5, второй этаж, где снимает комнату. В Стокгольме остановился в гостинице «Бристоль» на Клара Эстрачуркугатан.

Другие сведения: При себе имеет 60—70 рублей, без паспорта и без оружия».

За этими общими данными на втором листе протокола следует заключение полиции:

«Петров. Политический эмигрант, по политическим взглядам социал-демократ, выступал в Москве за предоставление свободы печати и собраний и вообще за социалистические взгляды, а также, как было замечено, писал в небольших народных изданиях статьи социалистического содержания. Разыскивался полицией в Москве, которая произвела у него на квартире обыск, но ничего не обнаружила, так как он знал о том, что его разыскивают. Если бы его удалось задержать, то его, наверное, сослали бы в Сибирь. Ввиду этого он и сбежал, выехав по железной дороге в Петербург, затем в Финляндию и через Або в Стокгольм.

Ни денег, ни иной помощи от финских социал-демократов не получил. Намерен остаться здесь 2—3 недели, чтобы потом переехать в Швейцарию (в какой город, не знает)».

В протоколе, подписанном полицейскими агентами Адольфсоном и Энгстремом (без переводчика), занесены также внешние приметы Петрова:

«Среднего роста, крепкого сложения, карие глаза, темноватые волосы, прямой нос, темная бородка, усы, лысоват, зимнее темно-серое пальто с пуговицами на одной стороне, темный пиджак и черная мягкая шляпа».

Представители полицейских властей, передавая документ в Королевскую библиотеку Стокгольма, заметили, что досье № 241 было заведено на Ленина в связи с его приездом в апреле 1906 года для участия в съезде РСДРП.

Позднее на пресс-конференции для шведских и иностранных корреспондентов директор Королевской библиотеки доктор Уно Виллерс представил документ, как относящийся к Ленину.

После этого документ стал фигурировать в шведской печати, как «протокол допроса Ленина в 1906 году в Стокгольме».

Однако здесь произошла ошибка, исходящая, возможно, от полицейских представителей.

На основании материалов, имеющихся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, установлено, что досье № 241 было заведено на настоящего Петрова, реально существовавшего делегата. Ленин был на съезде под своей фамилией.

Документ свидетельствует о том, что стокгольмская полиция вела постоянные наблюдения за деятелями русского рабочего движения, приезжавшими в Швецию, уделяя при этом особое внимание В. И. Ленину. Нет сомнения, что в архивах стокгольмской полиции имеется еще не один десяток досье на русских политических деятелей, боровшихся с царизмом.

Илья МОКРЕЦОВ

ре, не заметили ли они нечто необычное. Так вот, ни один корабль не мог увидеть гостя из Галактики, я был в этом уверен. Я с ним встретился лишь потому, что летел в плоскости эклиптики, хотя это строжайшим образом воспрещается, так как здесь всегда кружится метеоритная пыль, осколки перемолотых временем метеоритов или кометных хвостов.

Я нарушил это запрещение, потому что иначе мне не хватило бы горючего для маневров, долженствующих обогатить Ле Манса сотней с лишним тонн ракетного лома. Значит, мне следовало бы сразу предупредить координатора Луны, что встреча произошла в запрещенной зоне, а это повлекло бы за собой неприятный разговор в Дисциплинарной комиссии Трибунала космического флота.

Конечно, поимка этого корабля стоила куда больше, чем любой разговор в Комиссии, да хотя бы и наказание, но только при условии, что его действительно догонят. А вот это-то и казалось мне совсем безнадежным делом. Я должен был потребовать, чтобы в плоскость эклиптики, в угрожаемую зону, к тому же еще посещенную гиперболическим роем, бросили целую флотилию кораблей на розыски. Координатор Луны не имел права этого сделать, даже если б захотел; если б он стену лбом прошибал и до утра вызывал Коснав, Международную комиссию по делам исследований космоса и черт знает кого там еще, начались бы заседания и совещания, и, если б они проходили в молниеносном темпе, то через каких-нибудь три недели было бы вынесено решение. Но (это я рассчитал еще в лифте, у меня в ту ночь мысль работала действительно с необычайной быстротой) чужой корабль окажется к тому времени в ста девяноста миллионах километров от места нашей встречи, а значит, за Солнцем, мимо которого он пройдет достаточно близко, чтобы оно отклонило его траекторию,— и пространство, в котором придется его искать, будет размером более десяти миллиардов кубических километров. А то и двадцати!

Так все это выглядело, когда я добрался до радиостанции. Я уселся там и попробовал еще оценить по достоинству, каковы шансы увидеть этот корабль при помощи большого радиотелескопа Луны, самой мощной радиоастрономической установки во всей системе. Но Земля с Луной находились как раз на противоположной стороне орбиты по отношению ко мне, а значит, и к этому кораблю. Радиотелескоп Луны был очень мощный, но все же не настолько, чтобы на расстоянии в четыреста миллионов километров разглядеть тело размером в несколько километров.

На этом вся история и кончилась. Я порвал листки с расчетами, встал и тихонько двинулся в свою каюту с чувством, что совершил преступление. К нам прибыл гость из космоса — посещение, которое случается — я почем знаю? — раз в миллионы, да нет, в сотни миллионов лет. И из-за свинки, из-за Ле Манса с его затеями, из-за пьяного метиса, из-за инженера с его шурином, из-за моей небрежности он ускользнул у нас из-под носа, чтобы растаять, как призрак, в беспредельном пространстве.

С той ночи я жил в каком-то странном напряжении целых двенадцать недель. За это время мертвый корабль должен был войти в зону больших планет и навсегда исчезнуть для нас. Я просиживал на радиостанции все мало-мальски свободное время, питая постепенно слабеющую надежду, что все же кто-нибудь его заметит, кто-нибудь более сообразительный или попросту более счастливый, чем я; но ничего такого не произошло.

Разумеется, я никому об этом не говорил. Человечеству не часто подвертываются такие случаи. Я чувствую себя виновным не только перед человечеством, но и перед той, другой цивилизацией; и мне не суждена даже слава Герострата, потому что теперь, через столько лет, никто уж мне, к счастью, не поверит. Да я и сам-то иной раз сомневаюсь: может, ничего и не было, кроме этой холодной, неудобоваримой говядины.

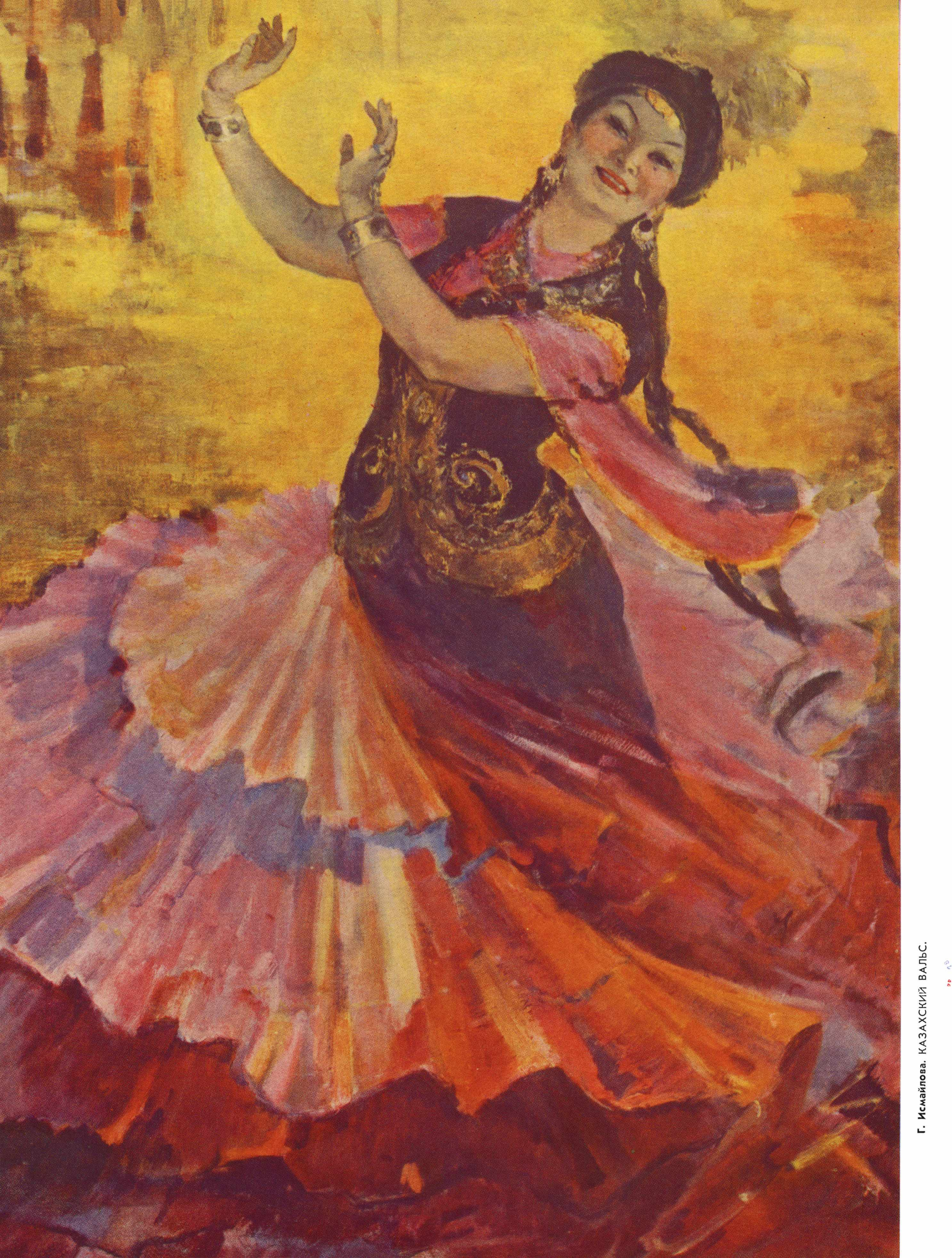
Перевела с польского Ариадна ГРОМОВА.

А. Степанов. В ПОЛЕТЕ.

К. Шаяхметов. НА ТОЙ ЧАБАНОВ.

Г. Исмайлова. КАЗАХСКИЙ ВАЛЬС.

ПРИРУЧЕНИЕ ТЕХНЕЦИЯ

Предсказал существование этого загадочного элемента Дмитрий Иванович Менделеев. Он назвал его экамарганцем. Для нового элемента в периодической системе было забронировано место. Долгие годы место оставалось свободным. Многие ученые искали таинственный элемент. Несколько раз мир облетала стремительная весть: экамарганец найден! Но после детальной проверки оказывалось, что очередная сенсация — ошибка. В 1925 году немецкие исследователи Ноддак, Таке и Берг сделали химический анализ многих руд и минералов. В поисках экамарганца они нашли рений — элемент, поразительно похожий на экамарганец.

Искали и молодые итальянцы Эмилио Сегре и Карло Перье. Металлическую пластинку из молибдена они подвергли бомбардировке ядрами тяжелого водорода. Некоторые из атомов превратились в атомы другого элемента, проявляющего радиоактивные свойства. Какого? Экамарганца! Да, наконец-то есть настоящий экамарганец. Новорожденному дали новое имя — технеций, от греческого слова «технетос», что означает «искусственный». Почему искусственный? Оказывается, усилия ученых найти экамарганец были до сих пор бесплодными просто потому, что экамарганца нет сейчас на Земле. Вероятно, он когда-то существовал на нашей планете, но это было миллиарды лет назад. За это время он распался, подобно тому, как с течением времени загнивают и распадаются останки животных и растений, погребенные под слоем почвы.

Итак, технеций получен. А что дальше? Можно ли ему дать работу? Чтобы найти ответ на этот вопрос, мы обратились в одну из лабораторий Института физической химии Академии наук СССР.

Долго технецию не могли найти дела. Но совсем недавно оно нашлось. Да еще какое! Защищать металл от ржавчины.

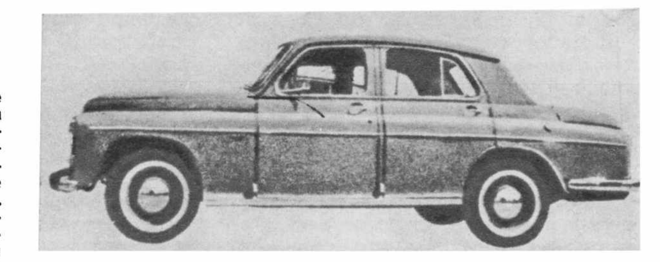
В Институте физической химии демонстрируют опыт. В стакан с водой опускают железную пластинку. Через день пластинка покрывается ржавчиной. В воду добавляют несколько капель разбавленного раствора технеция. И происходит чудо! Железная пластинка не ржавеет. Проходит десять дней, а пластинка такая же блестящая, какой и была. Оказывается, соединения технеция с кислородом защищают металл. Ионы этой окиси плотной кольчугой покрывают его поверхность: ржавчина бессильна.

Это лишь первые работы ученых по приручению технеция. Впереди еще много поисков и открытий.

•

ЕЩЕ ОДНА ПРОФЕССИЯ ВЗРЫВА

Все знают, что взрыв — отличный работник при строительстве плотин, проходке тоннелей. Исследователи Волгоградского политехнического института обнаружили у взрыва способность упрочнять металл. С увеличением силы взрыва увеличивается и прочность. Но до определенного предела. Резкое смещение молекул вызывает интенсивное тепловыделение, прочность понижается.

«ВАРШАВА-203»

«Варшава-203» — новая модель, выпущенная жерандским автомобильным заводом в Польше.

Машина красива, элегантна. У нее гидравлические тормоза и каучуковые амортизаторы на передних и задних буферах. Мотор машины четырехцилиндровый, позволяющий развивать скорость 130 километров в час. Старые модели автомашин «Варшава» обладали меньшей скоростью.

•

ВКУСНЫЙ ХЛЕБ

Изобретатель инженер-химик А. Н. Ильин предложил новый способ приготовления дрожжевого теста. В основе этого способа лежит не брожение, как было всегда, а дыхание дрожжевых клеток.

Для активации прессованных дрожжей Ильин использовал турбину, вращающуюся со скоростью 1 500 оборотов в минуту. При этом масса дрожжей вспенивается, образуя опару. Для разрыхления теста автор сконструировал еще одну интересную установку, с помощью которой тесто подвергается вспениванию воздухом и углекислым газом.

Новый способ прост, экономичен, тесто приготовляется в несколько раз быстрее, потери муки резко сокращаются, выпеченный хлеб получается вкусным.

•

БОГАТСТВА ПОСЕЙДОНА

Сколько рыбы плавает в океанах земного шара? Услышать точный ответ на этот вопрос невозможно. Мнения ученых расходятся. Но спор так или иначе идет в области астрономических цифр. Рыбы в океанах от 230 до 500 миллионов тонн! А если учесть количество кальмаров, китов, то цифра будет колебаться около 1 миллиарда тонн.

Мировой океан условно разбит на три группы районов: высокопродуктивный, среднепродуктивный, малопродуктивный. Высокопродуктивными являются умеренные области обоих полушарий.

А растительность океана? Ее количество, по мнению члена-корреспондента АН СССР В. Г. Богорова, превышает по тоннажу животный мир примерно в 10 раз! Причина в том, что океан богат одноклеточными водорослями, которые быстро размножаются.

•

КУРСКИЙ ЛАВСАН И ХИРУРГИЯ

Наложен последний стежок. Хирург с облегчением вздохнул. Но успокаиваться еще рано. Каков будет послеоперационный период? Как пойдет заживление раны? Какой окажется реакция ткани на инородное тело — шовный материал?

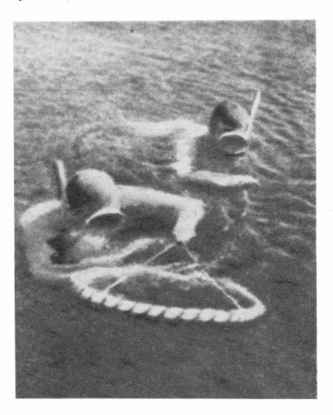
Во время операции нет мелочей. И не последнее значение приобретает материал для шва. Употребляемый обычно английский шелк непрочен, скользок, что вызывает значительные неудобства при завязывании узлов, да и стерилизация самого материала требует тщательности при большой затрате времени.

Ленинградский изобретатель Лев Львович Плоткин предложил изготавливать хирургический шовный материал из курского лавсана серийного производства. Он обладает значительной прочностью, во время завязывания хирургических узлов не скручивается и не скользит. Материал хорошо стерилизуется и может очень долго храниться. Испытания, проводившиеся в ряде клиник Ленинграда, подтвердили высокое качество нового хирургического материала.

•

ДЛЯ ПОДВОДНЫХ ПОИСКОВ

В Венгерской Народной Республике успешно прошел испытания новый прибор — электронный детектор для отыскивания металлических предметов под водой и в болотах. Прибор найдет применение при поиске затонувших судов или других металлических предметов на дне рек, озер и морей.

•

НАХОДКА В САЯНАХ

Летом этого года известный советский палеонтолог член-корреспондент АН СССР А. Г. Вологдин побывал в гостях у геологов Восточно-Сибирского нефтеразведочного треста. Здесь ему показали несколько твердых черепков, напоминающих осколки разбитого кувшина. Изучение черепков показало, что геологам посчастливилось найти остатки древних организмов, обладавших некогда твердым панцирем. В предгорья Восточных Саян немедленно снарядили экспедицию. На склоне высокой горы, обращенной к реке Ие, были найдены остатки древних животных, напоминающих ящериц длиною в полметра. Есть предположения, что это группа ископаемых животных, неизвестных до сих пор исследователям.

ПОДЗЕМНЫЙ СЕМАФОР

Прямая черта, выложенная прямо на мостовой, внезапно вспыхивает изумрудным светом: путь для пешеходов открыт. Светящиеся «изумруды» переведут человека на другую сторону улицы.

А через минуту подземный семафор уже искрится рубиновыми огнями: очередь за транспортом. Необычный семафор изобретен во Франции. Сейчас он проходит испытания.

•

ПРОТИВ ОБЛЕДЕНЕНИЯ

Даже ледоколу бывает трудно пробиться сквозь льды Арктики. Подчас из-за того, что к корпусу налипает масса снега и льда, останавливаются самые мощные ледоколы. Правда, современной технике известны некоторые способы освобождения обшивки судна от обледенений, и среди них пневмогидравлические устройства, разрушающие и режущие лед мощной воздушной или водяной струей. Но это не дает достаточного эффекта.

Гидроомывающее устройство изобретателей М. А. Игнатьева и И. И. Познякова не только освобождает корпус ледокола от льда и снега, но и, работая как своеобразный реактивный двигатель, увеличивает его ледопроходимость и повышает маневренность. При работе омывающего устройства ледокол может продвигаться вперед малым ходом даже при остановленных гребных винтах.

Конструкция прибора проста и остроумна. Струи воды из специально направленных сопел, расположенных ниже ватерлинии, с большой силой выбрасываются в направлении, обратном движению ледокола. Благодаря этому корпус судна освобождается от обледенения и, как бы опираясь на реактивные струи, двигатели получают дополнительную силу.

•

КОГДА ОТКРЫЛИ ЯЗЫК ПЧЕЛ!

До сих пор считалось, что язык пчел открыт немецким зоологом, профессором Карлом фон Фришем. Теперь гамбургский еженедельник «Ди цайт» сообщает, что это открытие сделано за триста лет до наших дней в Англии садовником короля Карла II — Джоном Эвелином. Библиотекарь в старой книге XVII века случайно нашла такую фразу: «Кажется, как будто пчелы говорят друг с другом при помощи разных танцевальных движений».

•

ЛИСТЬЯ-ДОНОРЫ

На берегу озера растет стройная ива. Осенью пришли люди, аккуратно нарезали черенки, чтобы будущей весной на аллеях городского парка зазеленели молодые деревца. Однако деревца принялись не все. Часть из них так и погибла, не дав побегов. А ведь черенки были одинаковые. Почему одни принялись, а другие нет?

Ботаники заинтересовались этим вопросом. И выяснили, что виноваты в этом листья. Сотрудники Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева провели опыты, которые подтвердили мысль о том, что листья черенков выполняют функцию доноров, в листьях образуются стимулирующие и питательные вещества. Больше всего их накапливается в мае и июне. Удаление листьев у черенков в этот период приводит к резкому уменьшению корневой системы. А вот у черенков, высаженных осенью, нужно, наоборот, обрывать листья. Осенью в листьях питательные вещества иссякают и вместо них образуются яды, тормозящие развитие корней.

•

СМОЛА ИЗ СЕНА

При упоминании об искусственных смолах невольно возникает мысль, что сырьем для их изготовления могут служить различные газы, нефтепродукты... Оказывается, что для получения смолы можно использовать самое разнообразное сырье, содержащее углеводы. Об этом свидетельствует патент, полученный фирмой «Кронинг и К°» (Федеративная Республика Германии).

Сырьем для получения смол служит дерево, мякина, солома, бумага, картофельная ботва, сено, сосновые иглы и другие материалы — в основном отходы сельского и лесного хозяйства. Сырье обрабатывают водными растворами минеральных кислот и спирта. После выделения смолы спирты и кислоты снова возвращаются в производство.

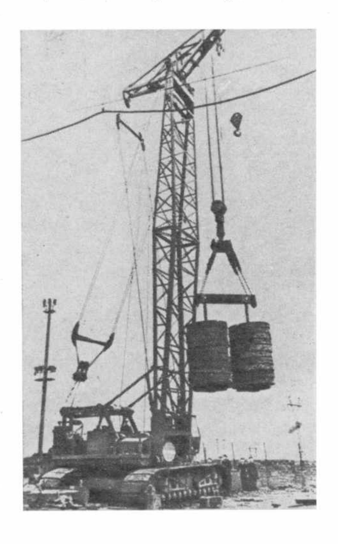

КРАН-БОГАТЫРЬ

Этот кран предназначен для монтажа таких сооружений, как мощные ТЭЦ и ГРЭС.

Стальной богатырь может обеспечить подъем грузов весом 40 тонн на высоту 80 метров, а грузы весом до 100 тонн — на высоту 20 метров. К его положительным особенностям следует отнести сравнительно небольшой собственный вес, малое удельное давление на грунт, наличие сменного башенно-стрелкового оборудования и малых монтажных скоростей подъема и опускания груза.

Сейчас мощный кран, созданный ЦКБ Минмонтажспецстроя, успешно прошел испытания на Зуевском литейно-механическом заводе в городе Зугрэсе, Донецкой области, и рекомендован для серийного производства.

ПЕРВЫЙ ВЕК ТИМИРЯЗЕВКИ

Начало на стр. 1.

«Наука и демократия — сим победишь» — девиз любимейшего профессора Тимирязевки. Современники писали о Тимирязеве, что он сам, как и горячо любимые им растения, всю жизнь стремился к свету истины, добра и красоты. Старый профессор одним из первых среди интеллигенции радостно встретил Великий Октябрь.

«Научная мысль, проникающая во все сферы знания, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАВДЫ в жизни, культ природы, как высшего источника эстетического наслаждения,— не те ли это реальные формы, в которые вольется вечная триада — ИСТИНЫ, ДОБРА и КРАСОТЫ»,— утверждал человек, давший имя старой Петровке.

Профессор А. Ф. Фортунатов, восторженный певец академии, писал в своих виршах, ставших гимном Петровки:

В ровеснике общественной реформы
Казенщины не видно никакой...

Казенщине — и в науке и в общественной жизни — Петровская земледельческая и лесная академия была чужда с самого дня рождения. Впоследствии опальный профессор А. Г. Дояренко так объяснял свое появление в Петровско-Разумовском: «Помимо того, что было заманчиво продолжать свое образование в старейшей агрономической школе, меня к ней привлекала и яркая история самой вольной школы в России». А ведь ко времени поступления в Петровку А. Г. Дояренко уже окончил два факультета Петербургского университета и консерваторию по классу композиции у Римского-Корсакова!..

Во время революционных волнений 1890 года многие студенты были арестованы, а их товарищи в знак протеста отказались посещать лекции. Тогда-то К. А. Тимирязев спросил: где же следует читать лекции — в Бутырской тюрьме, куда упрятали большинство студентов, или в аудиториях, где почти не было слушателей?.. Несколько раз закрывали земледельческую и лесную академию, пытались закрыть и Тимирязевку. В декабре 1905 года в Петровско-Разумовское прибыли воинские части с пушками. И начались, как это и бывало не раз, повальные обыски и аресты...

У достойных учителей были достойные ученики. Из стен академии вышли бунтарь В. Г. Короленко, певец русской природы М. М. Пришвин, поэт-зоотехник Сергей Чекмарев, трагически погибший в годы коллективизации... Ученик Д. Н. Прянишникова и как бы внучатый ученик К. А. Тимирязева, академик-правдоборец Николай Иванович Вавилов незадолго до трагической развязки писал: «На костер пойдем, гореть будем, но от убеждений своих не откажемся». Гражданственность—самая высокая традиция Тимирязевки. Питомцы академии служили и служат Истине, которую надо не только суметь отыскать, но и — что гораздо важнее — отстоять. «Наука должна делаться чистыми руками»,— завещал Д. Н. Прянишников. Профессор А. В. Петербургский, принадлежащий советскому поколению ученых-тимирязевцев, в канун столетия академии говорил, что сейчас можно без преувеличения заметить, что тогда (в 1948 году, памятном августовской сессией ВАСХНИЛ) защищать учение Прянишникова можно было лишь с известной долей мужества. Мужества хватило, Тимирязевка выстояла и в годы, когда утверждалась монополия воевод от науки, и в годы волюнтаризма.

Сейчас уж не та Тимирязевка, что была до Октября и даже до войны. Словно раздвинулись ее стены. На аллеях, в лабораториях — тысячи юношей и девушек. Они пришли учиться после работы на полях и фермах, после службы в армии. Для них открыли свои двери многочисленные кафедры агрономического, зоотехнического, экономического факультетов, факультета почвоведения и агрохимии, плодоовощного и педагогического факультетов. Лаборатории искусственного климата, биофизическая и электронно-вычислительная, лесной кабинет, обсерватория, дендрологический сад, почвенный музей и музей коневодства, пасека, опытная полевая станция и поля шести учхозов, фундаментальная библиотека — все это находится в распоряжении студентов. Старейшая кузница агрономических и зоотехнических кадров любовно растит командиров нашего сельскохозяйственного производства.

Основоположник русского научного земледелия профессор И. А. Стебут считал, что в академии студенту важно получить не только агрономическое образование, но и агрономическое воспитание. Агрономически воспитанный специалист не нуждается в готовых рецептах, он не может быть «копистом и книжником», по словам того же И. А. Стебута. Не только знание, не только строгие научные сведения, но и понимание законов природы, философское проникновение в суть самой жизни земли и земледельцев важны для человека, связавшего свою судьбу с судьбой деревни. Тимирязевка дала уже стране десятки тысяч отличных специалистов, горячо любящих избранную профессию, преданных земле-кормилице.

Сейчас особенно возрастает роль специалиста в деревне — и агронома, и зоотехника, и инженера, и экономиста. Близка к осуществлению мечта К. А. Тимирязева о двух колосьях там, где растет один. Идет не только химизация земледелия, но и «химизация» агрономов. Слово экономиста также все более весомо. Да, это нелегко — переделать природу растения, взять от земли как можно больше, преодолеть невежество и шаблон, недоверие к науке о плодородии. Но питомцы Тимирязевки с честью выходят из схваток с засухой, с бескормицей, с последствиями эпохи культа личности и администрирования в сельском хозяйстве. Выпускник Тимирязевки, директор элитсемхоза «Путь к коммунизму» Евгений Николаевич Девятисильный в трудные дни борьбы за грамотное ведение хозяйства получил письмо от профессора С. Г. Колеснева. Учитель ободрил ученика: «...Вы умный, прямой и честный человек. Таким надо верить. Ваша твердость и принципиальность похвальны. А ваша горячность еще немало принесет Вам неприятностей, пока жизнь не обкатает. Я запомнил Ваши слова, сказанные на собрании выпуска: «Вы нас экзаменуете за красным столом, а мы вас проэкзаменуем на зеленом поле!» И я тогда подумал: умный, смелый, откровенный паренек, но тяжко ему будет жить. Издалека я следил за Вашей работой на опорном пункте института экономики, в совхозе. И искренне радовался Вашим успехам... Важно сохранить веру в себя и в правду. Будьте и впредь смелым и принципиальным... Крепко Вас обнимаю. Ваш учитель...»

Это тоже традиция Тимирязевки — не упускать из виду своих питомцев, вовремя оказать им моральную и научную помощь! Вот почему выпускники академии берут на себя смелость перепахивать старые, заросшие сорняками поля...

Наука давно поселилась в живописнейшем уголке Москвы. Только за минувший, сотый в жизни академии год учеными Тимирязевки зарегистрированы в Государственном комитете по делам изобретений и открытий СССР более девяноста законченных научно-исследовательских работ. Наука и практика неразделимы. Авторские свидетельства за оригинальные изобретения получили профессора И. И. Гунар, Р. Б. Давидов, старший научный сотрудник С. В. Крылов, инженер Н. М. Вольф и многие другие.

Классические работы К. А. Тимирязева, Д. Н. Прянишникова сегодня продолжает кафедра агрохимии под руководством профессора В. М. Клечковского. В глубоко теоретических исследованиях используется метод меченых атомов. В последние годы развернула работу новая кафедра—прикладной атомной физики и радиохимии, а также радиоизотопная лаборатория профессора В. В. Рачинского. Кого из студентов не увлекут исследования в недавно организованной лаборатории сельскохозяйственной кибернетики!

Никогда — ни днем, ни ночью — не гаснет какой-то неземной голубоватый свет в лаборатории искусственного климата. Трудно переоценить теоретическую работу, устремленную в агрономическое завтра, которую проводит здесь профессор Иван Исидорович Гунар. Он родоначальник направления, изучающего свойства и способы применения гербицидов. А биофизическая лаборатория под руководством И. И. Гунара стала всесоюзным центром по внедрению изотопной методики в исследованиях по сельскому хозяйству. Так рождаются новые научные школы. На отечественные поля грядет агроном, вооруженный радиоактивными изотопами!.. Уже сейчас на кафедре физиологии исследуются удивительные электрические явления у растений. Это ключ к таким тайнам природы, что даже у посвященных дух захватывает! Современной наукой установлены многочисленные факты единства растительных и животных организмов. Над вопросами регуляции физиологических процессов в растительных организмах и работает сейчас коллектив кафедры и аспиранты профессора Ивана Исидоровича Гунара.

...1941 год. О нем напоминает белый обелиск, поднявшийся среди черных стволов зимнего парка. На камне — имена ополченцев академии, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Ушел тогда на фронт и аспирант Тимирязевки Мухин. Но по-прежнему до позднего часа работает в лаборатории аспирант Мухин. Не тот, сраженный пулей,—другой, сын агронома и солдата. Мудрено звучит заглавие дипломной работы Валерия Мухина: «Измерение влажности почв и грунтов нейтронным методом и измерение плотности почв и грунтов методом рассеянного гамма-излучения». Сегодня аспирант В. Мухин занимается проблемами радиационной биологии растений.

Научный подвиг Тимирязевки и тимирязевцев продолжается.

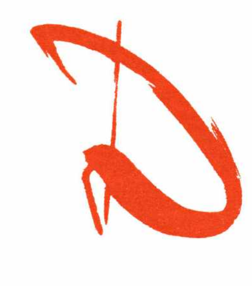
Академия продолжает ковать агрономические кадры, молодые силы сельскохозяйственной науки. И для родных полей и для полей далеких и близких зарубежных стран. Среди юношей и девушек в аудиториях академии много посланцев дружественных государств. Проректор академии А. И. Кузнецов представляет: Ю Сим Хун приехал из Камбоджи, Ирма Ковач, Йожеф Ваги и Йожеф Ленметер — из Венгрии, Джозеф Кусеро — из Кении, Абду Кассо —из Нигера, Абдель Разиг Мохаммед Гейли— из Судана. Батломи Очна, аспирант академии, ранней нынешней осенью встречал в московском аэропорту свою жену Катрин. Она прилетела из далекой Нигерии. Не только на радостное свидание — учиться!

...Тимирязевке— сто лет... Первое столетие в жизни крупнейшего вуза и научно-исследовательского центра страны! Рядовые агрономы и зоотехники, руководители передовых хозяйств, главные специалисты районных и областных управлений сельского хозяйства, секретари районных и областных комитетов партии, работники и руководители министерств, научно-исследовательских учреждений, высших партийных и советских органов — всюду встретишь человека с зеленым ромбом тимирязевца на лацкане пиджака. Когда-то К. А. Тимирязев, обращаясь к своим родителям, писал: «...Вы внушали мне, словом и примером, безграничную любовь к истине и кипучую ненависть ко всякой, особенно общественной, неправде...» С этими же словами сегодня обращаются к своей матери-академии ее тысячи и тысячи сынов и дочерей. И как бы ни были сложны темы исследований, поиск их сводится к одному — к служению Родине и народу, к огромной заботе об отечественной пашне, к высокой и в то же время сугубо земной мечте об изобилии на Земле.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Дом под крышей голубой

Стога

Лежат луга
лиловые,
луна плывет,
кивая,
стоят стога,
медовые,
ржаные
караваи.
А кажутся мне
издали
особыми дарами:
приветливыми
избами,
приметными
домами.
Огромная,
укромная,
соломенная глыба,
укрой меня,
спаси меня,
согрей меня.
Спасибо!

* * *

Направо пруд, лесок налево,
вдали покошенная рожь,
и запах хлеба с духом хлева
плывут рядком, не разберешь.

Здесь свой закон. В избу за
деньги
не принимают на постой.
Я не из этой деревеньки,
я не из этой, не из той,

я городская, я оттуда,
где жизнь несет тебя сама,
где вся стеклянная посуда,
где все кирпичные дома.

Иду меж избами, читая
в глазах вопросы: — Чья ты? Чья?
Иду меж избами, чужая,
а улыбаюсь, как своя.

Пройдет неловкая минута,
ко мне ослабнет интерес,

и я метнусь туда, где чудо —
направо пруд, налево лес,

прозрачная холстина неба,
стога, и стадо, и пастух,
и сладковатый запах хлеба,
и хлева душноватый дух.

Ручей

...споткнулся
о дремучий камень,
метнулся,
брызгами сверкнул,
как будто тонкими руками
он неожиданно всплеснул,

и снова прежнею дорогой
бежит, играя и журча,
и смотрит елка-недотрога
на ручеек из-за плеча.

Лес

Тревожный тетерева ток,
порхающие мотыльки,
и лося узловатый рог
дрожит на зеркале реки.

Я заблудилась. Три сосны.
Дубняк и ельник. Тропок нет,
а дали зыбкие, как сны,
прохладно-сини, без примет.

Пни морщат сухонькие лбы.
Иду, перемогая страх.
Высоковольтные столбы
мерещатся в пяти шагах.

Хлеб

Закипают в бурной пене
оцинкованной реки
толстомясые пельмени
из белехонькой муки.

Загребу я их шумовкой
и сметаной обою
и с наметанной сноровкой
всем, кто спросит, подаю.

Кто-то скажет: — Где горчица?
Уксус резкий, как укус?
Предлагает мастерица
сто приправ на всякий вкус.

А один бывалый кочет
с переметною сумой
и попробовать не хочет
и хохочет надо мной.

Говорит: — Твои медяшки
перед золотом ничто!
И большой кусок черняшки
вынимает из пальто.

Откусила — сладковатый
чудо-хлеб, и не поймешь:
или тмина, или мяты
намешал он в эту рожь.

Научил меня бы печь-то,
я на выучку легка,
есть и руки, есть и печка,
только белая мука.

Сторожка

Стояла старая сторожка
на перепутье двух дорог,
жила в ней ветхая ворожка,
совсем слепая и без ног.

Был жидок суп в ее кастрюле,
но объективно волшебство:
тому медаль, другому пулю,
той жениха, а той вдовство.

С неразлинованной тетрадкой
ненапечатанных стихов
пришла я к ней тропой негладкой,
мятущейся среди лугов.

Тряслась беззубая, безглазо
уставясь на мою ладонь,
молчала, а потом вдруг сразу
как зашипит: — Гляди в огонь!

На рыжий пляс костра глядела,
не шевелясь и не дыша,
и отделялася от тела
завороженная душа.

Сквозь свет огня я увидала,
как, воспаленны и чисты,
на глади серого металла
взошли высокие цветы.

Один белес, прозрачен, тонок,
другой сиренево-суров,
а третий розов, как ребенок,
четвертый алый, будто кровь.

Цветы росли с особой силой,
с невероятной быстротой.
— А тот, голубовато-синий,—
сказала бабка,— это твой.
Вишь, лепесточек цвета неба,
к нему душа твоя лежит,
а стебелечек цвета хлеба,
о нем душа твоя болит.

Я руку в пламя—стебель хрустнул,
мне пальцы пламенем ожгло.
Все завертелось, стало пусто,
потом прозрачно и светло.

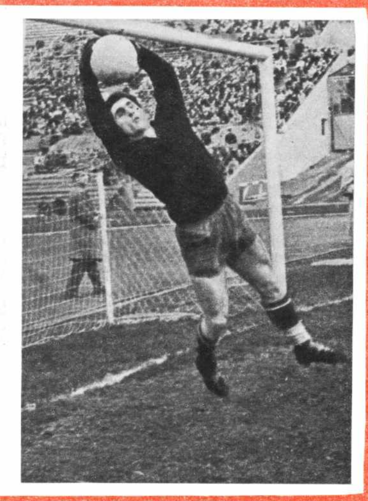
Так это сон!
Окошко, иней,
подушек жаркий закуток...
Откуда все же светло-синий
в моей руке зажат цветок?

* * *

Целоваться погоди:
посторонних много глаз;
погляди-ка, погляди,
смотрит горница на нас;
смотрит белое окно,
все в прозрачных кружевах,
и льняное полотно
в ярко-красных петухах;
печь стоит, разинув рот;
любопытствуя, притих
даже старый серый кот.
Целоваться ли при них?
Нам казалось, мы с тобой
ото всех сбежали глаз
в дом под крышей голубой,
но и тут глядят на нас.
А куда нам счастье деть?
Как любовь припрятать нам?
Может, просто не глядеть,
не глядеть по сторонам?

КУБОК «ОГОНЬКА» — АНЗОРУ КАВАЗАШВИЛИ

В конце каждого футбольного сезона редакция журнала «Огонек» вручает Кубок лучшему вратарю года. Обладателями Кубка были Л. Яшин (дважды), В. Масленченко, С. Котрикадзе, В. Банников. В нынешнем году наш Кубок будет вручен стражу ворот московского «Торпедо» — чемпиона страны 1965 года — Анзору Кавазашвили. Торпедовцы пропустили в свои ворота наименьшее число мячей — 21. В подавляющем числе проведенных матчей в воротах стоял А. Кавазашвили.

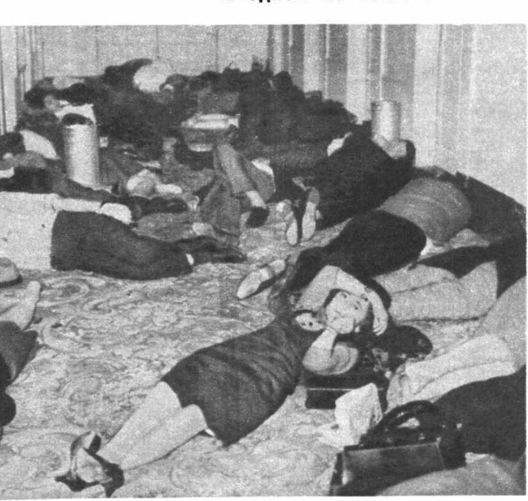

Улицы освещались только светом автомашин.

Фото ЮПИ.

В одном из отелей.

Звезды над Нью-Йорком... Всегда они тонут в снопах электрического света и рекламы. Вечером 9 ноября жители города увидели их у себя над головой...

Из окна 35-го этажа высотного здания ООН я видел Нью-Йорк, погруженный в темноту. Лишь изредка между силуэтами небоскребов скользил луч прожектора. Внизу, в ущельях улиц, медленно текли белые и красные реки: «великое затемнение» не смогло остановить потока автомашин.

Транзистор сообщил об аварии в энергосистеме в районе Ниагарского водопада. Диктор обещал, что не пройдет и часа, как авария будет устранена, а пока что призывал всех сидеть в четырех стенах и не показывать носа на улицу.

— Почему? — спросил я американца, сотрудника ООН.

— Мало ли что может случиться в темноте,— ответил он.— У нас ведь и в обычные вечера неспокойно.

И он принялся рассказывать о хулиганстве и преступности, свивших себе гнездо в этом огромном городе.

Как бы в подтверждение его слов по радио передали сообщение: для охраны порядка предполагается использовать наряду с полицией и войска.

Впрочем, последствия аварии выглядели достаточно серьезными и без пугающих официальных сообщений. Подача электроэнергии прекратилась в 5 часов 28 минут вечера, когда весь служилый Нью-Йорк отправлялся с работы домой. Что происходило в поездах метро, которые перевозят в этот час до миллиона пассажиров? Что творилось в тысячах лифтов, замерших между этажами высотных зданий?

Я позвонил в отделение ТАСС.

НЬЮ-ЙОРК ВО ТЬМЕ

Город Уолпоул (Массачусетс). Около 300 заключенных бежали из тюрьмы. Были вызваны войска штата для их поимки.

Дежурный сообщил, что американские телеграфные агентства справлялись: не происходят ли подобные аварии с электричеством и в Москве? Вероятно, кое-кто почувствовал бы облегчение, если бы ответ был утвердительным...

Текли часы. Стало ясно, что оптимистические предсказания насчет быстрой ликвидации аварии не оправдались. Один за другим стали спускаться пешком с 35-го этажа сотрудники ООН. Решили отправиться по домам и мы.

Заместитель генерального секретаря ООН Алексей Ефремович Нестеренко взял свечу и, прикрывая ее огонек от сквозняков пачкой стенографических отчетов, первым окунулся в черный провал лестницы (в высотных зданиях Нью-Йорка лестницами обычно не пользуются; как правило, они лишены окон). В пути мы встретили несколько групп работников ООН; женщины скинули неудобные туфли на высоких каблуках и спускались по ступеням в одних чулках...

Всего несколько шагов отделяют здание ООН от гостиницы «Тюдор», где обычно останавливаются корреспонденты, аккредитованные при Организации Объединенных Наций. При неверном свете двух свечей холл гостиницы представлял совершенно необычайное зрелище. Повсюду — в креслах, на стульях, даже на полу — устроились те, кто забрел сюда в поисках пристанища. Здесь расположились биваком люди, которые работают в Нью-Йорке, а живут за городом или приехали в город по делу и теперь не могли вернуться домой.

Замученный портье снабдил меня спичками, и я протиснулся к лестнице, темной и узкой, как колодец. К счастью, мой номер находился, по нью-йоркским понятиям, невысоко: на 8-м этаже.

— Позвольте, я вам посвечу,— послышался чей-то голос.

У лестницы стоял со свечой в руке парнишка лет восемнадцати в белом свитере.

— Вы очень любезны,— сказал я, пока мы поднимались.— Вы служите здесь, в гостинице?

— Нет,— ответил он.— Я живу здесь со вчерашнего дня, мой но-

КРАХ «БЕЛОЙ МЫСЛИ»

Юрий ЖУКОВ

Фридрих Эрмлер никогда не выбирал удобных, избитых троп в жизни, «чтобы протоптанней и легче». Ни тогда, когда он тревожной осенней порой 1919 года подал заявление о вступлении в Российскую коммунистическую партию большевиков. Ни тогда, когда стал чекистом и пристегнул к поясу маузер. Ни тогда, когда из Чека пришел в искусство и стал одним из первых режиссеров молодого советского кино.

Об этом нельзя не вспомнить, когда смотришь недавно законченный на студии «Ленфильм» новый художественно-документальный фильм «Перед судом истории».

Фильм Эрмлера «Обломок империи» был битвой против самодержавия и ужасов войны, в которую оно втянуло Россию; его «Встречный», поставленный вместе с С. И. Юткевичем,— битвой за индустриализацию, «Крестьяне» — битвой с кулачеством, за коллективный путь жизни крестьянства; его «Великий гражданин» — острое политическое сражение с троцкизмом; «Великий перелом» — бой с фашизмом.

Несколько лет назад Ф. Эрмлер вместе со сценаристом В. Владимировым создали необычный, во всех отношениях неожиданный фильм — «Из Нью-Йорка в Ясную Поляну». В нем впервые в художественном кинематографе слово было предоставлено подлинному участнику событий, историческому персонажу. В этой картине, запомнившейся миллионам наших телезрителей, авторы только еще нащупывали новый путь.

И вот теперь В. Владимиров и Ф. Эрмлер показывают нам свой новый фильм, продолжающий и развивающий эту своеобразную, новую тенденцию нашего кинематографа.

На экран вызвана одна из колоритнейших исторических фигур, последний из могикан Российской империи — В. В. Шульгин. Это видный деятель русской монархической партии, депутат царской Думы, один из организаторов белой армии, чья фамилия стоит в списке ее учредителей под номером 29; человек, который, попав в эмиграцию, плел нити антисоветских заговоров, даже сам нелегально переходил границы Советского Союза и который, отбыв заслуженное наказание в тюрьме, живет теперь на советской земле.

Авторы фильма ведут с бывшим монархистом Шульгиным острый философский и политический бой. Смысл и назначение этого боя заключаются в том, чтобы молодежь наша лучше поняла, как важно и в наше время сохранить острую классовую бдительность, памятуя о том, что враждебный нам мир, к которому принадлежал Шульгин, по-прежнему существует рядом с нашим социалистическим лагерем...

В этом фильме нет ничего придуманного, он строг и прост: никаких развлекательных отступлений, никаких кинематографических колокольчиков и бубенчиков, с помощью которых иные авторы пытаются привлечь к своему детищу внимание зрителя, боясь, как бы он не заскучал. С первой до последней минуты вы вглядываетесь в экран и вслушиваетесь в то, что там говорится, с таким напряженным вниманием, что забываете обо всем, и вам невольно кажется, что нет вокруг вас никого, что вы ни в каком не в кино, а просто вам посчастливилось случайно оказаться рядом с Историком. (Его роль исполняет артист Сергей Свистунов, и это единственный артист в этом фильме; кстати сказать, Эрмлер напрасно поручил артисту играть роль Историка в неигровом фильме. Больше отвечало бы замыслу произведения, если бы в диалогах участвовал кто-либо из подлинных советских деятелей исторической науки.) И вот Историк ведет спор с живым Шульгиным, реальным выходцем из старого мира. Этот спор захватывает и увлекает вас.

Авторы фильма, стоящие за плечами Историка, вплетают в текст своего философско-политического спора с Шульгиным поистине редчайшие кадры документального кино — ведут своего оппонента по залам бывшей Государственной думы, где тот витийствовал полвека назад; по площадям Ленинграда, где еще не угасло эхо битв революции; по кладбищу Сен-Женевьев де Буа во Франции и, наконец, вводят во Дворец съездов в Москве...

С огромным интересом зритель следит за рассказом Шульгина о том, как он и его коллеги в роковой для царской России час революции пытались спасти монархию. Слепые, косные политики наивно надеялись остановить ход истории.

Шульгин повествует:

— Гучков сказал: «Надо действовать тайно и быстро. Надо поставить Россию перед совершившимся фактом. Надо дать ей нового государя».

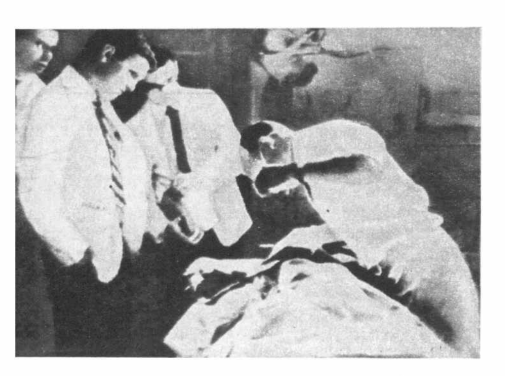
Шульгин был душой и телом предан монархии. Николай Романов и сегодня, без малого полвека спустя, для него «государь император». Но он сознавал, что этот человек, «рожденный на ступенях трона», был не способен остановить революцию. По мнению Шульгина, ему не хватало «властности» и «твердости». И вот Шульгин и его единомышленники отправляются к Николаю II уговорить его отречься от престола в пользу своего брата.

Не без некоторой гордости Шульгин произносит: «Я провозгласил новым императором России Михаила Второго. И казалось, что мы сохранили монархию». Но это ему только казалось. Власть в России быстро переходила в руки Его Величества Рабочего Класса, как отчаянно ни сопротивлялись обреченные историей классы капиталистов и помещиков, интересы которых столь рьяно отстаивали Шульгины.

Василий Витальевич Шульгин в некоторых вопросах до сих пор остался человеком того же круга идей, к какому он принадлежал

мер на 15-м этаже. Мне посчастливилось купить на улице свечу. Какой-то человек продавал свечи по доллару за штуку, а им красная цена 10 центов. Теперь я помогаю людям подниматься к себе, а то на этой крутой лестнице недолго и шею сломать.

Потом я узнал, что в эту ночь было много таких добровольцев. Одни становились на перекрестках улиц и регулировали уличное движение вместо бездействующих светофоров. Водители беспрекословно им подчинялись. Другие отправлялись в тоннели метро выручать

Город Олбени, штат Нью-Йорк. Операция продолжалась при переносных фонарях.

пассажиров застрявших поездов.

Было рано, спать не хотелось, и, посидев в номере в полной темноте перед бездействующим телевизором, я решил прогуляться.

Я добрался до Бродвея. Без ярких световых реклам, без огней кинотеатров, сверкающих обычно все 24 часа в сутки, Бродвей имел какой-то нереальный, фантастический вид. Бойко торговали — при свечах — рестораны и бары. Тротуары были запружены гуляющими: предупреждение властей не подействовало, любопытство влекло людей на улицу. За углом Таймссквера стояли две шеренги полицейских с дубинками в руках, но не было заметно ни малейших следов беспорядков, которых так опасались власти.

Слышались язвительные шутки по адресу монополии «Консолидейтед Эдисон компани», снабжающей город электроэнергией. Доставалось местным и вашингтонским властям.

— Кто-то в Вашингтоне забыл заплатить по счету за электричество, вот свет и выключили,— шутил какой-то прохожий.

...На другой день радио, телевидение, утренние газеты сообщили подробности. Электричества не было не только в Нью-Йорке, но на огромной территории северо-восточной части США и юго-восточной части Канады, где живет до 30 миллионов человек. Потери промышленности, транспорта, торговых фирм исчислялись, по предварительным данным, минимум в 100 миллионов долларов.

Служащие метро вместе с добровольцами еще до полуночи вывели на поверхность пассажиров из застывших под землей поездов; лишь немногие предпочли дожидаться утра в вагонах. Вызволили почти всех, кто застрял в лифтах; в Эмпайр Стейт билдинг — самом высоком небоскребе города — и некоторых других зданиях пришлось для этого пробивать бетонные стены.

Негодование общественности обратилось в основном против «Консолидейтед Эдисон компани». Как отмечала «Нью-Йорк таймс», «люди говорили о «Консолидейтед Эдисон», точно она не коммунальное предприятие, а воплощение какого-то чудовищного зла».

Теперь «Консолидейтед Эдисон компани» опубликовала туманное заявление, в котором авария 9 ноября объясняется «стечением обстоятельств, которые выяснятся только после дальнейшего расследования». Одновременно руководители компании объявили, что не исключена возможность новой аварии.

Муниципальные власти Нью-Йорка, которые давно уже призывали население беречь воду, сейчас рекомендуют экономить и электричество...

Борис ИЗАКОВ,
спецкор АПН

На читательской конференции в Самаркандском государственном университете имени Алишера Навои.
Фото Л. Шерстенникова.

«Огонек» в Узбекистане

Во второй половине ноября, в пору щедрого урожая, в городах и колхозах Узбекистана побывала группа работников редакции: главный редактор «Огонька» А. Софронов, члены редколлегии В. Николаев и И. Долгополов, собственный корреспондент журнала по Средней Азии Ю. Сбитнев, фотокорреспонденты Д. Бальтерманц и Л. Шерстенников.

В Ташкенте состоялись встречи с читателями «Огонька» — тружениками Ташкентского текстильного комбината, писателями и журналистами узбекской столицы. В Самарканде огоньковцы были гостями студентов гуманитарных факультетов Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. В Фергане состоялась встреча с читателями в областной библиотеке.

Во время читательских конференций было высказано много добрых пожеланий, советов и критических замечаний, которые, несомненно, помогут журналу в его работе. Читатели «Огонька» считают, что журнал должен еще ярче и убедительней показывать на своих страницах сегодняшний день страны, наших современников, используя для этого самые разные жанры — от репортажа до цветных вкладок. Выступавшие на конференциях просили больше рассказывать о жизни и труде нашей молодежи, о становлении ее характера и воспитании чувств. Справедливо говорилось и о том, что язык некоторых очерков и репортажей недостаточно выразителен и ярок.

Читатели «Огонька» хотят видеть в еженедельном журнале больше событийной иностранной хроники, оперативный репортаж с места событий, из «горячих» точек нашей планеты. Участники конференций просили почаще рассказывать о новых свободных государствах, пришедших на смену колониям.

Участники поездки с помощью Ташкентского телевизионного центра смогли выступить не только перед тружениками Узбекистана, но и соседних братских республик.

полвека назад, хотя жизнь и заставила его понять, что эти идеи не способны противостоять идеологии Ленина, против которого он боролся, но величие и победу которого теперь признает.

Сегодня этот восьмидесятисемилетний человек, полностью сохранивший не только память, но и остроту мышления, с горькой иронией говорит о том, что, конечно, теперь, имея белую бороду, он мыслит иначе, нежели «тот Шульгин с усиками» (его тут же показывает нам чудом сохранившаяся старая кинохроника), который когда-то писал примерно так: «Николай Первый повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет пятьдесят тысяч февралистов (речь идет о Февральской революции 1917 года.— Ю. Ж.), то это будет задешево купленное спасение России... Только свинец может загнать в берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя».

Теперь Шульгин признает, что ставка на свинец была безнадежной. Но он не отрекается от своей приверженности монархизму. Не отрекается он и от своей «белой мысли» и не без гордости вспоминает о том, что «сделал все, что мог, помогая Алексееву, Деникину, Врангелю...».

Перед зрителем предстает страшное, удушающее своей мертвящей атмосферой царство злобствующего класса собственников. «Мы большевикам не верили, ни делам, ни словам их... Мы их просто ненавидели»,— говорит Шульгин, когда Историк напоминает ему о том, как в ответ на шульгинский выкрик на митинге: «Раздевайте нас,— плакать не будем!» — Ленин ответил ему 19 мая 1917 года с чувством величайшего идейного превосходства и великолепной иронией: «Не запугивайте, господин Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам посильной и привычной!»

Однако класс собственников не хотел расставаться с властью и с привилегиями. «Мы свою белую мысль — идею борьбы с коммунизмом вынесли с поля битвы, как выносят сбереженное знамя. Сохранили ее и верили, что когда-то она покорит весь мир»,— заявляет Шульгин. Но эта мечта обанкротилась, и теперь Шульгин с горечью говорит о крахе белой эмиграции: «Мы сами себя разбазарили в бесконечных распрях... Мы не смогли найти общепризнанного вождя... Самая главная причина заключалась в том, что не было программы, не было идеи, которая могла бы стать целью жизни...»

И тут авторы фильма устами своего Историка поправляют монархиста Шульгина:

— Программа у вас была, но это была программа реставраций, ствергнутая народом и потому безнадежная...

Ныне Шульгин признает, что свергнутый революцией класс собственников не мог и мечтать подчинить своему влиянию народ, пошедший за Лениным. И он сознается, что вместе со своими единомышленниками в годы гражданской войны и даже после нее делал ставку лишь на заговор.

— Да, мы были уверены,— говорит он,— что только сильная личность, вождь, который сможет объединить всю власть в своих руках,— только он выведет Россию из тупика (?! — Ю. Ж.). Он сможет противодействовать Ленину и преградить мировое шествие коммунизма...

Отсюда и симпатии наиболее реакционной части белой эмиграции к фашизму. Писал же в 1927 году Шульгин, что Столыпин был основателем русского фашизма и предтечей Муссолини! Когда Историк напоминает ему об этом, он говорит: «Да, это так, но я прошу вас, не смешивайте итальянский фашизм с германским нацизмом». Но авторы фильма показывают на экране, как Муссолини вместе с Гитлером творил страшные преступления против человечества и как пресловутые «русские фашисты» — белогвардейцы, пошедшие на службу к Гитлеру, помогали им обоим. Мы видим на экране, как их представители вместе с посланцем Гиммлера приветствуют предателя Власова, и тут же видим скорый и заслуженный конец этого предателя, как и всех «русских фашистов»: через 172 дня гитлеровская Германия была разгромлена, Власов был схвачен и приговорен советским судом к позорной смерти.

Так через весь фильм протягивается нить исторической закономерности: от революционных битв 1917—1922 годов, когда правящий класс русских собственников был разгромлен и выброшен на свалку истории, до исторических битв 1941—1945 годов, когда наша революционная страна дала победный бой полчищам фашизма, отстаивавшим интересы класса эксплуататоров в мировом масштабе.

Шульгин пробует обижаться, вступаясь за эмиграцию: «Вы всех мажете сплошной черной краской». Но тут Историк достает из своей картотеки бережно сохраняемые сведения о тех русских эмигрантах, которые в решающий час испытаний поднялись на бой против фашизма. «Не надо заблуждаться,— говорит он Шульгину.— Эти люди вдохновлялись не белой мыслью, и знамена их были окрашены в другой цвет. Мы чтим их память так же, как память русских солдат, погибших в борьбе с фашизмом, за свободу Норвегии, Югославии, Франции, Польши, Чехословакии, Италии, Германии. Никто не забыт, и ничто не забыто!» И Шульгину нечего возразить на это.

Не было и нет такой силы, которая была бы способна остановить развитие человечества; с исключительной силой напоминает об этом заключительная сцена фильма: в фойе Дворца съездов происходит встреча В. В. Шульгина с одним из ветеранов нашей партии, Ф. Н. Петровым. Они встречались в Киеве ровно шестьдесят лет тому назад — в 1905 году.

— Вы, кажется, были тогда военным,— говорит Ф. Н. Петров.— Вы в это время не командовали солдатами, усмирявшими саперные батальоны?

— Я служил в одном из саперных батальонов,— немного смущенно отвечает Шульгин.— Но так называемый саперный бунт был подавлен не саперами, а пехотой. Именно учебной командой Миргородского полка...

— Э-э, нет,— говорит Петров.— Это был не бунт, это была революция... А пуля Миргородского полка до сих пор вот где сидит у меня.— Он показывает рукой на плечо.

Шульгин выражает Петрову свое сочувствие, и тот не без иронии откликается:

— Благодарю вас, вы очень добры... Я и отчима вашего знал, профессора Пихно, и лекции его слушал...

Шульгин говорит:

— Но я не поздравил бы его с таким учеником. Покойный Дмитрий Иванович всю свою жизнь боролся с учением Карла Маркса, а вы стали марксистом, да еще каким!..

— Я уже им был и тогда,— улыбается Петров,— и, если судить по результатам, учились мы неплохо...

В этот момент вы видите на экране космонавта Гагарина, и этим авторы фильма подсказывают зрителю очень многое.

— Мне пора,— говорит Петров Шульгину и многозначительно добавляет, прощаясь с ним: — История памятлива!

Да, история памятлива, и сегодня она свершает свой суд над теми, кто тщетно пытался помешать ее естественному ходу. Фильм этот — весьма злободневное предупреждение тем, кто где-то там, за рубежом, все еще питает иллюзии, будто магический эликсир антикоммунизма способен усыпить мир и заставить его проснуться в прошлом веке.

История действительно очень памятлива, и она беспощадна к тем, кто не усваивает преподанных ею уроков!

Фельетон

Иван кивает на Петра

Как мир, пословица стара:
«Иван кивает на Петра»,
Она дошла до наших дней,
Но стала в наши дни длинней:
Порасплодились мастера,
Специалисты по киванью —
Иван кивает на Петра,
А Петр кивает на Маланью,
Маланья дальше — на Фому,
Фома кивает на Семена,
Семен... А впрочем, ни к чему
Перечислять всех поименно.
Вы в ресторан пришли с женой
(Такое редко, но бывает),
Официанты за спиной
Стоят, от скуки изнывают.
Но не решить им до утра,
Кто чей клиент и где чей столик:
Иван кивает на Петра,
Петр—на Фому, Фома — на Полю.
Когда кивать им надоест,
Клиент уже салфетку ест.

Пришла старушка в райсовет:
— Опять течет, голубчик, крыша!
— Не тот вам нужен кабинет!
Послали бабушку повыше.
Проходит час и полтора —
Иван кивает на Петра,
Петр шлет к Фоме, Фома — к Ирине
Эт цетера, эт цетера,
Как говорили в Древнем Риме.
Обила бабка все пороги,
И отнялись у старой ноги,
Ну хоть ложись и помирай —
Из райсовета прямо в рай!
Зазеленел колхозный луг,
Грачи домой летят, на север,
Поля колхоза «Красный плуг»
Уже давно готовы к севу.
Весна командует: «Пора!»,
Но указаний нету свыше,
Иван кивает на Петра,
Петр—на Фому, Фома—на Гришу,
А Гриша, местный агроном,
Кивает дальше — на райком.
Грачи летят уже на юг —
Еще не сеял «Красный плуг».
К концу подходит фельетон,
Могли б мы здесь поставить точку,
Но про кого написан он?
Иван ответит: «Знаю точно —
Имели здесь в виду Фому!»
Фома вам скажет, что Степана,
Степан укажет на Кузьму...
Пожалуй, точку ставить рано!

Владимир Константинов,
Борис Рацер

Опасная коллекция

Валерий ДЖАЛАГОНИЯ

Рассказ

ЗАБАВНЫЕ

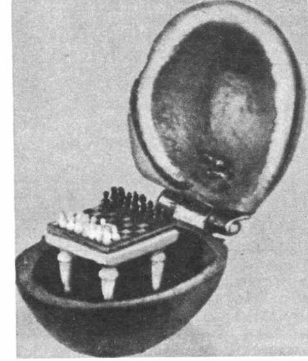
НАХОДКА БУЛЬДОЗЕРИСТА

Этот клад случайно обнаружил бульдозерист возле конюшни в деревне Мурзино, Калужской области. Все монеты серебряные. На одних монетах написано: «Князь великий Иван всея Руси»; на других: «Царь князь Иван великий всея Руси».

И. ВЕЛИКАНОВ

Малоярославец.

МАСТЕР МИНИАТЮР

Харьковский механик А. П. Васюренко давно занимается изготовлением миниатюрных безделушек. На снимке вы видите одну из последних его работ. Этот стол с шахматами А. П. Васюренко разместил в вишневой косточке.

А. Саламатов

Харьков.

КЕНГУРЕНОК В ШТАНИШКАХ

Этот случай произошел в Амстердамском зоопарке. Штаны на кенгуренка пришлось надеть не ради забавы. Мать-кенгуру так заласкала свое дитя, что в некоторых местах содрала с него кожу. Чтобы защитить кенгуренка от материнской нежности, пришлось нарядить его в столь элегантный костюм.

КОШКИ-РЫБОЛОВЫ

Я наблюдал однажды на реке Суме, как домашние кошки ловят миног.

Кошки облюбовали место у реки и встали друг за другом в очередь. Первая из них опустила лапу в воду и вытащила миногу. Со своей добычей она отошла от берега, уступив место второй кошке. Операция повторилась. Затем к воде подошла третья любительница рыбы. Пока она промышляла добычу, первая кошка съела миногу и встала в конец очереди. Так они продолжали рыбалку, пока не наелись досыта.

Говорят, что кошки способны определять удачные рыболовные места.

Ю. Соколов

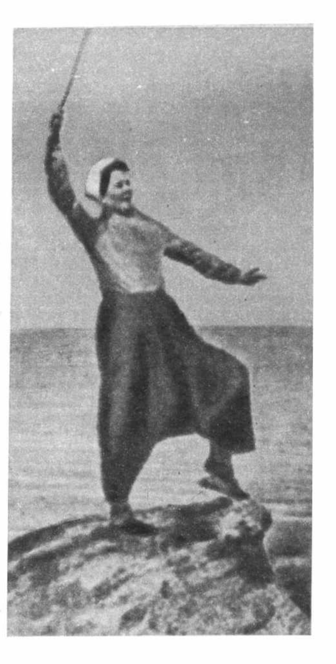

КИНОЗРИТЕЛЬ С УДОЧКОЙ

В Японии, как и во многих других странах, телевидение повлияло на посещаемость кинотеатров. За последние годы там закрылось три тысячи залов, а в оставшихся число посетителей уменьшилось наполовину. Чтобы как-то выйти из положения, один владелец кинотеатра в Токио построил возле своего заведения бассейн, в который выпускается живая рыба разных пород. После киносеанса посетители имеют право в течение сорока минут бесплатно ловить в бассейне рыбу. Дела у предприимчивого хозяина пошли настолько хорошо, что он к концу года собирается соорудить возле своего кинотеатра еще два бассейна.

СЧАСТЛИВАЯ ПЕССИМИСТКА

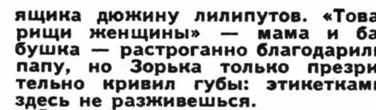
На одном из небольших скалистых островков Мраморного моря вот уже десять лет живет в полном одиночестве женщина-врач Айша Мерал. Она именует себя «счастливой пессимисткой» и заявляет, что вполне довольна своей жизнью.

На альбоме переливалась золотом надпись: «Для марок». Но марок в нем не было. Ни одной. К маркам Зорька относился с презрительным равнодушием. В душе его жила страсть к коллекционированию совсем иного рода. В альбом для марок он наклеивал этикетки от винных бутылок.

В магазине коллекционера интересующий Зорьку товар почему-то не продавался. Его можно было приобрести только в продмаге и с обязательным приложением — бутылкой. Бутылки же появлялись в доме вместе с гостями. Не слишком общительный по натуре Зорька полюбил гостей. У него просто не было другого выхода.

Праздники и семейные торжества он отныне рассматривал сквозь призму своекорыстных интересов собирателя винных этикеток. На самой низкой ступеньке праздничной табели о рангах стояло 8 Марта. От будней этот день отличался только тем, что за вечерним чаем папа громогласно объявлял: «Товарищи женщины, а у меня для вас кое-что есть!» Это «кое-что» всякий раз оказывалось одним и тем же — арахисовым тортом за рубль тридцать. Но папа водружал его на стол с самодовольным видом любимца публики — иллюзиониста, который только что небрежно извлек из пустого

ящика дюжину лилипутов. «Товарищи женщины» — мама и бабушка — растроганно благодарили папу, но Зорька только презрительно кривил губы: этикетками здесь не разживешься.

Зато Зорькин день рождения проходил не в пример содержательнее. Несовершеннолетние приятели именинника на него не допускались, поскольку рождение приравнивалось взрослыми к вечерним зрелищным мероприятиям, вход на которые, как известно, детям до 16 лет воспрещен. На приятелей мамы и папы запрет этот не распространялся.

Гости с улыбками, широкими, как раскрытое мамимо пианино, совали виновнику торжества сверток с подарком и, словно вступив в тайный сговор, задавали один и тот же вопрос: «Сколько же тебе стукнуло, старик?» Выслушать ответ они, как правило, забывали и, потирая руки, проходили к столу, где в окружении салата «оливье», заливного языка и консервов «Сайра» стыли в изморозном сиянии образцы отечественной винно-водочной индустрии, украшенные великолепными этикетками.

Зорьку немного обижало, что взрослые так скоро о нем забывали. Но, прислушиваясь к звону бокалов, он мысленно прикидывал, какую дань принесет это пиршество его коллекции, и мало-помалу оттаивал. Жаловаться было бы нечестно: жатву он всякий раз снимал обильную.

Наклеенные ряд за рядом, плотно, как в картинной галерее, этикетки являли собой зрелище внушительное и красочное. Со страниц Зорькиного альбома призывно улыбались декольтированные дамы с плечами, едва прикрытыми виноградными листьями, загадочно щурились черные маски, лужицами бирюзы плескались озера, неслышно шумели зеленые дубравы. Завершали экспозицию аскетически строгие наклейки «Столичной», производители которой, видимо, так непоколебимо верили в привлекательность своего товара, что прибегать к украшательству считали излишним.

Взрослые относились к Зорькиному увлечению по-разному, но, в общем, благосклонно. Мама, гордившаяся своим чувством юмора, любила с тонкой улыбкой рассказывать знакомым про необычную коллекцию сына. Бабушка, целеустремленно выискивающая во внуке черты личности незаурядной, охотно занесла в их число пристрастие к винным этикеткам.

Но по-настоящему живой интерес к Зорькиному собранию проявлял только папа. Каждый раз, когда мама, считающая, что папин вклад в воспитание сына постыдно мал, говорила ему с упреком: «Сколько можно изучать газеты! Занялся бы лучше мальчиком»,— он, подумав, говорил Зорьке: «Тащи-ка сюда свою коллекцию». Папа усаживался рядом с сыном и вдумчиво, со вкусом рассматривал каждую страницу его альбома. Особенно долго он задерживался на той, что была украшена этикетками армянского коньяка, и глаза у него при этом приобретали мечтательное выражение.

Но неожиданно разразилась катастрофа. К районному совещанию учителей Зорькина школа готовила выставку работ юных умельцев под девизом «Своими руками». В первом «Б» умельцев оказалось не так много, и классный руководитель Лидия Владимировна охотно присоединила к дюжине платочков, вышитых крестиком, и к пластилиновому синьору Помидору альбом, принесенный Зорькой. Позднее следствием было установлено, что Лидия Владимировна так и не выбрала времени его раскрыть, вполне доверяясь благонамеренной надписи «Для марок».

Но на выставке какой-то дотошный участник совещания альбом все же раскрыл, и уже через несколько минут от стенда с Зорькиной коллекцией по залу, как круги по воде, побежали всплески игривого смеха. Когда они достигли ушей заведующего роно, сверху была спущена директива: идейно не выдержанный экспонат изъять, а лиц, ответственных за то, что он просочился на выставку, привлечь к административной ответственности.

На следующий день папу вызвали в школу, к директору. До сих пор контакты по линии «семья — школа» монопольно осуществлялись бабушкой. Отступление от этого устоявшегося порядка вселило в папу нехорошие подозрения. И они оправдались. В полном объеме и даже еще больше.

Из школы папа вернулся с багровыми пятнами на лице. Он долго молчал и только шумно дышал носом. Потом он содрогнулся и сказал скорбным голосом тени отца Гамлета из фильма Григория Козинцева: «Я до дна испил чашу унижения». Чаша эта, видимо, была вместительной, потому что способность говорить связно вернулась к папе только часа через полтора.

Как выяснилось, в школе решили, что несколько неожиданный для первоклассника профиль Зорькиной коллекции с зеркальной точностью отражает пристрастия его отца. На протяжении всего разговора, который папе пришлось вести с директором школы, она смотрела на него крайне подозрительно, и ему казалось, что эта седая интеллигентная женщина вот-вот скажет: «А ну-ка дыхни!» Папа говорил, что это его очень нервировало.

Не дослушав сбивчивых папиных объяснений, директор потребовала у него обещания немедленно бросить пить. «Вы должны сделать это ради сына»,— с чувством сказала она. И скромный в быту, морально устойчивый папа обещал ей это. Папа потом говорил, что если бы директор потребовала от него клятвы никогда больше не вырывать с корнями деревьев в Приморском парке, он тоже не смог бы ей отказать. Таким она обладала даром убеждения.

Возмутитель спокойствия — Зорькин альбом — так и не вернулся к владельцу. Его поместили в благородную компанию на штрафной полке в учительской — рядом с рогатками, реквизированными у школьных снайперов, и мячом, разбившим окно в кабинете директора.

— Если уж ты жить не можешь без бутылочных этикеток,— сказал папа безутешному Зорьке,— собирай безалкогольные. Чем тебе плох «Нарзан»?

Сам папа долго еще не мог без дрожи смотреть на бутылки. И если ему иной раз все же приходилось оказываться за столом в опасной близости с этими сосудами, он незаметно поворачивал их так, чтобы этикетка смотрела на соседа.

мелочи

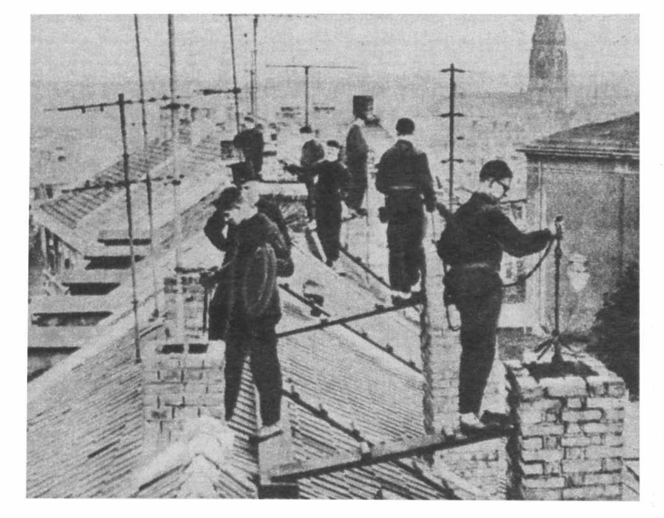
МЕХАНИЧЕСКАЯ БАНЯ

Недавно одна фирма Турина (Италия) выпустила автомат для купания маленьких детей. Эта же фирма планирует изготовить механических мойщиков и для взрослых.

ЭКЗАМЕН НА КРЫШЕ

Чтобы стать дипломированным трубочистом, нужно сдать экзамен. Такой экзамен состоялся недавно в Лейпциге.

ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

Улитки обладают удивительными особенностями. Например, они могут легко проползти по лезвию бритвы без какого бы то ни было повреждения или удерживать в течение нескольких минут груз тяжелее своего веса в 16 раз.

БЛАГОДАРНАЯ РЯБКА

Поздней осенью в лесу мы с женой подобрали рябчика, у которого оказалось поврежденным крыло.

Птица прожила у нас всю зиму. Кормили ее семечками подсолнуха, хлебом, пшеницей, клюквой. Характер у Рябки (как мы ее назвали) был общительный. Она хорошо знала свое имя. Стоило только позвать ее, она тут же бежала навстречу с восторженным щебетанием.

Весной мы пошли в лес и выпустили Рябку на свободу. Она долго сидела на дереве и смотрела на нас, кланяясь, как бы благодаря нас за гостеприимство.

К. Щеглов

Городец.

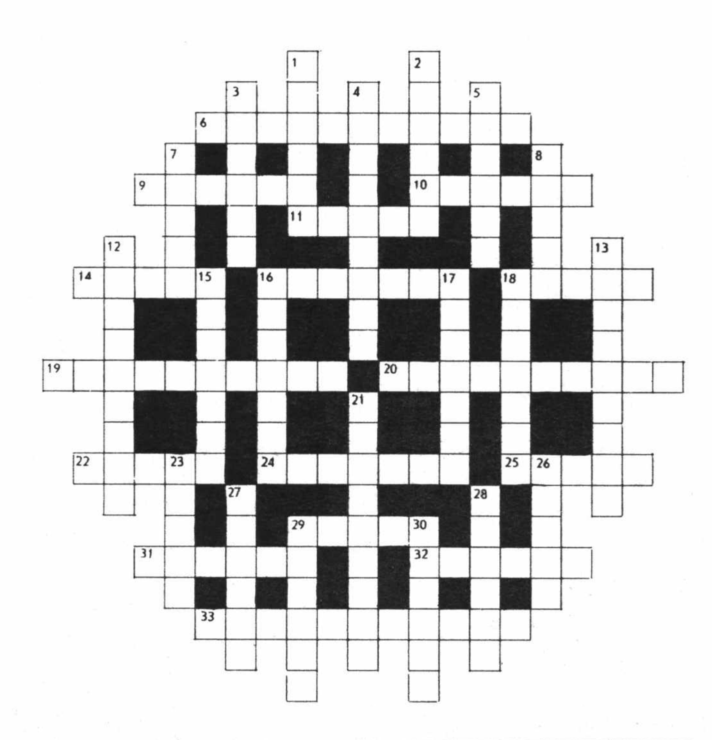

БЕНЗИН ИЗ КОЛОДЦА

Жители поселка Новоазовского, Донецкой области, были удивлены, когда однажды ведра, опущенные в старый колодец, вдруг стали черпать бензин. Слава о чудо-колодце разнеслась далеко. У колодца стали останавливаться автомобили, чтобы пополнить запасы горючего.

Таинственную шутку природы объяснили ученые. В Новоазовском обнаружена легкая нефть, содержащая высокий процент бензина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Итальянский композитор. 9. Столица Мексики. 10. Действующий вулкан на острове Ява. 11. Утка. 14. Охотничья дудочка. 16. Специалист по подводным работам. 18. Киргизский народный эпос. 19. Раздел теории литературы. 20. Советская актриса, народная артистка СССР. 22. Приток Оки. 24. Персонаж произведения М. Горького «Мать». 25. Хвойное дерево. 29. Музыкально-драматическое произведение. 31. Созвездие, в котором находится Южный полюс мира. 32. Пушной зверек. 33. Основоположник теории межпланетных полетов.

По вертикали:

1. Американский писатель. 2. Город в Иркутской области. 3. Ограда по краю моста, лестницы. 4. Жанр изобразительного искусства. 5. Цветник. 7. Шест с лопастью. 8. Плавучая землечерпалка. 12. Спортивная игра. 13. Струнный инструмент. 15. Остров в Средиземном море. 16. Душистое вещество, употребляемое в кулинарии. 17. Промысловая рыба. 18. Порода овец. 21. Осветительный прибор. 23. Перевал на Балканах. 26. Место в пустыне с растительностью и водой. 27. Строительный материал. 28. Союзная республика. 29. Трагедия Шекспира. 30. Русский металлург XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

7. «Маскарад». 8. Оулуярви. 9. Губка. 10. Басов. 12. Ялта. 13. Анды. 14. «Пушка». 16. Моцарт. 18. Швеция. 19. Сарафан. 22. Богота. 23. «Урожай». 24. Конус. 26. Соло. 27. «Труд». 28. Время. 30. Трель. 32. Мопассан. 33. Плутоний.

По вертикали:

1. Павильон. 2. Рагу. 3. Майкоп. 4. Булава. 5. Рубо. 6. Свердлин. 9. Галактионов. 11. Валентность. 15. Шарабан. 17. «Тоска». 18. Шингу. 20. Солонгой. 21. Парусник. 24. Компас. 25. Стрела. 29. Русе. 31. Лето.

●

На первой странице обложки: Мишка с острова Котельного.

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: В музее коневодства сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

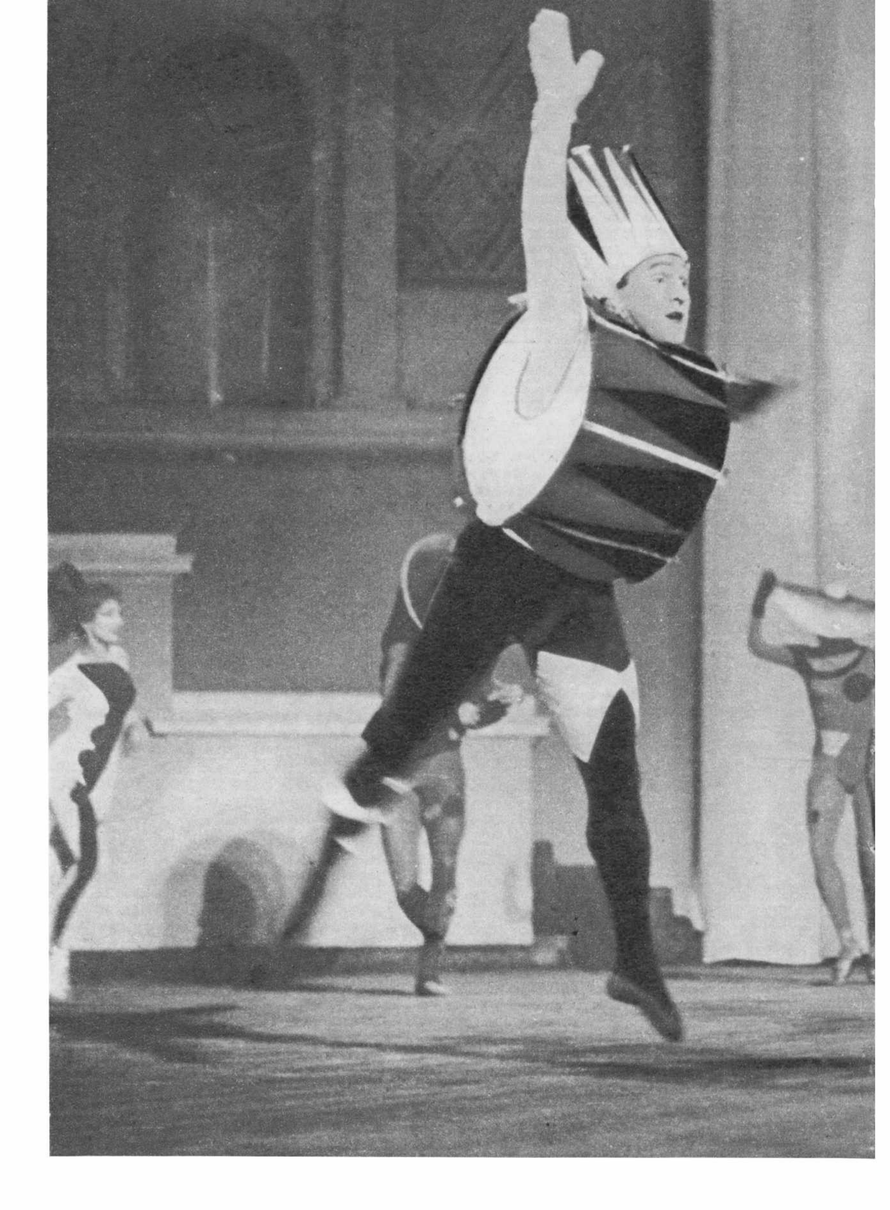
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-37-52; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02115. Подписано к печати 24/XI 1965 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Заказ № 3174. Тираж 1 850 000. Изд. № 2082.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Тема-со

Удивительной устойчивостью отличается концертный репертуар большинства балетных артистов. В программах все те же па-де-де, вальсы, обязательные лебеди. Новых оригинальных номеров мало... Ну, а танцы на современную тему совсем уже редкость...

Но вот недавно в Москве произошло событие, обрадовавшее всех настоящих любителей Терпсихоры. В Зале имени Чайковского в течение нескольких дней проходил первый в стране Всесоюзный конкурс хореографических номеров на советскую тему. Было исполнено шестьдесят разнообразных танцев, среди них немало интересных, заслуживающих внимания.

В конкурсе участвовали десятки балетмейстеров почти из всех наших республик, около двухсот артистов, работающих в четырнадцати театрах, Московское и Ленинградское хореографические учи-

По мотивам Бидструпа.

Скрипка и немножко нервно. По Маяковскому. Исполняют артисты Большого театра.

временность!

лица, а также артисты эстрады Москвы и Ленинграда.

Теме мира и борьбы посвящены классический дуэт «Летите, голуби» (музыка И. Дунаевского, балетмейстеры — В. Варковицкий и С. Власов) и хореографическая новелла «Берегите мир», которую исполняют ленинградцы. Награды удостоена миниатюра «По мотивам Бидструпа», исполненная учащимися Ленинградского училища (музыка Л. Баневич, постановка Л. Якобсона). Сатирический прием в этой миниатюре приобрел особую остроту и убедительность.

Редки еще в наших программах шуточные танцы. Поэтому веселые, комедийные работы завоевали общее признание. В танце «Щеголиха» (постановка Э. Виноградовой) сделана попытка высмеять чрезмерное увлечение модами. Артисты Ленконцерта З. Веденева и Ю. Евдокимов с увлечением исполняют эту хореографическую зарисовку.

К сожалению, в работах, подготовленных к конкурсу, было очень мало танцев веселых, шуточных, эксцентрических, мало композиций, рисующих нашу жизнь, ее радостный труд. Преобладали танцы, сами названия которых достаточно красноречивы: «Солдат и смерть», «Сильнее смерти» и другие в этом роде. И все же первый Всесоюзный конкурс — явление отрадное. Можно надеяться, что следующий такой конкурс привлечет большее внимание крупных хореографов, композиторов, либреттистов. Министерства культуры заблаговременно подведут под такой конкурс солидную материальную и организационную базу. Тогда, несомненно, и результаты Всесоюзного смотра хореографических работ будут интереснее, ощутимее и выявят те большие творческие возможности, которые таятся еще в замыслах.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Берегите мир.

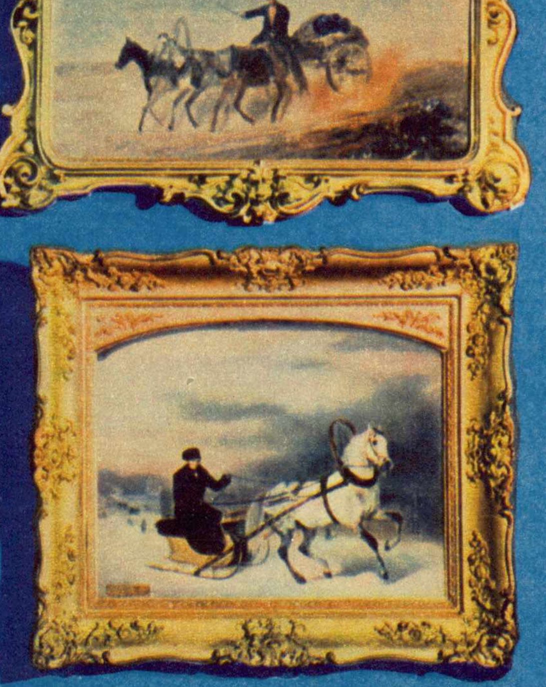
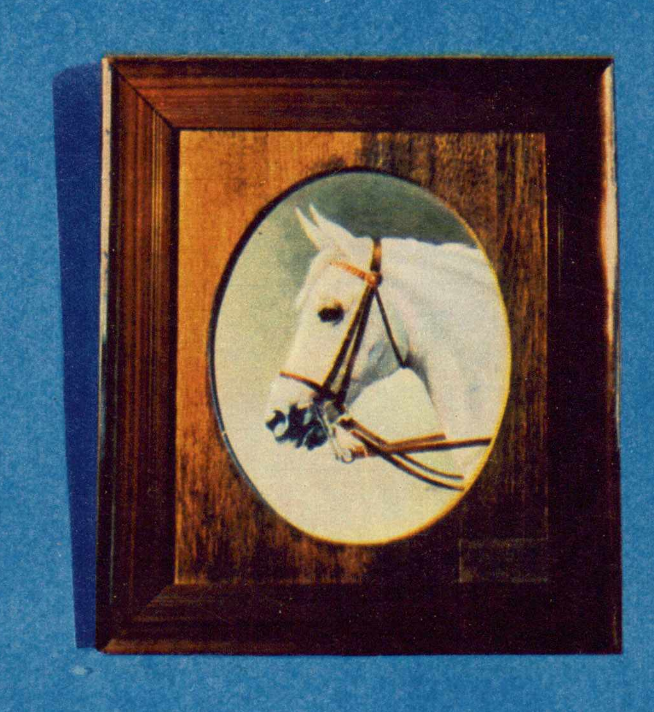
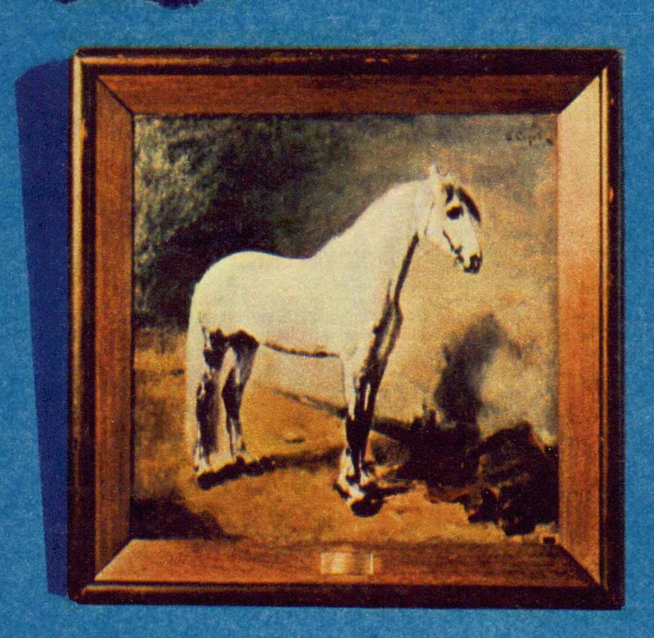
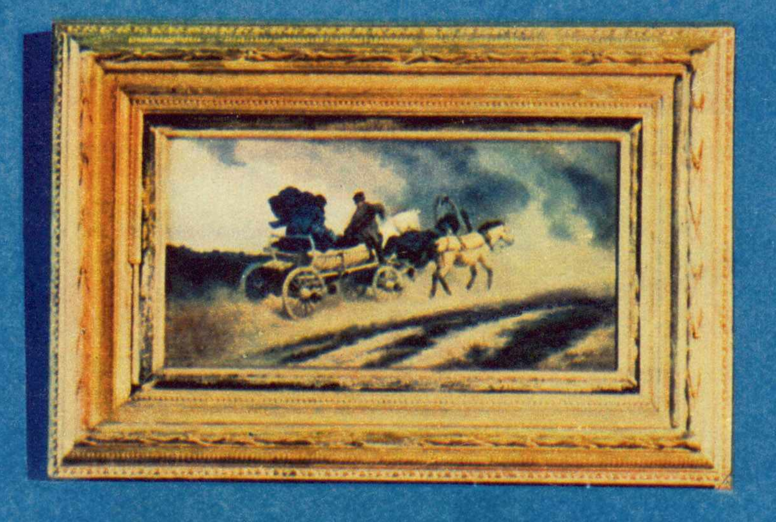
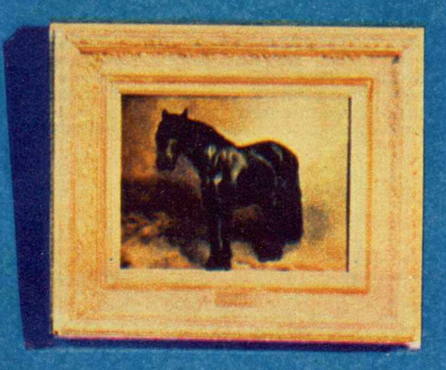
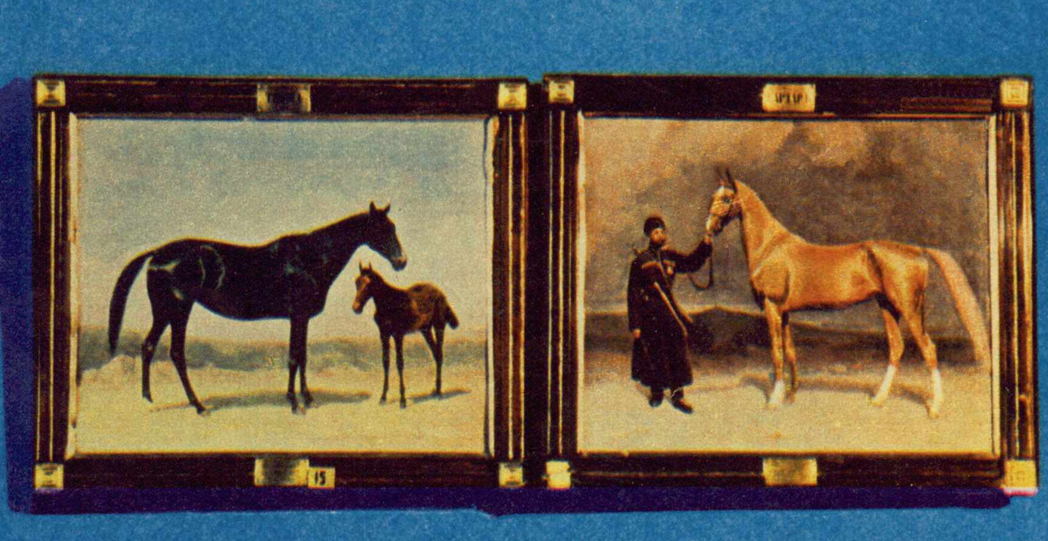

Щеголиха

Что за парень Аурел?

Цена номера 30 коп. Индекс 70663